

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА В. И. ГУБИНСКАГО.

ДАНТЕ-АЛИГЬЕРИ

род. во Флоренціи въ 1265 г., ум. въ Равеннѣ въ 1321 г.

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

АДЪ.

ПЕРЕВОДЪ В. В. ЧУЙКО

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЮ СТАТЬЕЮ О ЖИЗНИ И ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ АВТОРА.

Съ 68 рисунками французскихъ художниковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА В. И. ГУБИНСКАГО.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 іюля 1894 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, № 12.

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ И БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ.

О годѣ рожденія величайшаго изъ итальянскихъ поэтовъ мы знаемъ изъ его собственныхъ словъ, находящихся въ самомъ началѣ «Божественной Комедіи». «По серединѣ нашей жизни — говоритъ онъ тамъ — я очутился въ дремучемъ лѣсу». Въ другомъ мѣстѣ «Ада» онъ прибавляетъ, что начало его сверхъестественнаго путешествія относится къ 1300 году, а въ «Convito» (пирь) высказываетъ мнѣніе, что «середина нашей жизни» есть тридцатипятилѣтній возрастъ. Такимъ образомъ, въ 1300 году ему было тридцать пять лѣтъ; значитъ онъ родился въ 1265 году (8-го мая прибавляютъ документы), что вполне согласно со свидѣтельствами его первыхъ біографовъ — Боккачіо и Вилани. Поэтъ родился во Флоренціи, въ этой «прекрасной овчарнѣ» (bello ovile), гдѣ онъ «покоился точно ягненокъ» и куда, въ теченіе всей своей жизни, надѣялся «возвратиться поэтомъ и у источника крещенія принять вѣнокъ пѣвца». Боккачіо ведетъ родъ поэта отъ нѣкоего Элизео, изъ благороднаго римскаго дома Франджипани, который въ эпоху Карла Великаго переселился во Флоренцію. По преданію, потомки этого Элизео Франджипани, забывши свое происхожденіе, стали просто называться Элизеи. Достоверныя свѣдѣнія, однако, мы имѣемъ только объ одномъ изъ членовъ этого рода — о Каччягвидо, родившемся въ 1106 году. Каччягвидо принадлежалъ къ военной аристократіи Флоренціи и жилъ въ

эпоху господства марграфини Матильды, известной пріятельницы папы Григорія VII. Въ 1147 году онъ сопутствовалъ Конраду III во время его неудавшагося крестоваго похода, за свою храбрость былъ возведенъ въ званіе рыцаря и умеръ въ Сиріи. Жена этого Каччягвидо была изъ семейства Алигьеріа, по мнѣнію однихъ, — изъ Пармы, а по мнѣнію другихъ — изъ Феррары. Это имя, нѣсколько измѣненное впоследствии (Алигьері), перешло къ ея сыну, а отъ него и на весь родъ, къ которому въ третьемъ колѣнѣ принадлежитъ нашъ поэтъ. Данте Алигьеріи былъ крещенъ въ церкви св. Іоанна Крестителя и получилъ имя Дуранте, сокращенное, по тогдашнему обычаю, въ Данте и оставшееся за нимъ на всегда. Семейство, въ которомъ онъ родился, принадлежало къ гвельфской аристократіи; самъ онъ причислялъ себя къ древнимъ флорентинскимъ родамъ, которые, въ противоположность прибывшимъ изъ Фіезоле, любили сводить свое происхожденіе къ Риму, воображаемой своей метрополіи, но которые, по всей вѣроятности, были лангобардской и, во всякомъ случаѣ, германской крови.

Объ отцѣ и матери Данте мы ничего не знаемъ, за исключеніемъ только того, что его мать называлась Белла; не знаемъ также и обстоятельствъ его первой юности. По словамъ Боккачіо, онъ былъ ученикомъ Брунетто Латини, но новѣйшія изслѣдованія доказали ложность этого показанія. Приходится, на тѣхъ-же основаніяхъ, устранить и вліяніе на него Гвидо Кавальканти. Предполагаютъ также, что Данте учился въ падуанскомъ и болонскомъ университетахъ, но это одно лишь предположеніе. Болѣе вѣроятно его посѣщеніе Парижа. Нѣкоторые думаютъ, что онъ посѣтилъ также Англію и былъ въ Оксфордѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ ученыхъ людей своего времени.

Въ центрѣ его поэтическаго творчества стоитъ свѣтлый образъ, который поэтъ надѣлилъ непреходящимъ блескомъ, — Беатриче Портинари. По признаніямъ самого Данте, она была очарованіемъ его дѣтскихъ лѣтъ, милой подругою его юности,

путеводной звѣздой его зрѣлаго возраста. Она была дочь Фалько Портинари, знатнаго флорентинца. Въ 1287 году она вышла замужъ за Симона деи Барди, а въ 1290 году умерла, двадцати-четырехъ лѣтъ отъ роду. Черезъ годъ послѣ смерти Беатриче, Данте женился на Джеммѣ Донати. О ней мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія; самъ Данте обходитъ ее полнымъ молчаніемъ; Боккаччо утверждаетъ, что поэтъ былъ несчастливъ въ супружествѣ, а одинъ изъ послѣднихъ изслѣдователей, Фраттичелли, предполагаетъ, что Джемма была настоящей Ксантиппой. Несомнѣнно только одно: съ минуты изгнанія Данте изъ Флоренціи, онъ никогда болѣе не видѣлся со своей женой.

Тутъ мы встрѣчаемся съ одной изъ самыхъ странныхъ загадокъ въ жизни поэта. Въ «Vita nuova» Данте рассказываетъ, что послѣ смерти Беатриче онъ, благодаря участію, оказанному ему другой благородной женщиной, былъ нѣсколько дней невѣренъ памяти умершей; однако, вскорѣ вернулся въ тяжкомъ раскаяніи къ своей прежней любви. Въ «Божественной Комедіи» (Чистилище, 30) Беатриче осыпаетъ почти самыми горькими упреками за измѣну, совершенную имъ послѣ ея смерти, и онъ открыто признается въ своей винѣ. Съ скрытымъ негодованіемъ и горькимъ упрекомъ Беатриче обращается къ нему: «Guardami ben; ben son, ben son Beatrice». Въ слѣдующей пѣснѣ она обращается къ нему со слѣдующими словами. «Но никогда ни природа, ни искусство не предлагали тебѣ такого наслажденія, какъ прекрасное тѣло, въ которомъ я была заключена, и которое теперь не болѣе, какъ прахъ. И если величайшее изъ наслажденій у тебя было отнято моею смертию, то какой-же смертный предметъ могъ тебя потомъ соблазнить? Ты долженъ былъ бы, при первыхъ приступахъ обманчивыхъ предметовъ, вознестись ко мнѣ, которая не была уже такимъ предметомъ. Ты не долженъ былъ опускать крыльевъ и выжидать, пока ты снова будешь пораженъ какой-либо молодой дѣвушкой, или какой-либо другой, столь-же скоро преходящей суетой. Молодая птичка позволяетъ стрѣ-

лять въ себя два или три раза; но напрасно было бы ставить сѣти или пустить стрѣлу въ птицу, у которой крылья уже укрѣпились». Въ чемъ, однако, упрекаетъ поэта Беатриче? Въ томъ-ли, что онъ оказался невѣренъ ей въ обыденномъ смыслѣ этого слова, или же въ томъ, что на время измѣнилъ философіи и религіи, какъ допускаютъ многіе комментаторы, обращая вниманіе на аллегорическій характеръ поэмы? Намъ кажется, что слѣдуетъ принять то мнѣніе, которое согласуетъ оба взгляда: въ этихъ краснорѣчивыхъ словахъ есть доля аллегоріи и жизненныхъ воспоминаній, временныхъ паденій и борьбы. Весьма вѣроятно, что единственная женщина, которую Данте не могъ или не хотѣлъ любить, была его жена. Можно заключить, что въ первое время брака Данте увлекся своей женой и временно забылъ Беатриче. Но вѣроятнѣе всего, что слова Беатриче относятся къ другой женщинѣ, которою онъ увлекся во время своего пребыванія въ Луккѣ.

Данте рано занялъ выдающееся положеніе во Флоренціи; въ 1300 и 1301 годахъ онъ былъ въ числѣ пріоровъ; но въ 1302 году былъ изгнанъ вмѣстѣ со своей партіей и никогда больше не возвращался во Флоренцію.

Извѣстно, что *гвельфы* и *гибеллины*—названіе двухъ партій, боровшихся въ Германіи и Италіи въ теченіе XII, XIII и XIV вѣковъ. Первоначально борьба возникла въ Германіи. Послѣ смерти Лотаря, въ 1138 году, два дома оспаривали другъ у друга императорскую корону. Во главѣ одного изъ нихъ стоялъ Конрадъ, сынъ Фридриха Гогенштауфена, герцога Швабіи, владѣтель Виблингена (отсюда, вслѣдствіе искаженія,—гибеллинь); во главѣ другого дома находился Генрихъ Гордый, герцогъ Саксонскій, племянникъ Вельфа или Вольфа (гвельфа), герцога Баварскаго. Въ Германіи борьба эта закончилась побѣдой Конрада, избраннаго императоромъ и упрочившаго такимъ образомъ власть гибеллиновъ, но въ Италіи распри и междоусобныя войны обѣихъ партій продолжались гораздо дольше. Нѣмецкіе гвельфы нашли привержен-

цевъ почти во всѣхъ итальянскихъ городахъ, желавшихъ свергнуть иго императоровъ и поддерживаемыхъ папами. Во Флоренціи борьба между этими двумя враждебными партіями принимала по временамъ самый ожесточенный характеръ, и подъ конецъ усложнилась еще однимъ внѣшнимъ обстоятельствомъ. Одна изъ знатнѣйшихъ семей города Пистойи, семья Канчельери, процвѣтала въ двухъ линіяхъ, происходившихъ отъ двухъ различныхъ браковъ одного изъ предковъ этой семьи и называвшихся, вслѣдствіе какого-то неизвѣстнаго намъ повода, бѣлыми (bianchi) и черными (neri). Эти двѣ линіи распались между собой и жили въ злѣйшей враждѣ. Однажды, одинъ изъ бѣлыхъ Канчельери былъ раненъ чернымъ. Отецъ послѣдняго былъ миролюбиваго характера и приказалъ сыну пойти къ противникамъ и испросить ихъ прощенія. Сынъ пришелъ безоружный къ бѣлымъ, но бѣлые схватили его, отрубили ему на конюшнѣ правую руку и съ насмѣшками отослали его домой. Этотъ возмутительный поступокъ подлил масла въ огонь; расколъ, до того времени частный, сдѣлался теперь общимъ. Каждая вѣтвь имѣла свою партію приверженцевъ, и такимъ образомъ вся Пистойя распалась на двѣ враждебныя партіи, бѣлыхъ и черныхъ. Кружокъ пистойцевъ, еще раньше поселившихся во Флоренціи, но усилившійся послѣ этихъ событій, перенесъ и во Флоренцію дѣленіе на партіи, которое существовало въ ея родномъ городѣ; и та, и другая сторона нашла здѣсь приверженцевъ, и сама Флоренція распалась на двѣ враждебныя партіи, бѣлыхъ и черныхъ. Къ чернымъ причислялись гвельфская аристократія и попланы; къ бѣлымъ — остатки прежней гибеллинской партіи, снова пробудившейся при этомъ случаѣ. Во главѣ первыхъ стояла семья Донати, во главѣ вторыхъ — Черки.

На сторонѣ бѣлыхъ оказался и Данте. Отдѣлившись отъ партіи гвельфскихъ аристократовъ, онъ не находилъ для себя другого мѣста, потому что партія бѣлыхъ — гибеллиновъ — соединяла въ себѣ тѣ элементы, господство которыхъ при дан-

ныхъ обстоятельствахъ всего скорѣе, по мнѣнію Данте, могло обезпечить благою будущность его родного города. Въ 1300 г. Данте, поддерживаемый пятью, менѣе извѣстными, товарищами, былъ сдѣланъ пріоромъ. Бѣлые и черные дошли въ своихъ раздорахъ до такой ярости, что папскій легатъ, кардиналъ Матео д'Акваспарта, явившись во Флоренцію по повелѣнію папы въ качествѣ миротворца, не успѣлъ въ своей миссиі и наложилъ на городъ интердиктъ. Въ такое тревожное время Данте выступилъ какъ членъ правительства. Онъ и его коллеги утвердили законъ, которымъ изгонялись изъ Флоренціи наиболѣе безпокойные предводители обѣихъ партій. Карлъ Донати съ черными отправился въ Тосканскія горы; бѣлые и съ ними Гвидо Кавальканти разсѣялись въ Мареммахъ. Черные готовились къ мести. Эта партія обвиняла теперъ бѣлыхъ въ гибеллинизмъ, во враждѣ къ папамъ и къ Флоренціи и, призывая внѣшнюю помощь, склонила Карла Валуа занять городъ. Данте былъ отправленъ городомъ посломъ въ Римъ (1301 г.); дѣло касалось того, чтобы отклонить отъ Флоренціи опасность, которая угрожала городу приближеніемъ Карла Валуа. По всему видно, что Данте и не рассчитывалъ на успѣхъ посольства, но тѣмъ не менѣе принялъ миссію и отправился въ Римъ. Странное впечатлѣніе должна была производить эта встрѣча теократическаго папы съ поэтомъ-гибеллиномъ. Здѣсь встрѣтились два наиболѣе рѣзкіе контраста: съ одной стороны—самые энергическіе представители теократическаго государства, съ другой—государства свѣтскаго, автономнаго,—страстный защитникъ погибающей системы, Бонифаций VIII, и защитникъ системы побѣдоносно возникающей. Не мудрено, что они ненавидѣли другъ друга. Въ сердцѣ Данте зародилась неизглядимая злоба, ненависть къ папѣ, такъ явно и предательски вмѣшавшемуся въ судьбу его родного города. Онъ преслѣдовалъ его въ послѣдствіи бичомъ своего гнѣва отъ глубины ада до самыхъ возвышенныхъ круговъ рая, клеймилъ его какъ дерзкаго узурпатора папскаго престола, какъ врага

Бога и человечества, и пламенными, незабываемыми чертами передалъ въ стихахъ всю сумму своихъ обвиненій («Адъ» — 19, 27; «Рай» — 17, 30, 27). Въ то время, какъ Данте находился въ Римѣ, Карлъ Валуа занялъ Флоренцію въ качествѣ миротворца. Черное знамя было поднято. Огонь и мечъ опустошали Флоренцію. Бѣлые были приговорены къ изгнанію. Ихъ судьбу пришлось раздѣлить и Данте.

Судьба устроила такъ, что Данте не вернулся болѣе во Флоренцію; хотя раздоры партіи продолжались, хотя торжество гибеллинизма, по временамъ, казалось близко, тѣмъ не менѣе, во все время его изгнанія, которое длилось до самой его смерти, т. е. цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ,—власть по прежнему оставалась въ рукахъ гвельфовъ. Изгнаніе было тяжкимъ ударомъ для поэта. Онъ никогда не могъ свыкнуться съ судьбой, научиться переносить ея удары; онъ постоянно пытался сломать природу. Этимъ объясняется вся жизнь его въ изгнаніи. Вскорѣ мы его находимъ въ Веронѣ, которая тогда была управляема семьей Делла-Скала, преданной гибеллинамъ. Но тамъ онъ оставался не долго и направился въ Тоскану, гдѣ бѣлые и гибеллины, соединенные въ чувствѣ общей мести, сконцентрировали всѣ свои силы недалеко отъ Ареццо. Въ 1306 году мы видимъ Данте въ Падуѣ, въ слѣдующемъ году—при дворѣ Маласпины, затѣмъ въ горахъ по сосѣдству съ Ареццо. Нѣкоторые думаютъ, что приблизительно въ это же время онъ посѣтилъ Парижъ; но туда онъ могъ попасть только послѣ смерти императора Генриха VII, т. е. послѣ 1313 года. Избраніе на императорскій престолъ Генриха Люксамбургскаго оживило надежды Данте, тѣмъ болѣе, что Генрихъ сейчасъ-же послѣ своего избранія въ императоры рѣшилъ отправиться въ Италію, съ цѣлью поднять валявшееся въ пыли знамя Гогенштауфеновъ. Предводители гибеллиновъ, разумѣется, были готовы всѣми своими средствами помогать ему. Тогда-то именно Данте написалъ свое знаменитое посланіе къ Италіи, гдѣ онъ возвѣщаетъ скорое пришествіе «миролю-

бываго Титана», который водворить спокойствіе и справедливость. Къ тому-же времени относится и его сочиненіе «De monarchia», которое можно считать политической программой поэта. Тамъ онъ старался доказать, что права императоровъ, законныхъ наслѣдниковъ цезарей, ни въ какомъ случаѣ не зависятъ отъ власти папъ, которые—только представители церкви. По его мнѣнію, всѣ несчастія—настоящаго происходятъ оттого, что родъ человѣческій расчленился. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы Данте не признавалъ или не видѣлъ этнографическихъ, такъ сказать, различій между народами. Напротивъ, онъ до извѣстной степени считаетъ нужнымъ нѣкоторую автономность частей, но надъ всѣмъ этимъ — говорить онъ—должна выситься одна высшая воля, которая представляла бы собой единство цѣли. Это единство необходимо какъ въ духовномъ, такъ и въ политическомъ мірѣ. Человѣчество нуждается въ папѣ для своего спасенія, въ императорѣ—для своего благоденствія.

Генрихъ VII прибылъ въ Италію только въ 1310 году; онъ былъ коронованъ въ Миланѣ, какъ король Ломбардскій, и занялъ въ слѣдующемъ году Кремону, Брешию и другія крѣпости. Данте съ нетерпѣніемъ ожидалъ его появленія въ Тосканіи и съ этой цѣлью написалъ нѣсколько посланій къ Генриху VII, и одно—къ флорентинцамъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: «О, суетнѣйшіе изъ всѣхъ тусковъ, бессмысленные столько-же отъ низкихъ вашихъ побужденій, сколько и отъ природы! Вы не думаете о томъ, до какой степени во мракѣ ночномъ неизлѣчимое самообольщеніе заблуждается передъ очами людей разумныхъ, вы это не толкуете вашему неразумію. Люди-же разсудительные, не запятнавшіе себя на вашемъ пути, видятъ, какъ вы стоите на порогѣ темницы и какъ вы отклоняете каждаго сострадательнаго человѣка, который хотѣлъ бы освободить васъ, заключенныхъ, скованныхъ по рукамъ и по ногамъ. Пораженные слѣпотой, вы не сознаете, какъ властвуетъ надъ вами

страсть, какъ она льститъ вамъ своимъ ядовитымъ шепотомъ и преграждаетъ вамъ пустыми угрозами возвратный путь, какъ она отдаетъ васъ въ рабство грѣху и препятствуетъ вамъ повиноваться священнымъ законамъ, установленнымъ на основѣ естественной справедливости». Но Генрихъ VII не внялъ его совѣтамъ; вмѣсто того, чтобы направиться къ Флоренціи и тамъ раздавить гидру возстанія, какъ совѣтовалъ ему Данте, онъ изъ Кремоны отправился въ Павію и послѣ четырехмѣсячной осады взялъ ее; затѣмъ онъ двинулся къ Генуѣ, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ. Изъ Генуи планъ дѣйствій повелъ его въ Пизу; наконецъ, въ 1311 году онъ очутился у стѣнъ Рима, гдѣ голова его должна была вѣнчаться императорской короной, какъ то обѣщаль ему папа съ самаго начала. Въ то время большую часть Рима занималъ своими войсками Робертъ Неаполитанскій. Генриху была доступна лишь небольшая часть города съ Латеранскимъ соборомъ. Нѣмцы, правда, завладѣли Капитоліемъ, но доступъ къ храму Св. Петра тѣмъ не менѣе былъ прегражденъ. Это обстоятельство было особенно непріятно Генриху, потому что ему всего важнѣе было короноваться тамъ императоромъ. Но онъ долженъ былъ преодолѣть себя, и коронованіе произошло въ Латеранскомъ соборѣ не самимъ папой, а кардиналомъ-легатомъ. Дѣла имперіи отъ этого не улучшились; возстаніе было почти повсемѣстно. Усмиряя бунты, Генрихъ дошелъ до Буонъ-Конвенто; смертельная болѣзнь, зародышъ которой онъ получилъ еще въ Брешии, внезапно сразила его здѣсь, въ самый разгаръ надеждъ на покореніе и наказаніе его противниковъ. Тѣло его было перевезено въ Пизу и торжественно погребено въ соборѣ. Съ нимъ сошелъ въ могилу цѣлый міръ упованій. Для Данте эта смерть была самымъ ужаснымъ ударомъ. Онъ поселился въ Веронѣ, при дворѣ Кане делла Скала. Мы имѣемъ право полагать, что поэтъ много страдалъ въ Веронѣ отъ грубости и пренебреженія къ нему придворныхъ. Это-то именно онъ, вѣроятно, и имѣлъ въ виду, когда писалъ: «Ты

испытаетъ, какъ горекъ чужой хлѣбъ и какъ тяжелъ путь восхожденія по чужимъ лѣстницамъ» («Рай», 17). Въ Веронѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, потомъ мы видимъ его опять скитающимся по разнымъ мѣстамъ Италіи. Въ 1316 году Данте было предложено вернуться во Флоренцію. Это предложеніе застало его, по всей вѣроятности, въ Луккѣ, и оттуда онъ написалъ свой знаменитый отвѣтъ: «Ваше посланіе встрѣтилъ я съ подобающимъ почтеніемъ и сердечнымъ расположеніемъ и, послѣ тщательнаго его обсужденія, усмотрѣлъ изъ него съ признательностью, въ какой степени близокъ вашему сердцу вопросъ о моемъ возвратѣ въ родной мой городъ,—и этимъ вы тѣмъ болѣе меня обязали, что изгнанникамъ рѣдко приходится находить себѣ друзей. Нынѣ желаю я дать отвѣтъ на содержаніе этого письма и если онъ будетъ не таковъ, какимъ бы желали его видѣть нѣкоторые малодушные люди, то я васъ попрошу отъ всего сердца хорошо взвѣсить все, прежде чѣмъ вы произнесете свое сужденіе о немъ. Вотъ что сообщено было мнѣ письмами отъ васъ, отъ моего племянника и отъ другихъ друзей, относительно постановленнаго недавно во Флоренціи помилованія изгнанниковъ: если я уплачу извѣстную денежную пеню и возьму на себя позоръ всенароднаго покаянія, то я буду помилованъ и могу немедленно возвратиться. Но, почтенный отецъ, въ томъ предложеніи двѣ стороны забавны и плохо придуманы. Я отношу это къ тѣмъ, которые написали мнѣ въ такомъ духѣ, ибо ваше посланіе, составленное разумнѣе и осмотрительнѣе, не заключаетъ въ себѣ ничего подобнаго. Такъ вотъ этотъ пресловутый призывъ на родину, котораго дождался Данте Алигьери послѣ того, какъ онъ провелъ почти три семестра въ изгнаніи?! Такую-то награду заслужила его невинность, очевидная для всѣхъ?! Такое возмездіе за тяжелые труды въ потѣ лица и за напряженіе силъ, посвященныхъ имъ наукѣ?! Пусть-же далека будетъ отъ человѣка, предавшагося философіи, бессмысленная низость сердца, отданнаго лишь земнымъ помысламъ, дабы я

не могъ подобно какому-нибудь Чіоло и другимъ безчестнымъ людямъ, также заключеннымъ въ оковы, преодолѣть себя и явиться на покаяніе. Пусть далеко будетъ отъ чело-вѣка, вездѣ проповѣдывавшаго справедливость и терпѣвшаго отъ безправія, мысль, что виновникамъ этой несправедливости онъ можетъ отдать свои собственныя деньги, какъ будто онѣ были его благодѣтелями! Нѣтъ, почтенный отецъ, не таковъ тотъ путь, по которому возвращаются на родину. Если вы или иные люди знаете этотъ путь, который не противорѣчить добродушию и чести Данте, то я не замедлю пойти по немъ. Но если невозможно возвратиться во Флоренцію этимъ путемъ, то я никогда уже не возвращусь въ нее. И отчего мнѣ не поступить такъ? Развѣ я не вижу вездѣ того же свѣта солнца и созвѣздій? Развѣ не подъ каждымъ небомъ могу я изслѣдовать сладчайшія истины, съ той минуты, когда я не хочу поступить относительно флорентинской республики безславно или даже прямо безчестно? Изъ-за этого мнѣ не предвидится даже терпѣть лишений».

Въ концѣ 1320 года мы находимъ Данте въ Равеннѣ. Тамъ онъ жилъ при дворѣ Гвидо да Полента. Лѣтомъ 1321 года онъ отправился въ Венецію посломъ Гвидо. Цѣлью этой поѣздки было, по всей вѣроятности, возстановленіе между двумя городами нарушенныхъ мирныхъ сношеній. Возвратившись въ Равенну, Данте заболѣлъ и умеръ 21-го сентября 1321 года.

Въ одномъ письмѣ къ Кане делла Скала, Данте объясняетъ сюжетъ «Божественной Комедіи». Онъ говоритъ, что даль своей поэмѣ названіе комедіи потому, что въ противоположность трагедіи она начинается печально и кончается радостно. Кромѣ того, онъ устанавливаетъ различіе между букввальнымъ смысломъ и смысломъ аллегорическимъ своей поэмы и замѣчаетъ, что его поэма можетъ быть названа *Polysensuum*, т. е., что въ ней скрыто много смысловъ. Затѣмъ онъ даетъ полное заглавіе всей поэмѣ: «*Incipit Comoedia Dantis Aligherii, Florentini natione, non moribus*». —Нѣтъ никакого сомнѣнія, что

«Божественная Комедія» — одно изъ величайшихъ созданий чело­вѣческаго творчества. Теперь, на разстояніи почти шести столѣтій, внимательно изучая великую поэму, намъ кажется, что Данте — личность, стоящая совершенно особо, не имѣющая предшественниковъ, создавшая свое великое произведеніе одною лишь силою своего творческаго духа. Въ дѣйствительности, однако, дѣло происходило гораздо проще. Странное дѣло, но въ этомъ единственномъ великомъ эпосѣ новаго времени, написанномъ вскорѣ послѣ того, какъ окончательно сложился циклъ «Нибелунговъ», не замѣчается никакого новаторства. Данте не только не разрываетъ съ традиціями среднихъ вѣ­ковъ, но, напротивъ, пользуется ими при всякомъ удобномъ случаѣ и на нихъ, главнымъ образомъ, строить зданіе своей поэмы. Изъ народныхъ легендъ онъ заимствуетъ содержаніе, типы, эмблемы, символы; онъ даже старается сохранить, во всей своей неприкосновенности, мистико-аллегорической духъ этихъ легендъ; онъ вдохновляется народными сказаніями, пре­даніями, фаблю трубадуровъ. Все, что волновало умы и сердца среднихъ вѣковъ: страшный судъ, загробная жизнь, мученія грѣшниковъ въ аду, блаженство рая — все это укладывалось въ народныя легенды, въ монашескія сказанія, подобно тому, какъ въ XII вѣкѣ среди русскаго народа появляются такъ-на­зываемыя «Хожденія въ адъ», на примѣръ, хожденіе св. Бого­родицы, хожденіе апостола Павла и пр. Мало-по-малу путемъ заимствованій и литературной преемственности образуется богатый циклъ этихъ легендъ въ Италіи, такъ что въ бли­жайшую къ Данте эпоху мы видимъ готовыми, созданными народной фантазіей всѣ элементы «Божественной Комедіи». Данте оставалось только прислушаться къ этому народному говору и на немъ построить зданіе своей поэмы. Онъ такъ и сдѣлалъ. Въ «Божественной Комедіи», какъ и въ произведе­ніяхъ Шекспира, все заимствовано: какъ цѣлое, такъ и части. Какая-нибудь легенда св. Патрика или св. Брандана, какое-нибудь фаблю Рютбефа, или Гудана, уже содержать въ заро-

дышѣ ту или другую сцену дантовскихъ терцинъ. Извѣстно, напримѣръ, какъ поэтъ объясняетъ происхожденіе ада и чистилища. Съ точки зрѣнія космологіи поэта, земля есть центръ вселенной шарообразной формы; въ такомъ-же видѣ представляетъ себѣ вселенную и Гомеръ. Согласно съ представленіями среднихъ вѣковъ, Данте помѣщаетъ адъ въ нѣдрахъ земли. Въ самомъ низменномъ углу ада, въ центрѣ земли находится Люциферъ; середина его тѣла образуетъ собой ту центральную точку, къ которой сходятся со всѣхъ сторонъ всѣ тяготы міра. Совершилось это, по толкованію Данте, слѣдующимъ образомъ: Люциферъ—говоритъ онъ—упалъ съ неба въ противоположномъ Іерусалиму направленіи и, подобно стрѣлѣ, вонзенъ былъ въ землю такъ, что, въ силу закона природы, онъ погрязъ въ центрѣ земли половиной своего туловища; та земля, которая до тѣхъ поръ покрывала собой противоположащее намъ полушаріе, ужаснувшись при видѣ этой катастрофы, покрылась волнами морскими, спаслась на наше полушаріе и образовала собой высоты іерусалимскія и гору Искупленія; но та часть внутренней земли, которая была вытѣснена паденіемъ Люцифера, точно также вылетѣла вверхъ позади падашаго и образовала гору Очищенія. Паденіе Люцифера образовало громадную яму, въ видѣ конуса, основаніе котораго находится на поверхности земли, а верхушка въ центрѣ. Тамъ-то и пребываетъ Люциферъ въ вѣчныхъ мученіяхъ; его крылья приняли форму перепонокъ летучей мыши; вѣчно махая ими, онъ производитъ страшный холодъ; вся «Каина»—такъ называется мѣстопребываніе Люцифера—окружена льдами, среди которыхъ томятся онъ и грѣшники, осужденные на эти мученія за измѣну. Извѣстный историкъ и географъ XVI столѣтія Джіамбулари попробовалъ начертить планъ дантова ада. Данныя онъ извлекъ изъ поэмы. По его вычисленіямъ, гора Очищенія имѣетъ 3,250 миль вышины по вертикальной линіи, адъ—приблизительно половину. Чистилище находится, по его мнѣнію, на западѣ отъ Канарскихъ острововъ, на 32 градусѣ

южной широты и 114 градусъ долготы. Джіамбулари предполагаетъ, кромѣ того, что гора Очищенія находится на діаметрально противоположномъ пунктѣ отъ Іерусалима, такъ что, по его космографическимъ понятіямъ, у нихъ одинъ и тотъ-же горизонтъ. Если къ этому мы прибавимъ, что, по мнѣнію средневѣковыхъ ученыхъ, чистилище и земной рай находились въ антиподахъ, что въ особенности ужасало товарищей Христофора Колумба, во время его путешествія, то въ этомъ планѣ у насъ будетъ лучшее доказательство, что «Божественная Комедія» резюмируетъ всю тогдашнюю науку съ удивительной ясностью и что она составляетъ какъ бы переходъ отъ науки среднихъ вѣковъ къ наукѣ нашего времени: она соединяетъ, слѣдую выраженію Николинци, силу относительнаго варварства съ возникающей цивилизаціей. Что-же касается рая, то онъ построенъ у Данте значительно идеальнѣе. Поэтъ, въ сопровожденіи Беатриче, переходитъ отъ одной сферы къ другой, и въ каждой онъ находитъ святыхъ угодниковъ. Здѣсь онъ точно также строго придерживался господствовавшей тогда астрологій: на Марсѣ, напримѣръ, онъ помѣщаетъ души великихъ военачальниковъ, на Веперѣ—героевъ любви, на Юпитерѣ—великихъ монарховъ, на Сатурнѣ—созерцателей. Вся эта космологія и вся эта грандіозная картина не выдумана Данте: элементы ихъ, конечно, разбросанные и безсвязные, онъ нашелъ въ легендахъ и научныхъ воззрѣніяхъ среднихъ вѣковъ; онъ только слилъ ихъ въ одно органическое цѣлое.

Тѣмъ не менѣе, было бы ошибкою предполагать, что Данте изучалъ всѣ эти сказанія, былъ знакомъ со всѣми легендами среднихъ вѣковъ. Въ немъ поэтъ преобладалъ надъ ученымъ. Данте только резюмировалъ съ необыкновенною силою генія философскія и литературныя теченія своего времени. Куда бы ни взглянулъ Данте, онъ всюду видѣлъ грозную фигуру Смерти, указывающую ему своимъ перстомъ ту таинственную страну, откуда — какъ въ послѣдствіи говорилъ Гамлетъ — «не возвращался еще ни одинъ путникъ». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что,

помимо легендарныхъ сказаній, Данте много заимствовалъ изъ произведеній пластическаго искусства того времени. «Хожденія въ адъ», небесныя видѣнія воспроизводились и скульптурой, и живописью съ набожною цѣлью, для украшенія церквей. Живописныя фрески почти всѣ исчезли, уцѣлѣли только клочки. Такъ, въ криптѣ Оксерской церкви осталась часть фрески, гдѣ изображено торжество Христа въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ Алигьери представилъ его въ своемъ «Чистилищѣ». Образа на стеклѣ съ изображеніемъ ада очень часто встрѣчаются въ церквахъ конца XII и начала XIII столѣтій. Что же касается скульптурныхъ произведеній, то они очень многочисленны; тимпанъ западнаго портала Отенской церкви, тимпанъ главнаго портала церкви въ Конкѣ (Conques), порталъ церкви Муассака—даютъ очень любопытныя, очень разнообразныя подробности; всѣ формы мученій находятся тутъ, такъ-же какъ и формы райскаго блаженства, хотя и не съ такимъ разнообразіемъ и не такъ детально, какъ въ «Раю» Данте. Въ эпоху пребыванія Данте во Франціи всѣ эти памятники уже существовали точно такъ-же, какъ и западный порталъ парижскаго собора Нотрѣ-Дамъ, гдѣ изображены различныя степени наказанія и награды. Дидронъ указалъ болѣе пятидесяти такихъ «иллюстрацій» къ «Божественной Комедіи»—иллюстрацій, возникшихъ раньше самой поэмы.

Готическая архитектура, въ свою очередь, не осталась безъ вліянія на поэму. Народная мысль среднихъ вѣковъ населила рай вѣчно-цвѣтущими садами, дворцами съ золотыми колоннами и алмазными стѣнами, съ серебряными паникадилами и арфами изъ слоновой кости. Отъ этого чисто внѣшняго блеска рая Данте отказался, но вспомнилъ за-то тѣ готическіе соборы, которые именно въ его время стали повсюду возникать въ Европѣ, и по плану этихъ соборовъ построилъ свою поэму. Готическая архитектура какъ нельзя лучше отвѣчала духу среднихъ вѣковъ. Ученіе, представляющее землю, какъ долину слезъ, настоящую жизнь—какъ испытаніе, привело людей къ

отвращенію отъ міра, къ экстазу, къ отчаянію, къ потребности безконечной нѣжности, къ представленіямъ вѣчнаго пламени и вѣчнаго ада, лучезарнаго рая и невыразимаго блаженства. Изъ этого общаго чувства, охватившаго собою всю средневѣковую Европу, возникла готика. Внѣшность храма, по этой концепціи, напоминаетъ гигантскій филигрань, словно сплетенный изъ мраморнаго кружева, изысканный, утонченный, затѣйливый; внутренность погружена въ мрачную холодную тѣнь; свѣтъ проходитъ сквозь призму стеколъ кровавымъ пурпуромъ, лучами аметиста и топаза, мистическимъ блескомъ драгоценныхъ камней. Тутъ каждая деталь служитъ символомъ и указываетъ на какое-нибудь высшее таинство; зданіе своими перекрещивающимися формами напоминаетъ крестъ, на которомъ умеръ Христосъ; розасы съ ихъ алмазными лепестками изображаютъ неувядаемую розу, листья которой составлены изъ душъ искупленныхъ. Это точно щегольскій нарядъ слабонервной и раздражительной женщины, похожій на эксцентрическіе костюмы того времени, котораго поэзія, болѣзненная и утонченная, носитъ на себѣ отпечатокъ слишкомъ напряженнаго чувства, смутнаго волненія, бессильныхъ и пылкихъ порывовъ, свойственныхъ времени рыцарей и монаховъ. Въ общемъ и въ деталяхъ Данте заимствовалъ мистическую поэзію готическаго храма. «Божественная Комедія», подобно готическому храму, раздробляется на множество перспективъ, изъ которыхъ каждая настолько интересуеть зрителя, что онъ забываетъ объ остальномъ. Но единство поэмы, тѣмъ не менѣе, не исчезаетъ въ этомъ разнообразіи: оно обнаруживается въ основной идеѣ, имѣющей, какъ и готическій храмъ, чисто католическій характеръ. Такъ, не вдаваясь въ подробности, укажемъ на то, что Данте заимствовалъ у готическаго храма мысль изобразить высшую сферу неба въ формѣ громадной бѣлой розы, на лепесткахъ которой помѣщаются угодники: «Въ формѣ розы, блистающей своей бѣлизной, я замѣтилъ святое воинство, съ которымъ Христосъ сочетался своею кровью» (Рай—XXXI).

Въ противоположность изящной простотѣ греческаго храма, готическій соборъ отличается своею крайнею, болѣзненною изысканностью; таковъ былъ характеръ вкуса среднихъ вѣковъ; художники того времени, осмысливая лишь и давая форму смутнымъ стремленіямъ толпы, стремятся къ колоссальности, громоздятъ колонны на колоннахъ, образуя чудовищные столбы и колокольни, теряющіеся въ облакахъ; они преувеличиваютъ утонченность формъ, обставляютъ порталы нѣсколькими рядами фигуръ, обводятъ обшивку фестонами изъ трилистниковъ, шпигами, вырѣзными чудовищами, вплетаютъ въ рамки оконъ пестрыя розетки, хоры покрываютъ рѣзными кружевами, разставляютъ и раскидываютъ по гробницамъ, алтарямъ, балконамъ странную путаницу миниатюрныхъ колоннъ, пеструю смѣсь цвѣтковъ, листьевъ, статуй; кажется, что въ одно и то же время они стремятся и къ безконечно великому и къ безконечно малому. Не то же-ли впечатлѣніе изысканности, грандіозности, вычурности, болѣзненности ничѣмъ не удовлетворяемаго чувства производитъ и «Божественная Комедія»? Не тѣ-же-ли особенности готической архитектуры встрѣчаемъ мы и въ великой поэмѣ? Ея невидимый міръ заключаетъ въ себѣ три царства: каждое изъ этихъ царствъ имѣетъ три подраздѣленія и девять (т. е. трижды три) круговъ. Соотвѣтственно этому и самая поэма дѣлится на три части; въ каждой части тридцать три пѣсни, такъ какъ первая пѣснь «Ада»—только общее вступленіе ко всей поэмѣ; затѣмъ вся поэма написана терцинами, т. е. трехстишіями, и каждая часть заканчивается словомъ: *stelle* (звѣзды). Обратимъ теперь вниманіе на то, что можно бы назвать декорацией и аксессуарами «Божественной Комедіи». Адъ представляетъ собой удивительнѣйшій *bestiarium*, совершенно въ духѣ среднихъ вѣковъ. Начиная съ трехъ аллегорическихъ звѣрей дремучаго лѣса и кончая пятнистыми узлами Геріона «съ такими разнообразными цвѣтами, какихъ никогда не вышивали на своихъ коврахъ ни татары, ни турки»,—тутъ все указываетъ на такую фауну, какой никогда еще не

представляло себѣ человѣческое воображеніе. Въ «Чистилищѣ», наоборотъ, преобладаетъ роскошная флора, начиная съ тучи цвѣтовъ (*nuvola di fiori*), несомой руками ангеловъ и среди которой является Беатриче, и кончая древами познанія и жизни, растущими на вершинѣ священной земли. Наконецъ, въ «Рай» безконечное пространство наполнено сферами небесными; млечный путь, звѣзды, планеты воспѣваютъ славу Господню, и взоръ всюду встрѣчаетъ одни лишь лучи свѣта... Но мало этого: переходя отъ одного царства въ другое, поэтъ перемѣняетъ приѣмъ и родъ поэзіи. Въ аду все драма, движеніе, коллизія. Въ чистилищѣ души теряютъ свою тѣлесную оболочку: образы (*intagli*), восторженные видѣнія замѣняютъ здѣсь грозныя сцены ада. Наконецъ, въ раю смолкаетъ даже и этотъ «видимый говоръ образовъ и видѣній». Остается одинъ лишь слухъ, ласкаемый звуками, гармоніей, божественнымъ пѣніемъ; различныя степени блаженства соотвѣтствуютъ различнымъ голосамъ одной и той-же мелодіи. Инстинктивная и бессознательная ассоціація акустики и оптики, совершаемая нами, когда мы говорили о *тонѣ* картины или *гаммѣ* цвѣтовъ, — подсказывается намъ здѣсь строго обдуманной поэзіей. Такимъ образомъ, при чтеніи «Божественной Комедіи», можно сказать, что отъ «Ада» получается впечатлѣніе, по преимуществу, пластическое, отъ «Чистилища» — живописное, отъ «Рая» — музыкальное.

По мнѣнію Маріоти («Италія въ ея политическомъ и литературномъ развитіи»), уже на первыхъ порахъ своего изгнанія Данте хотѣлъ дать просторъ негодованію своей благородной души въ своихъ сочиненіяхъ, видя въ нихъ послѣднее оружіе, которымъ онъ еще могъ быть страшень своимъ торжествующимъ врагамъ. Онъ замышлялъ созданіе, гдѣ бы явились имена всѣхъ его недруговъ, гдѣ бы они заплатились вѣчнымъ позоромъ за все, чтѣ онъ долженъ былъ перенести. Ему нуженъ былъ матеріалъ, который былъ бы такъ же безграниченъ, какъ и его гнѣвъ; ему нуженъ былъ невидимый міръ, гдѣ бы тотъ

міръ, въ которомъ онъ жлъ, предсталъ передъ судомъ и приговоромъ его ненависти и его любви. Въ числѣ плановъ, занимавшихъ его до изгнанія, была одна мысль, которая удивительно шла къ его намѣренію. Доискиваться, что вызвало этотъ первоначальный планъ, было бы теперь такъ же трудно, какъ и бесполезно. Нестройныя попытки нестройныхъ легендъ и фаблю французскихъ трубадуровъ не могутъ оспаривать у Данте оригинальности мысли. Впрочемъ, въ высшей степени вѣроятно и то, что уже одного короткаго знакомства съ произведеніями Виргилія, любимаго поэта Данте, было для него достаточно, чтобы найти точку опоры, исходя изъ которой онъ величаво поднялся на такую высоту; и очень можетъ быть, не безъ основанія выбранъ былъ имъ латинскій поэтъ путеводителемъ и учителемъ по большей части пути его, обильнаго происшествіями. Весьма правдоподобно, что сошествіе Энея въ преисподнюю въ шестой книгѣ Виргилія, его встрѣчи съ друзьями и недругами, прорицанія, сообщаемыя ему тѣню отца, тысячи мрачныхъ образовъ, которыми римскій поэтъ обогатилъ простое созданіе Гомера, возбудили въ Данте мысль, что и онъ подобно Энею, переступивъ предѣлы живущаго, можетъ приподнять завѣсу съ тайнъ царства мертвыхъ и открыть ихъ взорамъ человѣчества. Общепринятая представленія о другой жизни были въ то время неразрывно связаны съ страшными призраками и суевѣрными ужасами. Поэтому описывать въ 1300 году путь въ область вѣчности и приносить боязливой и легковѣрной толпѣ вѣсти о небѣ и преисподней—было неисчерпаемой сокровищницей поэтического вымысла; вѣдь были же во многихъ случаяхъ буквально поняты простымъ народомъ описанія ангеловъ и дьяволовъ. Простодушная чернь указывала на поэта, когда онъ проходилъ мимо, и въ его смугломъ лицѣ и вьющихся волосахъ видѣла слѣды вліянія пламени и дыма неугасаемаго огня. Посѣтить тѣни людей, давно или незадолго передъ тѣмъ умершихъ, и рассказать о той вѣчной карѣ, которая наложена на нихъ божественнымъ правосудіемъ; сорвать

личину лицемѣрія съ личностей, обманывавшихъ свѣтъ и стяжавшихъ незаслуженную славу; возвратить доброе имя другимъ, кому злоба или зависть не давала покоя въ могилѣ; облегчить скорбь удрученнаго несчастіемъ человѣка, показавъ ему блаженство тѣхъ, кто причтенъ вѣчнымъ судомъ къ числу ликующихъ, или спокойную преданность судьбѣ тѣхъ, кто преданъ осужденію, — все это было дѣломъ набожности и возмездія. Возвышенная радость заключалась въ мысли—встрѣтить тѣни мужей, имена которыхъ поэтъ привыкъ произносить съ благоговѣніемъ и энтузіазмомъ, бесѣдовать съ тѣми, чью смерть міръ сопровождалъ горькими и бесполезными жалобами, и посмѣяться слезамъ и стонамъ другихъ, которые увеличивали несчастіе поэта или смѣялись надъ нимъ. Для души, пламенно жаждущей знанія, блаженнымъ томленіемъ было имѣть возможность распространить между людьми свои собственныя предположенія, опираясь въ то же время на слышанное тамъ, гдѣ конецъ всякому сомнѣнію. Да, онъ найдетъ, онъ увидитъ, онъ узнаетъ; онъ утолитъ свою долготѣнную жажду у источника истины и сдѣлаетъ эту истину закономъ между смертными, одѣвъ его всѣми волшебными красотами поэзіи. И развѣ не молится за него въ небѣ ангель, развѣ не бодрствуетъ любовь, свѣтлый сонъ его дѣтства, святое пламя, которое онъ хранилъ въ своемъ сердцѣ съ заботливостью весталки, развѣ Беатриче не бодрствуетъ всегда надъ его судьбой и не ведетъ его звѣзды, какъ геній хранитель? Кому, какъ не Беатриче, просить Вѣчнаго о милости, направить шаги ея милого въ пути по небу? Она будетъ руководить его, когда Виргилій по кругамъ бездны мрака доведетъ его до горы чистилища. Таковъ былъ планъ Данте, и никогда еще душа человѣка не выливалась такъ полно въ одно созданіе всѣмъ своимъ существомъ. Всѣ политическія страсти странствующаго гибеллина, всѣ блаженныя радости любви возлюбленнаго Беатриче, всѣ самыя глубокія отвлеченности испытаннаго ученаго, все его время, все его сердце и вся его душа отразились въ одномъ созданіи;

но такъ какъ не всѣ эти стихіи дѣйствовали съ одинаковою силою въ одно и то же время, то и различныя части поэмы различны по духу, ихъ проникающему, смотря по тому, какой сторонѣ внутренней жизни поэта давали перевѣсъ передъ другими внѣшнія событія. Первая часть почти исключительно посвящена политикѣ; эта часть была написана подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній изгнанія, когда поэтъ занятъ былъ тѣмъ, чтобы надѣлать враговъ врагамъ своего дѣла. Гнѣвъ и месть гибеллина совершенно овладѣваютъ имъ, и онъ, съ поминутно возрастающимъ презрѣніемъ нападая на Флоренцію, Римъ и Францію, на гвельфовъ, нери, Карла Валуа и Бонифація VIII, спасаетъ честь множества гибеллиновъ, или пораженный ужасомъ и состраданіемъ скрываетъ ихъ преступленія подъ покровомъ глубокаго соболѣзнованія ихъ мукамъ. Но когда онъ, покинувъ бездну скорби, достигъ начала горы чистилища, тогда въ его поэмѣ распространяется свѣтлый покой; тѣни, съ которыми онъ встрѣчается, дышатъ любовью и прощеніемъ; онъ уже не такъ сильно желаетъ слышать о живыхъ и посылаютъ съ своей стороны только радостныя вѣсти; сердцу становится легче и свободнѣе съ различными слоями атмосферы въ возвышающихся частяхъ горы. Наконецъ, на вершинѣ, гдѣ онъ помѣщаетъ земной рай, приближается къ нему Беатриче. Ничто изъ того, что когда-либо творила человѣческая фантазія, не можетъ сравниться съ блескомъ и великолѣпіемъ, возвѣщающими ея приходъ. Онъ, ея возлюбленный, увидѣлъ ее, и всѣ земныя воспоминанія покинули его; ни на мгновеніе не спуская глазъ съ ея очей, онъ начинаетъ свой полетъ по сферамъ, влекомый ея безсмертными взорами. Тамъ, во время ихъ полетовъ отъ звѣзды къ звѣздѣ, Беатриче читаетъ въ душѣ своего возлюбленнаго, какъ въ зеркалѣ, всѣ мучающія его сомнѣнія; она даетъ ему разрѣшеніе всѣхъ загадокъ въ системѣ вселенной, въ тайнахъ природы и таинствахъ христіанскаго откровенія; наконецъ, Данте, увидавъ, такимъ образомъ, вѣчный свѣтъ во всѣхъ его потокахъ и стремленіяхъ,

осмѣливается обратить свои взоры на средоточіе всякаго свѣта: и здѣсь, ослѣпленный, смущенный, онъ въ изнеможеніи преклоняется и не идетъ уже дальше, какъ бы сознавая, что даже и гению Данте поставленъ предѣлъ.

Вся поэма вырастаетъ изъ основной мысли, что и для новаго міра должна быть найдена столь-же гармоническая цѣлостность жизни, какая была у древняго; хотя взглядъ ея на теченіе судебъ человѣчества и покоится на строго христіанскомъ или, пожалуй, на католическомъ догматѣ, но въ то же время онъ соединяется съ истинно-мужественной свободой мысли. «Божественную Комедію» можно назвать колоссальной аллегоріей, но то обстоятельство, что Данте вполнѣ сознательно всегда держится исторической нити и соединяетъ идею съ фактомъ, препятствуетъ его изложенію уноситься, теряя почву, въ пустое пространство механическихъ толкованій, и если его произведеніе справедливо названо канонической поэмой католицизма, то при этомъ не должно забывать, что въ католициствѣ Данте всюду проглядываетъ стремленіе къ преобразованію и обновленію, что онъ постоянно обращается къ идеалу христіанства. Этотъ идеаль—любовь, искупительница міра, или какъ выражается самъ поэтъ, любовь, которая движетъ солнцемъ и звѣздами,—*l'amor che muove il sole e l'altre stelle...*

В. Чуйко.

...Я очутился въ дремучемъ лѣсу...(стр. 1).

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Заблудившись въ дремучемъ лѣсу, Данте встрѣчаетъ на своемъ пути три великія страсти: Чувственность, Гордость и Скупость, которыя онъ изображаетъ въ видѣ дикихъ звѣрей. — Беатриче (или Богословіе), которую онъ любилъ въ своей юности, посылаетъ ему на помощь генія поэзіи (Виргилія), который отъ грозящей опасности совѣтуетъ ему выбраться на настоящую дорогу, пройдя черезъ три вѣчныя царства. — Виргилій познакомитъ Данте съ Адомъ и Чистилищемъ, а Беатриче будетъ его руководительницей по Раю.

Достигнувъ половины жизненнаго пути ¹⁾, я очутился въ дремучемъ ²⁾ лѣсу, ибо я потерялъ настоящую дорогу.

О, какъ трудно описать словами этотъ дикій, чужой и сумрачный лѣсъ — лѣсъ, при одномъ лишь воспомнаніи о которомъ ужасъ охватываетъ душу.

Этотъ ужасъ такъ горекъ, какъ горька сама смерть. Но, желая говорить о томъ благомъ, которое я тамъ нашелъ, я буду говорить сперва о другихъ предметахъ, найденныхъ тамъ мною.

Я не могу сказать, какъ я вошелъ въ этотъ лѣсъ—до такой степени я былъ погруженъ въ сонъ въ то время, когда покинулъ настоящую дорогу.

Но когда я подошелъ къ подножію холма, гдѣ оканчивалась долина, вызвавшая такой трепетъ въ сердцѣ,

Я посмотрѣлъ кверху и увидѣлъ вершину холма, уже озаренную лучами той планеты ³⁾, которая служила вѣрнымъ путеводителемъ во всемъ тропинкамъ.

Тогда нѣсколько пріутихъ тотъ страхъ, который оставался въ озерѣ моего сердца всю ночь, которую я провелъ въ такомъ ужасномъ волненіи.

И подобно тому, кто, задыхаясь, выходитъ на морской берегъ и оглядывается на опасную воду и смотритъ,

Такъ и я, все еще обуреваемый ужасомъ, обернулся назадъ, чтобъ взглянуть на проходъ, изъ котораго ни одинъ человекъ не выходитъ живымъ ⁴⁾.

Потомъ, давъ нѣкоторый отдыхъ моему уставшему тѣлу, я снова пустился въ путь по пустынному берегу, крѣпко опираясь на ту ногу, которая приходилась ниже другой.

Но вотъ, почти передъ самымъ восхожденіемъ на холмъ, передо мною явилась глѣбкая и быстроногая пантера ⁵⁾, шерсть которой пестрѣла разноцвѣтными пятнами.

Она не отступила передъ моимъ взоромъ, но, напротивъ, такъ рѣшительно преградила мнѣ дорогу, что я нѣсколько разъ пытался вернуться назадъ.

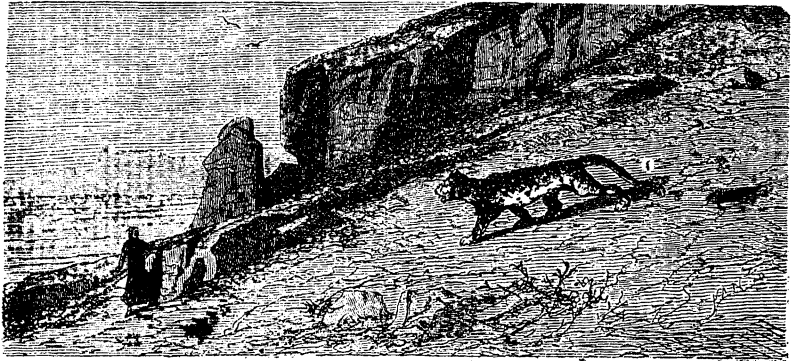
Это было время, когда наступаетъ утро; солнце восходило среди тѣхъ-же звѣздъ, которыя окружали его въ то время, когда божественная любовь

Въ первый разъ надѣляла движеніемъ всѣ эти прекрасныя вещи. Утренній часъ и мягкость поры года будили во мнѣ надежду побѣдить пятнистую шкуру ликаго звѣря:

Но не настолько-же, однако, чтобы я не ужаснулся при видѣ льва, который вдругъ предсталъ передо мною ⁶⁾.

Онъ, казалось, шелъ на встрѣчу мнѣ, съ высоко поднятой головой, терзаемый такимъ ужаснымъ голодомъ, что мнѣ казалось, что даже воздухъ трепеталъ.

Затѣмъ появилась волчица ⁷⁾, которая, судя по ея худобѣ, была

...Передъ самымъ восхожденіемъ на холмъ передо мною явилась пантера... (стр. 2).

точно подавлена всеми желаніями, принуждая многихъ людей жить несчастными.

Она привела меня въ такое оцѣпенѣніе ужасомъ, который выходилъ изъ ея взоровъ, что я началъ терять всякую надежду взобраться на холмъ.

И подобно человѣку, жадному до жизни, но вдругъ потерявшему свои сокровища, который плачетъ и погружается въ уныніе во всехъ своихъ помыслахъ,

Такимъ оказался и я, благодаря этому безпокойному звѣрю, который, идя мнѣ на встрѣчу, заставлялъ меня отступать туда, гдѣ солнце молчитъ ⁸⁾.

Въ то время, какъ я отступилъ къ долину, предъ моимъ взоромъ предсталъ человѣкъ, который, влѣдствіе продолжительнаго молчанія, казалось, потерялъ способность говорить.

Какъ только я его увидѣлъ въ этой великой пустынѣ, я воскликнулъ: «сжался надо мною, кто бы ты ни былъ, человѣкъ или призракъ».

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «я уже не человѣкъ, но я былъ человѣкомъ; мои родители были ломбардцы и оба родомъ изъ Мантуи.

«Я родился при Юліи, но поздно, и жилъ въ Римѣ при добромъ Августѣ, во времена лживыхъ и мнимыхъ боговъ.

«Я былъ поэтомъ и воспѣвалъ того благочестиваго сына Анхиза, который бѣжалъ изъ Трои, когда сгорѣлъ гордыи Иліонъ.

«Но почему ты возвращаешься ко всемъ своимъ печалямъ? Почему не хочешь ты взойти на восхитительный холмъ, который есть начало и причина всякой радости?»

«Ужъ не Виргилій-ли ты, тотъ источникъ, изъ котораго течетъ такая широкая рѣка поэзіи?» — спросилъ я его, стыдливо преклоняя передъ нимъ чело.

«О, свѣточъ и слава всехъ другихъ поэтовъ! пусть долгое изученіе тебя и восторгъ, съ которымъ я изучилъ твою книгу, будутъ мнѣ заступникомъ передъ тобою!

«Ты мой учитель и образецъ: у тебя только я заимствовалъ изящный стиль, принесшій мнѣ такую славу.

«Посмотри на этого звѣря, передъ которымъ я отступаю назадъ; защити меня отъ него, великій мудрецъ, ибо его видъ заставляетъ трепетать мои жилы и биться мое сердце».

«Тебѣ слѣдуетъ идти по другой дорогѣ, — отвѣчалъ онъ мнѣ, видя, что я плачу, — если ты хочешь выйти изъ этой дикой мѣстности,

«Ибо это животное, исторгающее у тебя такіе крики, не позволяетъ никому пройти по той дорогѣ, на которой оно находится, и убиваетъ всякаго, кто вздумалъ бы ему сопротивляться.

«По своей природѣ, оно такъ зло и жестоко, что никогда не насыщаетъ своихъ жадныхъ желаній, и, наѣвшись, оно еще сильнѣе ощущаетъ голодъ.

«Много есть животныхъ, которыхъ оно къ себѣ подпускаетъ, и ихъ будетъ еще больше, пока, наконецъ, не появится борзый песъ ⁹⁾, который загрызетъ его до смерти.

«Этотъ песъ не будетъ питаться ни землей, ни тонкимъ оловомъ, но мудростью, любовью и добродѣтелью, и его страной будетъ мѣстность между Фельтро и Фельтрэ.

«Онъ будетъ спасеніемъ этой поработанной Италиі, ради которой пожертвовали жизнью непорочная Камилла, Турнъ, Эвриаль и Низусъ.

«Онъ будетъ травить волчицу изъ города въ городъ, пока не прогонитъ ее въ самый адъ, откуда человѣческая зависть вызвала ее на свѣтъ.

«Итакъ, для тебя, я думаю и вижу ясно, будетъ гораздо лучше, если ты за мною послѣдуешь; я буду твоимъ путеводителемъ и выведу тебя отсюда черезъ вѣчное царство,

«Гдѣ ты услышишь стоны отчаянія, увидишь печальныя души древнихъ осужденныхъ грѣшниковъ, съ громкими криками молящихъ о вторичной смерти ¹⁰⁾.

«Ты увидишь также и тѣхъ, которые довольны, хотя и живутъ среди пламени, ибо надѣются современемъ перейти въ міръ блаженныхъ.

«Если ты хочешь проникнуть и въ этотъ міръ, то къ тебѣ придетъ другая душа, болѣе достойная, чѣмъ я; расставаясь съ тобою, я оставлю тебя на ея попеченіе;

«Ибо тотъ властелинъ, который тамъ царствуетъ, не хочетъ, чтобы чрезъ меня приходили въ его царство, потому что я былъ враждебенъ его закону.

«Его царство повсюду, но только тамъ его столица и тамъ находится его престолъ. Счастливъ тотъ, кому не возбраненъ доступъ въ это царство».

И я сказалъ ему: «О, поэтъ, именемъ того Бога, котораго ты не зналъ, если ты хочешь, чтобы я избѣжалъ этихъ золь, а можетъ быть и еще худшихъ,

«Веди меня въ тѣ страны, о которыхъ ты мнѣ говорилъ, затѣмъ, чтобы я увидѣлъ врата святого Петра и тѣхъ, которыхъ ты мнѣ изобразилъ столь несчастными».

Тогда онъ пустился въ путь, и я послѣдовалъ за нимъ ¹¹⁾).

...Она привела меня въ такое оцѣпенѣніе... (стр. 3).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ПѢСНѢ.

¹⁾ Данте спустился въ адъ на тридцать третьемъ году жизни, въ страстную пятницу 1300 года. Всѣ круги ада были пройдены имъ въ течение двадцати четырехъ часовъ. Ломбарди, одинъ изъ лучшихъ комментаторовъ поэта, находитъ, что первый стихъ поэмы есть прямое подражаніе словамъ іудейскаго царя Езекии: «Я сказалъ себѣ: въ преполовленіи лѣтъ моихъ долженъ я идти во врата преисподней» (Ego dixi: in dimidio dierum meorum vadam ad portas inferi). (Книга пророка Исаи, XXVIII, 10). Весьма вѣроятно, что эти слова внушили Данте первую мысль написать свою великую поэму.

²⁾ Символь страстей.

3) Солнце.

4) Этотъ проходъ символически изображаетъ смертный грѣхъ.

5) Символь чувственности.

6) Символь гордости и честолюбія.

7) Символь скупости.

8) *La dove il sol tace.*

9) «Ворзміи песь», о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, по мнѣнію однихъ комментаторовъ, есть ни кто иной, какъ именитый гражданинъ Вероны Канъ Гранде дела Скала, у котораго гонимый поэтъ нашелъ себѣ временное пристанище. Другіе думаютъ, что подъ именемъ «Пса» подразумевается знаменитый вождь гибеллиновъ, Угуччио делла Фаджіола.

10) Намекъ на слова Апокалипсиса: «Въ тѣ дни люди будутъ искать смерти, но не найдутъ ея; пожелаютъ умереть, но смерть убѣжитъ отъ нихъ». (*Desiderabunt mari, et mors fugiet ab eis*) (Ап., IX, 6).

11) Всѣ комментаторы согласны съ тѣмъ, что первая пѣснь «Ада» — силосная аллегорія, которую они объясняютъ такъ: Поэтъ, пробродивъ первую половину жизни по дремучему лѣсу, т. е. среди людскихъ страстей и пороковъ, желаетъ, наконецъ, возвыситься до истинной добродѣтели. На пути своемъ онъ встрѣчаетъ препятствія въ видѣ пантеры, олицетворяющей собою жажду чувственныхъ и пныхъ наслажденій; льва, олицетворяющаго гордость и честолюбіе, жажду власти, почести и славы; и наконецъ, волчицы, являющейся эмблемой самой лютой страсти — любви къ богатству и скупости. На помощь ему, въ видѣ Виргилія, является олицетвореніе мудрости, научающей поэта, что какъ бы сильно ни было желаніе покинуть путь порока, попасть сразу на путь добродѣтели слишкомъ трудно; что осуществить это желаніе возможно только при помощи глубокихъ размышленій и тѣхъ назиданій, которыя почерпаются въ подробномъ и обстоятельномъ изученіи. Въ тѣ времена, когда жилъ Данте, думали, что эти назиданія заключаются въ созерцаніи судебъ человѣка послѣ его смерти, въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя будто бы имѣлись объ адѣ, чистилищѣ и раѣ. Словомъ, по тогдашнимъ понятіямъ, необходимыя силы, помогающія идти по пути правды и добра, можно было черпать только въ богословской и, главнымъ образомъ, католической философіи, имѣвшей такое неотразимое вліяніе на мысль современниковъ Данте, сильно озабоченныхъ вопросомъ о той наградѣ, или о той карѣ, которыя ожидаютъ человѣка въ загробной жизни. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Данте, какъ человѣку своего времени, пришла мысль взять для своего произведенія такое основаніе; несравненно удивительнѣе, что онъ изъ подобной темы извлекъ такое множество поразительныхъ красотъ. Понятно также, что во время странствованій по тремъ невидимымъ царствамъ путеводителями Данте могли явиться только Виргилій и Беатриче: первый былъ любимымъ поэтомъ Данте, кромѣ поэзіи олицетворявшимъ въ глазахъ творца

«Божественной Комедіи», науку и знанія, доступныя человѣческому разуму; вторая, являющаяся нѣсколько суровою эмблемою богословія, — олицетвореніемъ мудрости, недоступной человѣческому уму.

Ривароль, вполне согласный съ мнѣніями, высказанными другими комментаторами по поводу первой пѣсни, говоритъ, кромѣ того, что вся она подернута какимъ-то таинственнымъ и мрачнымъ туманомъ, навѣяннымъ духомъ времени, и что этотъ духъ времени непременно слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы составить себѣ правильное понятіе какъ о самомъ поэтѣ, такъ и о его безсмертномъ произведеніи.

Она обратилась ко мнѣ со слѣдующими небесными словами... (стр. 11).

...Я вступилъ на дикую лѣсистую тропинку... (стр. 13).

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Данте тревожить трудности и опасности предпринятого пути. «Чтобы разсѣять твой страхъ—говоритъ Виргилій—я сообщу тебѣ, что въ судьбѣ твоей принимаютъ участіе на небесахъ. Непорочная дѣва съ ангельскою душою, полная милосердія и любви къ страждущему человѣчеству, изъ состраданія къ тебѣ поручила тебя Люціи. Послѣдняя, въ свою очередь, прибѣгла къ заступничеству Беатриче, а Беатриче съ просьбой придти къ тебѣ на помощь сама явилась ко мнѣ въ преддверіе ада, гдѣ живутъ души младенцевъ, не очищенныхъ крещеніемъ отъ первороднаго грѣха, а также и тѣ, кому суждено было умереть до появленія Спасителя, и поэтому лишенныхъ Божіей благодати».—Сообщеніе это успокоиваетъ Данте. Онъ бодрѣе и съ большею увѣренностью слѣдуетъ за Виргиліемъ.

День склонялся къ концу и потускнѣвшій воздухъ уносилъ отъ усталости живыя существа, находящіеся на землѣ; одинъ лишь я

Приговаривая къ борьбѣ со всѣми трудностями тяжелаго пути, со всѣми предметами достойными жалости, которые будутъ воспроизведены моею вѣрною памятью

О, музы, о, высокій гений, придите теперь ко мнѣ на помощь! О, память, запиши, что ты видѣла; въ этомъ проявится твое благо-родство.

Я началъ такъ: «Поэтъ, ведущій меня, разсуди, достаточно-ли моя храбрость, прежде чѣмъ ты поведешь меня въ этотъ ужасный проходъ.

«Ты рассказываешь, что отецъ Сильвія ¹⁾, своимъ хрупкимъ и поддающимся порчѣ тѣломъ направился въ вѣкъ безсмертный, съ чувствомъ живого человѣка;

«Но если врагъ всего злого былъ ему благопріятель, думая о великихъ результатахъ, которые должны изъ этого произойти и для человѣка, и для вещей,

«То это не покажется недостойнымъ никакому разумному существу, ибо въ горнѣхъ небѣ онъ былъ избранъ быть отцомъ величественнаго Рима и его имперіи.

«Какъ тотъ, такъ и другая, говоря правду, были основаны лишь для того, чтобы быть священнымъ мѣстомъ, гдѣ царствуетъ преемникъ апостола Петра.

«Благодаря этому путешествію, которое ты воспѣлъ, онъ услышалъ многое, что было причиной его побѣды и папской мантии.

«Затѣмъ, сосудъ избранія ²⁾ совершилъ то же путешествіе, чтобы добыть новую опору этой вѣры, которая составляетъ основу пути спасенія.

«Но я-то зачѣмъ приду туда? Кто мнѣ дастъ на это право? Я не Эней, и не Павелъ. Ни въ глазахъ другихъ, ни въ своихъ собственныхъ глазахъ я недостойнъ такой высокой чести.

Поэтому, если я послѣдую за тобой, то боюсь, что мое предпріятіе будетъ безуміемъ: ты премудръ и понимаешь меня лучше, чѣмъ я самъ умѣю высказаться».

И подобно человѣку, переставшему уже желать того, чего онъ желалъ, и измѣняющему вдругъ намѣренія, подъ вліяніемъ новыхъ мыслей, такъ что онъ покидаетъ начатую вещь, —

Такъ и я сдѣлать за этомъ мрачномъ склонѣ. Мое предпріятіе, начатое съ такимъ жаромъ, пачезло въ мысляхъ.

«Если я хорошо понялъ твои слова,— отвѣчала мнѣ эта великодушная тѣнь,— твоя душа заражена страхомъ;

«Нерѣдко онъ охватываетъ человѣка и заставляетъ его отступать передъ славнымъ подвигомъ, подобно тому, какъ живая видимость оста навливаетъ перепуганное животное.

«Чтобы разсѣять твой страхъ, я скажу тебѣ, почему я пришелъ къ тебѣ и что я узналъ въ ту первую минуту, когда я сжалился надъ тобой.

«Я находился среди тѣхъ, которыхъ судьба не рѣшена еще ³⁾ и меня призвала прекрасная и святая женщина, которую я просилъ дать мнѣ приказанія ⁴⁾.

«Ея глаза сіяли ярче звѣздъ и она обратилась ко мнѣ, обаятельная и покойная, своимъ ангельскимъ голосомъ:

«Прекрасная душа Мантун, которой слава понынѣ жива на землѣ и будетъ жить, пока будетъ жить движеніе,

«Мой другъ, но не другъ Фортуны находится въ такомъ затрудненіи на пустынномъ берегу, что, обуянный страхомъ, онъ готовъ обратиться вспять.

«Судя по тому, что я слышала о немъ въ небесахъ, я боюсь, что онъ уже тамъ заблудился, что я прихожу слишкомъ поздно ему на помощь.

«Ступай-же, и твоимъ крапорѣчивымъ словомъ и всѣмъ тѣмъ, что способно спасти его, помоги ему и тѣмъ утѣшь меня.

«Я — Беатриче, посылающая тебя; я оставила мѣсто, въ которое желаю возвратиться; любовь приводитъ меня и заставляетъ меня говорить.

«Когда я предстану передъ лицомъ моего Господа, я часто буду восхвалять тебя передъ Нимъ». Тогда она замолчала и я сказалъ:

«О, добродѣтельная дама, единственная, благодаря которой чело-

вѣческій родъ превосходить все подъ небомъ, которое имѣеть самыя тѣсныя круги,

«Твое приказаніе такъ меня радуеть, что если бы я уже исполнилъ его, я бы подумалъ, что исполнилъ слишкомъ поздно. Тебѣ не нужно объяснять мнѣ своего желанія.

«Но повѣдай мнѣ, почему не боялась ты сойти въ этотъ центръ міра, вдали отъ этихъ безбрежныхъ мѣсть, куда ты пламенно желалъ вернуться?»

«Если ты хочешь это знать, я скажу тебѣ въ немногихъ словахъ — отвѣчала она — все, что ты хочешь знать и почему я не побоялась явиться сюда.

«Бояться слѣдуетъ только того, что можетъ принести вредъ другимъ, а не чего другого, ибо это не опасно.

«По милости Божіей, я такъ создана, что ни ваши страданія, ни пламя этого пожара не могутъ меня коснуться.

«На небѣ есть сострадательная женщина ⁵⁾, опечаленная препятствіями, на борьбу съ которыми я тебя посылаю; она смягчаетъ суровый приговоръ, произнесенный тамъ.

«Она обратилась съ мольбой къ Люціи ⁶⁾ и сказала ей: «вѣрный человекъ нуждается въ тебѣ, и я его отдамъ подъ твою защиту».

«Люція, врагъ всего жестокосердаго, отыскала меня въ томъ мѣстѣ, гдѣ я сидѣла рядомъ съ библейскою Рахилью ⁷⁾,

«И сказала: «Беатриче, истинная угодница Божія, почему бы не послѣпить тебѣ на помощь тому, который такъ горячо тебя любитъ, что покинулъ ради тебя пошлое стадо?»

«Неужели не слышишь ты его жалобныхъ стонъ? Неужели не видишь ты, какъ онъ борется противъ смерти около рѣки, въ сравненіи съ которой морскія бури — ничто?»

«Никогда еще не было человека болѣе готового устремиться за своей корыстью или укрыться отъ несчастій, нежели я, какъ только эти слова были сказаны.

«Оставивъ скамью блаженныхъ, я пришла къ тебѣ, довѣрясь твоему возвышенному краснорѣчію, дѣлающему честь тебѣ и всѣмъ тѣмъ, которые тебя слушали».

«Какъ только она мнѣ сказала эти слова, она устремила на меня свои лучезарные глаза, полные слезъ, и это заставило меня поспѣшить».

«И я пришелъ къ тебѣ, согласно ея желанію, и предостерегъ тебя отъ дикаго звѣря, остановившаго тебя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ чудной горы».

«Что же значать твои колебанія? Зачѣмъ остановился ты? Зачѣмъ даешь ты доступъ подлому страху въ свое сердце? Почему нѣтъ у тебя ни смѣлости ни твердости».

«Когда три женщины некутся о судьбѣ твоей на небесахъ и когда слова мои общаются тебѣ такое блаженство?»

Какъ цвѣты, охваченные ночными холодами, свертываются и поникаютъ головками, но потомъ выпрямляются на своихъ стебляхъ и снова расцвѣтаютъ, какъ только солнце пригрѣетъ ихъ,

Такъ и я почувствовалъ, что мои уставшія силы возстановляются, и я воскликнулъ съ воодушевленіемъ:

«О, какъ сострадательна та, которая пришла мнѣ на помощь, и какъ много доброты обнаружилъ ты самъ, послушавшись словъ истины, сказанныхъ ею!»

«Ты такъ наполнилъ мое сердце желаніемъ предпринять великое путешествіе, что я снова вернулся къ моему первому намѣренію».

«Иди-же впередъ. Теперь у насъ у обоихъ одна только воля; ты мой руководитель, мой наставникъ, мой повелитель». Такъ я сказалъ ему и, какъ только онъ пошелъ впередъ,

Я вступилъ на дикую лѣсистую тропинку ⁸⁾.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ПѢСНѢ.

1) Эней.

2) Т. е. Апостолъ Павелъ: «ибо онъ есть мой избранный сосудъ» (quoniam vas electionis est mihi iste). (Дѣянія апостоловъ, IX, 15).

3) Che son sospesi.

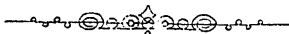
4) Беатриче, символъ богословія.

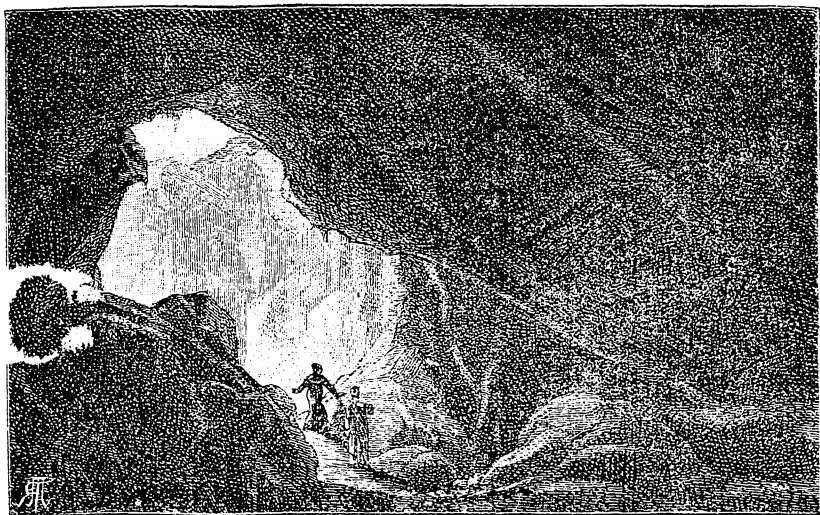
5) Божественное милосердіе.

6) Люція, божественная благодать.

7) Рѣчь идетъ о Рахили, дочери Лавана и женѣ патриарха Іакова. Она является символомъ созерцательнаго настроенія; поэтому и тѣмъ что Данте помѣщаетъ ее рядомъ съ Беатриче, эмблемой теологін.

8) Вторая пѣснь—такая же аллегорія, какъ и первая. Безъмянная женщина, тронутая судьбой заблудившагося поэта, изображаетъ собою милосердіе Божіе. Она обращается къ Люціи, олицетворяющей и благодать Божію и, по самой этимології слова, благодать просвѣтляющую (Lucia, lux, свѣтъ), и проситъ ее вразумить заблудшаго. Однако, это просвѣтленіе свыше не можетъ состояться безъ предварительной подготовки, т. е. безъ помощи религіозной философіи или теологін, олицетвореніемъ которой служитъ Беатриче. Последняя-же, для полного вразумленія заблудшаго, въ свою очередь, прибѣгаетъ къ содѣйствію человѣческаго краснорѣчія и науки свѣтской, представителемъ которыхъ служитъ прославленный Вергилій.

...Мы пришли къ мѣсту, гдѣ ты увидишь душъ, утратившія благо
сознанія... (стр. 16).

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Оба поэта подходят къ воротамъ ада. — Надпись. — Адъ, по представленію Данте, имѣетъ форму опрокинутого конуса. — Кромѣ преддверія, адъ состоитъ изъ девяти круговъ, гдѣ муки усиливаются по мѣрѣ того, какъ круги суживаются. — Въ преддверіи Данте встрѣчаетъ души, которыя при жизни были неспособны ни на добро, ни на зло, и которыя трусливо провели свое безцвѣтное существованіе вдали отъ опасностей, не примыкая ни къ какой партіи. Ихъ преслѣдуютъ рой насѣкомыхъ, вивающихся въ нихъ своими жалами. — Ахеронъ. — Данте и его спутникъ подходят къ берегу адской рѣки, гдѣ Харонъ въ своемъ челнокѣ перевозитъ души умершихъ на другой берегъ. — Утомленный избыткомъ потрясающихъ ощущеній, Данте падаетъ на землю и засыпаетъ.

«Черезъ меня идутъ въ обитель скорби; черезъ меня идутъ къ вѣчнымъ страданіямъ; черезъ меня идутъ къ безвозвратно погибшимъ;

«Справедливость руководила моимъ верховнымъ зпидителемъ.
Я — созданіе Божественнаго могущества, высшей мудрости и первой любви.

«Раньше меня не было ничего вѣчнаго, а я существую вѣчно. Оставьте всякую надежду всѣ, входящіе сюда».

Эти слова я увидѣлъ написанными черными буквами налѣ вратами... И поэтому я сказалъ: «учитель, смыслъ этихъ словъ ужасенъ».

И онъ отвѣчалъ мнѣ, какъ истинный мудрецъ: «здѣсь слѣдуетъ побороть въ себѣ всякій страхъ; здѣсь должна умереть всякая трусость».

«Мы пришли къ мѣсту, гдѣ, какъ я тебѣ сказалъ, ты увидишь несчастныя души, утратившія благо сознанія».

Потомъ, положивъ свою руку на мою, съ веселымъ лицомъ, подкрѣпившимъ меня, онъ ввелъ меня въ предѣлы таинственной бездны.

Тамъ вздохи, жалобы, ужасные крики слышались подъ темнымъ сводомъ неба безъ звѣздъ. Поэтому, я заплакалъ.

Различные языки, возмущительныя рѣчи, слова полныя отчаянія, гнѣва, горькіе стоны, громкіе сплески рукъ

Образовали страшный шумъ, который постоянно слышится въ этомъ воздухѣ, вѣчно взволнованномъ, точно песокъ, вздымаемый вихремъ.

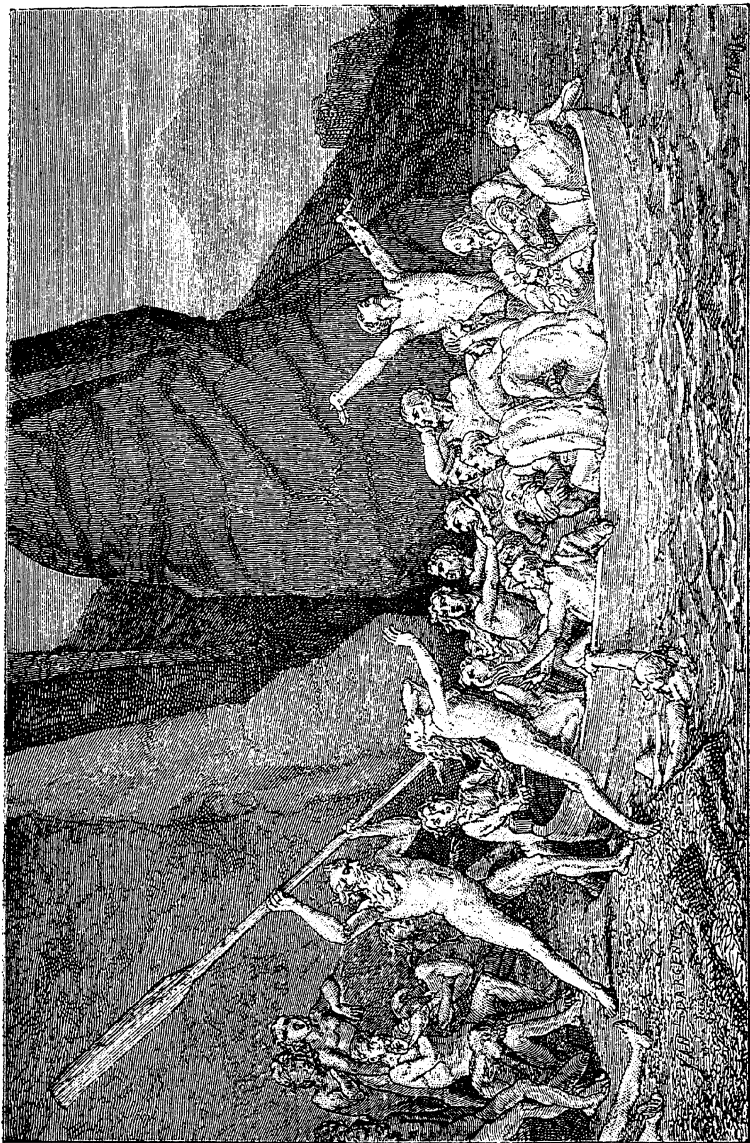
И я, котораго голова была окружена ужасомъ, сказалъ: «учитель, что такое я слышу! Что это за толпа, которая, кажется, такъ побуждена страданіемъ?»

И онъ ко мнѣ: «на это безотрадное существованіе обречены несчастныя души тѣхъ, которые провели жизнь безъ порицанія, но и безъ похвалы».

«Онѣ смѣшаны здѣсь съ хоромъ недостойныхъ ангеловъ, которые не были ни вѣрными, ни враждебными Богу, но жили лишь для себя».

«Небо изгнало ихъ, чтобы они не помрачали его красоты, но и глубокой адъ не принимаетъ ихъ, чтобы грѣшники не хвастались этимъ».

И опять спросилъ: «учитель, какая боль заставляетъ ихъ такъ жалобно стонать?» Онъ отвѣчалъ: «я объясню тебѣ это вкратцѣ».

Демонъ — перевозчикъ... собиравъ осужденныя души въ кучу, ударами весла подтагивалъ заходящихъ... (стр. 18).

«У нихъ нѣтъ надежды на вторичную смерть; ихъ мрачная жизнь такъ унижительно, что они завидуютъ всякому другому существованію,

«Миръ не сохранилъ о нихъ воспомнаній, милосердіе и правосудіе отворачиваются отъ нихъ; не будемъ больше говорить о нихъ; взгляни на нихъ и проходи мимо».

II когда я смотрѣлъ, то увидѣлъ знамя, которое, кружась въ воздухѣ, несло въпередъ съ такой быстротой, что оно казалось способнымъ ни на малѣйшую остановку.

А за этимъ знаменемъ слѣдовалъ такой длинный рядъ людей, что я едва въ состояніи былъ повѣрить, что смерть уничтожила такое громадное количество.

Узнавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, я посмотрѣлъ и увидѣлъ тѣхъ того, кто изъ трусости совершилъ великій отказъ ¹⁾.

Я сейчасъ же появля и убѣдился, что передъ мною скопище тѣхъ несчастныхъ, которые одинаково противны какъ Богу, такъ и его врагамъ.

Эти несчастные, которые никогда не были живыми, были голы и ихъ безпрестанно жалили осы и другія насѣкомыя;

Съ ихъ лицъ текла кровь, которая, смѣшавшись со слезами, была у ихъ ногъ достояніемъ отвратительныхъ червей.

Заглянувъ далѣе, я увидалъ другую толпу на берегу широкой рѣки; и я сказалъ: «Учитель, благоволи объяснить мнѣ,

«Что это за толпа и какая высшая сила заставляетъ ихъ такъ торопливо стремиться къ переправѣ, насколько я могу видѣть при этомъ слабомъ свѣтѣ?»

Онъ отвѣчалъ: «это тебѣ будетъ объяснено, когда мы остановимъ наши шаги на уныломъ берегу Ахерона ²⁾».

Тогда, съ глазами, устремленными на землю, и пристыженный, боясь, чтобы мои слова не были надоедливы, я воздержался говорить до берега рѣки.

И вотъ, мы увидали старика, убѣленнаго годами, поспѣшавшаго, на лодкѣ, крича: «горе вамъ, развращенныя души!

«Не надѣйтесь когда-либо увидѣть небеса; я причаливаю, чтобы перевезти васъ на другой берегъ, въ вѣчный мракъ, въ холодъ и жаръ.

«А ты, живая душа, удались отъ тѣхъ, которые умерли». Но видя, что я не удаляюсь,

Онъ сказалъ: «только другимъ путемъ, другою пристанью, не здѣсь, можешь ты переплыть рѣку. Для того, чтобы переправить тебя, нужна болѣе легкая ладья».

Мой проводникъ отвѣчалъ ему: «успокой твой гнѣвъ, Харонъ; такъ желаютъ тамъ, гдѣ могутъ исполнить то, что пожелаютъ; не требуй ничего болѣе».

При этихъ словахъ, съ обросшаго волосами лица перевозчика по смраднему болоту, имѣвшаго вокругъ глазъ пламенные круги ³), исчезъ гнѣвъ.

Но души, обнаженныя и истомленныя, измѣнились въ лицѣ и заскрежетали зубами, какъ только услышали эти жестокия слова.

Онъ богохульствовали, проклинали своихъ родителей, родъ человѣческій, мѣсто и время ихъ рожденія, и сѣмя ихъ сѣмени и свое рожденіе.

Потомъ, обливаясь слезами, всѣ столпились на проклятомъ берегу, гдѣ ожидается каждый, въ комъ нѣтъ страха Божія.

Демонъ Харонъ, съ огненными глазами, собиралъ ихъ въ кучу, дѣлая имъ знаки рукою, ударами весла подразнивая тѣхъ, которые запаздывали.

Словно листья, осеннею порою падающіе одинъ за другимъ, пока вѣтви не вернули землѣ послѣдніе остатки листы,

Несчастное сѣмя Адама поспѣшало душа за душой въ эту лодку, при каждомъ знакѣ перевозчика, какъ птицы при призывѣ птичника.

Такъ тѣни уходятъ по мрачнымъ волнамъ, и прежде чѣмъ

достигнуть другого берега, новая толпа собиралась на оставленном ими берегу.

«Сынъ мой — сказалъ мнѣ ласковый наставникъ — всѣ умирающіе подъ гнѣвомъ Господнимъ стекаются сюда со всѣхъ концовъ земли;

«Они спѣшатъ переправиться черезъ рѣку, ибо Божье ственное правосудіе подгоняетъ ихъ такъ сильно, что страхъ ихъ не переходитъ въ желаніе.

«Никогда праведная душа не проходитъ эмихъ мѣстомъ, и если Харонъ сердился на тебя, то теперь ты можешь понять, что означали его слова».

Когда онъ кончилъ, царство мрака принялось такъ сильно дрожать, что ужасъ и теперь еще покрываетъ мой лобъ потомъ при этомъ воспоминаіи.

Съ этой земли слезъ поднялся великій вихрь, и въ темномъ воздухѣ вспыхивали отблески красноватаго свѣта,

И я упалъ, какъ падаетъ человѣкъ, охваченный сномъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНѢ.

¹⁾ По мнѣнію многихъ комментаторовъ, эта строфа относится къ Целестину V, отрекшемуся отъ папскаго престола; другіе находятъ въ ней намекъ на Деоклетіана, тоже отрекшагося отъ императорской власти; третьи утверждаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ объ Исавѣ, уступившемъ брату права первородства. Ломбарди, одинъ изъ лучшихъ комментаторовъ Данте, находитъ, что поэтъ имѣлъ въ виду одного изъ своихъ современниковъ и согражданъ — Торреджіано де'Черки, малодушно отказавшагося отъ предложенной ему чести стать во главѣ партіи «бѣлыхъ», т. е. гвельфовъ, а слѣдовательно и отъ возможности спасти Флоренцію отъ анархіи.

²⁾ Рѣка, находящаяся въ преддверіи ада, называется Ахеронъ. Потомъ погибшія души переплываютъ Стиксъ, затѣмъ Флегетонъ и, наконецъ, Кочитъ, такъ какъ Лета находится въ Чистилищѣ, гдѣ преступленія забыты. Такимъ образомъ Данте согласуетъ воззрѣнія язычества съ своимъ христіанскимъ адомъ.

³⁾ Въ своей знаменитой фрескѣ Микель-Анджело Буонароти вспомнилъ эту строфу.

...Я увидѣлъ приближающіяся къ намъ четыре великія тѣни... (стр. 24).

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Данте проникаетъ въ первый кругъ ада, гдѣ пребываютъ или совѣмъ не жившія души, или души тѣхъ, кто, оставаясь въ язычествѣ и не зная христіанства, не могъ попасть въ царство небесное. Особенно сильныхъ мукъ здѣсь еще нѣтъ: все душевное страданіе заключается въ постоянномъ душевномъ томленіи, въ смутномъ и безнадежномъ стремленіи къ счастью. — Тѣни великихъ языческихъ поэтовъ съ Гомеромъ во главѣ устраиваютъ почетную встрѣчу «Мантуанскому Лебедю». Данте является участникомъ въ тѣхъ почестяхъ, которыя устраиваются его спутнику, и вмѣстѣ съ другими отправляется въ особое отдѣленіе, гдѣ пребываютъ разные великіе люди.

Оглушительный гулъ, прервавшій глубокій сонъ, въ который я былъ погруженъ, заставилъ меня вскочить на ноги, какъ отъ внезапнаго толчка.

Я всталъ и, окинувъ все окружавшее отдохнувшими глазами, внимательно осмотрѣлся, чтобы припомнить, гдѣ я нахожусь.

Я находился на краю переполненной скорбью бездны, мрачной долины, гдѣ безконечныя стоны и крики отчаянія сливались во что-то похожее на небесный громъ.

Бездна была глубока, застлана туманомъ и такъ мрачна, что я напрасно напрягалъ зрѣніе; я не могъ разсмотрѣть никакого предмета.

«Теперь спустимся въ царство мрака—сказаль мнѣ поблѣднѣвшій поэтъ:—я буду первымъ, а ты будешь вторымъ».

За мѣлнѣ его блѣдность, я сказаль ему:—«какъ мнѣ идти за тобой, когда ты самъ охваченъ страхомъ, ты, который всегда поддерживаль во мнѣ бодрость?»

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «страданія несчастныхъ, которые находятся тутъ, распространяютъ на челѣ моемъ то состраданіе, которое ты считаешь страхомъ».

«Но пойдѣмъ; долгій путь заставляетъ насъ торопиться». —И онъ пошелъ впередъ, и мы оба проникли въ первый кругъ, окружающій бездну.

Прислушиваясь внимательно, я убѣдился, что тутъ не было слышно жалобъ: слышны были только вздохи, заставляшіе трепетать вѣчный воздухъ.

Эти вздохи были вызываемы тоской безъ страданій, испытываемой толпой многочисленныхъ дѣтей, женщинъ и мужчинъ.

Добрый учитель сказаль мнѣ:—«ты не спрашиваешь меня, кто эти духи, которыхъ ты видишь? Но прежде, чѣмъ идти далѣе, я хочу, чтобы ты зналъ,

«Что между ними вѣтъ грѣшниковъ; если у нихъ и были добродѣтели, то этого оказалось недостаточно, потому что они не получили крещенія, этихъ вратъ вѣры, исповѣдуемой толпой;

«И если они жили до христіанства, то не поклонялись Богу какъ слѣдуетъ; и я самъ принадлежу къ ихъ числу».

«За это незваніе, а не за какія нибудь иныя преступленія, мы обречены жить здѣсь; единственное наше мученіе заключается въ томъ, что мы живемъ въ стремленіи къ блаженству, не имѣя никакой надежды достигнуть его».

Глубокая скорбь охватила мое сердце, когда я услыхаль эти слова, ибо я узналь многихъ великихъ людей, находившихся въ этомъ мѣстѣ.

«Скажи мнѣ, руководитель мой, скажи мнѣ, наставникъ,—воскликнулъ я тогда, чтобъ тверже укрѣпиться въ этой вѣрѣ, побѣждающей всѣ заблужденія:

«Нашелся-ли среди васъ кто-либо, кто, по своимъ-ли заслугамъ или по чужому заступничеству, вышелъ изъ этого мѣста, чтобъ достигъ блаженства?» И онъ, появивъ эти темныя слова,

Отвѣчалъ: «вскорѣ послѣ того, какъ я переселился въ этотъ мѣръ, я увидѣлъ вошедшаго сюда могущественнаго Мужа, увѣнчаннаго сіяніемъ великой побѣды¹⁾.

«Онъ вызвалъ тѣни нашего прародителя, сына его Авеля и тѣни Ноя, Моисея, законодателя и покорнаго Божіей волѣ;

«Авраама патріарха и царя Давида, Израэля²⁾ съ его отцомъ и сыновьями и съ Рахилью, ради которой Израэль такъ много сдѣлалъ,

«И многихъ другихъ, и увелъ ихъ въ страну блаженства; и я хочу, чтобы ты зналъ, что раньше этихъ избранныхъ ни одна другая человѣческая душа не была спасена».

Когда онъ говорилъ мнѣ это, мы продолжали подвигаться впередъ; но мы все время шли лѣсомъ — густымъ лѣсомъ тѣней, хочу я сказать.

Мы еще не удалились отъ вратъ бездны, когда я увидалъ пламя, побѣждавшее полушаріе мрака;

Нѣсколько шаговъ еще отдаляло насъ отъ него, но я могъ уже замѣтить, что это мѣсто заселено сонмами прославленныхъ людей.

«О, ты, уважающій всякую науку и всякое искусство, скажи мнѣ, кто эти тѣни, слава которыхъ такъ велика, что онѣ отдѣлены отъ другихъ?»

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «ихъ прекрасная слава, говорящая о нихъ тамъ, гдѣ ты живешь, была причиной благодати неба, отличившей ихъ такимъ образомъ».

И тогда я услышала голосъ: «воздадимъ честь великому поэту³⁾; его тѣнь, покинувшая насъ, возвращается».

Голосъ утихъ и я увидѣлъ приближающіяся къ намъ четыре великія тѣни; лица ихъ не были ни печальны, ни веселы.

Добрый учитель сказалъ мнѣ: «посмотри на того, кто съ мечемъ въ рукѣ, словно царь шествуетъ впереди всѣхъ остальныхъ.

«Это — Гомеръ, царь, всѣхъ поэтовъ; за нимъ слѣдуетъ Гораций, сатирикъ, третій — Овидій, а послѣдній — Луканъ.

«Каждый изъ нихъ раздѣляетъ со мной наименованіе, прославленное единодушнымъ признаніемъ; они меня чествуютъ, и дѣлаютъ хорошо».

Такимъ образомъ, я увидалъ соединенную блестящую школу этого царя возвышеннаго пѣснопѣнія, парящаго надъ всѣмъ, точно орелъ.

Поговоривъ между собой нѣкоторое время, они обратились ко мнѣ съ привѣтствіемъ, и мой учитель улыбнулся.

И они мнѣ сдѣлали еще большую честь, ибо приняли меня въ свою среду, такъ что я оказался шестымъ среди столькихъ геніевъ.

Мы шли къ свѣту, говоря о томъ, о чемъ хорошо молчать, какъ было хорошо говорить о томъ тамъ, гдѣ я находился.

Мы подошли къ величественному замку, обнесенному семью высокими стѣнами и защищаемому вокругъ свѣтлымъ ручьемъ ⁴).

Мы перебрались черезъ него, какъ черезъ твердую землю; вмѣстѣ съ мудрецами, пройдя черезъ семь воротъ, я очутился на лугу, поросшемъ свѣжею зеленью.

Тамъ были тѣни, со спокойнымъ и важнымъ взоромъ, съ видомъ полнымъ достоинства; онѣ говорили мало, но мягкимъ голосомъ.

Мы направились къ одной сторонѣ мѣста открытаго, свѣтлаго и возвышеннаго, откуда я могъ видѣть всѣ эти великія души.

Тамъ мнѣ были показаны стоящія на цвѣтущемъ лугу великія тѣни; я такъ былъ очастливленъ ихъ лицезрѣніемъ, что и теперь еще трепещу отъ восторга.

Я увидалъ Электру, окруженную многими другими, между которыми я узналъ Ректора и Энея, потомъ Цезаря, вооруженнаго, съ глазами ястреба.

Увидѣль Камиллу и Пентезилею, и царя Латина, сидящаго рядомъ съ своей дочерью Лавиньей.

Я увидѣль Брута, изгнавшаго Тарквинія, Лукрецію, Юлію, Марцію, Корнелию; я увидѣль Саладина, стоявшаго особо ⁵⁾.

Затѣмъ, поднявъ выше глаза, я увидѣль учителя ⁶⁾ тѣхъ, которые полны знаній, сидящаго среди цѣлой семьи философовъ.

Всѣ смотрять на него съ удивленіемъ, отдавая ему должную дань уваженія. Тамъ-же я увидѣль Сократа и Платона, ближе другихъ стоявшихъ къ нему;

Демокрита, отдавшаго міръ на произволь случая, Анаксагора и Фалеса, Эмпедокла, Гераклита и Зенона.

И я увидѣль великаго наблюдателя качествъ, т. е. Діоскорида ⁷⁾, Орфея, Тулія, Лина и Сенеку, моралиста;

Геометра Эвклида, Птоломея ⁸⁾, Гиппократа, Авицену, Галліена, Авверроэса ⁹⁾, знаменитаго комментатора.

Я не могу перечислить ихъ всѣхъ; обширный сюжетъ, взятый мною, заставляетъ меня спѣшить, и часто недостаетъ слова для выраженія факта.

Вскорѣ общество шестерыхъ уменьшилось двумя: мой мудрый руководитель увелъ меня другимъ путемъ съ мирнаго дуга, обвѣваемаго тихимъ вѣтромъ, и я пришелъ къ мѣсту царства мрака.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНѢ.

¹⁾ Христось.

²⁾ Іаковъ.

³⁾ Виргилій.

⁴⁾ Укрѣпленный замокъ, по мнѣнію Мугонэ де Клерфонэ, изображаетъ собою безсмертную славу всемірныхъ геніевъ. Семь стѣнъ служатъ эмблемою семи добродѣтелей: Правосудія, Силы, Воздержанія, Осторожности, Понятливости, Мудрости и Науки. Свѣтлый-же потокъ олицетворяетъ собою краснорѣчіе.

⁵⁾ Электра—дочь Анхара и мать Дардана, основателя Трои. Вольпи, однако, предполагаетъ, что здѣсь Данте намекаетъ на Электру, дочь Агамемнона и Клитемнестры. Камилла—дочь царя вольсковъ, державшая на войнѣ сторону Турна. Пентезилея—дочь Марса и царицы Амазонокъ; она пользовалась громкою славой за свое мужество и была убита Ахиллесомъ, во время осады Трои. Юлія—дочь Цезаря и жена Помпея. Марція—дочь Катона изъ Утики. Корнелія—дочь Сципіона Африканскаго. Саладинъ—султанъ египетскій. Въ 1187 году онъ одержалъ блестящую побѣду надъ христіанами, отвоевалъ затѣмъ Іерусалимъ у преемниковъ Готфрида и умеръ въ 1193 году. Саладинъ стоитъ одиноко и вдали отъ другихъ, потому что рѣдко кто изъ мусульманъ отличался въ то время храбростью и военными способностями. Генгенэ говоритъ: «Со стороны Данте большая смѣлость отвести неумолимому врагу христіанъ почетное мѣсто среди другихъ великихъ людей».

⁶⁾ Аристотель.

⁷⁾ Діоскоридъ написалъ трактатъ о растеніяхъ.

⁸⁾ Астрономъ.

⁹⁾ Авверозъ—философъ и комментаторъ Аристотеля.

...Тамъ воссѣдаетъ Минось... (стр. 27).

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

У входа во второй кругъ Данте встрѣчаетъ Минось, вершающій судъ надъ душами грѣшниковъ.—Данте входятъ въ кругъ сластолюбцевъ.— Души эти кружатся въ вѣчномъ ураганѣ; среди нихъ поэтъ узнаетъ Франческу да Романи. Она рассказываетъ поэту свою исторію. Впечатлѣніе отъ этого разсказа такъ сильно, что Данте, выслушавъ его, падаетъ безъ чувствъ.

Такимъ образомъ изъ перваго круга я спустился во второй, занимающій меньшее пространство, но больше страданій, — страданій, выражающихся страшными криками.

Тамъ воссѣдаетъ Минось ¹⁾, безошадный, скрежещущій зубами; онъ разбираетъ проступки при входѣ, судитъ и движеніемъ хвоста назначаетъ наказаніе.

Я хочу этимъ сказать, что когда отягощенная грѣхами душа предстаетъ передъ нимъ, она исповѣдуетъ всю свою жизнь, и этотъ знатокъ грѣховъ

Сразу видитъ, какое мѣсто наказанія ей предназначено, и тогда

онъ количествами извивовъ хвоста опредѣляеть, въ который изъ девяти круговъ ада слѣдуетъ отправить эту душу ²⁾).

Передъ нимъ всегда находится множество преступныхъ душъ; онѣ являются, каждая въ свою очередь, на судъ, перечисляютъ свои грѣхи, выслушиваютъ приговоръ, и затѣмъ мгновенно проваливаются въ бездну.

«О, ты, проникнувшій въ это грозное убѣжище страданій. — сказалъ мнѣ Миносъ, прервавъ свое грозное дѣло, какъ только меня увидѣлъ. —

«Обрати вниманіе на то, какъ тыходишь сюда и кому ты доверяешься; пусть не обманываетъ тебя ширина входа» ³⁾). Тогда мой путе­водитель сказалъ ему: «зачѣмъ ты такъ кричишь?

«Не препятствуй его роковому шествію; такъ желаютъ тамъ, гдѣ могутъ исполнить все, что желаютъ; не требуй большаго».

И вотъ стали долетать до меня щемающіе душу звуки; я пришелъ въ мѣсто, гдѣ множество стоновъ поражаютъ мой слухъ.

Я пришелъ въ мѣсто, гдѣ свѣтъ былъ нѣмъ ⁴⁾), но которое рычитъ, какъ рычитъ море, разъяренное бурей, когда оно взволновано противоположными вѣтрами.

Адскій вихрь, никогда не утихающій, уноситъ осужденныя души, кружитъ ихъ, сталкивая одну съ другою и бѣшенно ударяя ихъ:

Когда онѣ приближаются къ краю этой бездны, онѣ издають крики отчаянія, горькіе стоны и дикій богохульный ропоть противъ небеснаго правосудія.

Я узналъ, что этой пыткой подвержены грѣшники, бывшіе при жизни рабами плоти, подчинившіе разумъ жадѣ чувственныхъ наслажденій.

Подобно тому, какъ въ холодное время крылья уносятъ скворцовъ стаей многочисленной и сгущенной, такъ и этотъ ураганъ уноситъ осужденныя души.

Онѣ ихъ бросаетъ изъ стороны въ сторону, на верхъ, внизъ; имъ нельзя утѣшать себя надеждой не только на смягченіе своей горькой участи, но и на минутный отдыхъ.

Какъ стая журавлей, вытянувшись въ длинную нить, оглашаетъ воздухъ своими заунывными криками,

Такъ и тѣни, уносимыя вихремъ, оглашали пространство своими воплями. Вотъ почему я воскликнулъ: «учитель, что это за души, которыхъ такъ ужасно наказываетъ этотъ черный вѣтеръ?»

«Первая изъ тѣхъ, о которыхъ ты меня спрашиваешь, — отвѣтилъ онъ мнѣ тогда — царствовала надъ множествомъ народовъ, говорившихъ на различныхъ языкахъ;

«Она до такой степени предалась пороку чувственности, что установила въ своемъ законѣ, что все, что пріятно, было дозволено, чтобы избѣжать порицанія со стороны другихъ;

«Звали ее Семпранидой, которая, какъ пишутъ, унаслѣдовала престоль послѣ Ниніаса и была его женой. Она царствовала надъ страной, которую управляетъ теперь султанъ.

«Другая — та, которая кончила жизнь самоубійствомъ, изъ любви, взмѣнивъ присягу вѣрности, давную праху Сихей⁵⁾. Затѣмъ слѣдуетъ сластолюбивая Клеопатра».

Я увидѣлъ Елену, изъ-за которой протекло столько несчастныхъ годовъ; я увидѣлъ великаго Ахилла, погибшаго въ своей послѣдней битвѣ съ Любовью;

Я видѣлъ Париса, Тристана и тысячи другихъ тѣней, которыхъ называть мой наставникъ, показывая на нихъ пальцами, тѣней, погибшихъ изъ-за любви.

Послѣ того, какъ мой путеводитель назвалъ древнихъ дамъ и витязей, въ душу мою проникло великое состраданіе, которое какъ бы уничтожило меня.

И я сказалъ: «о, поэтъ, мнѣ бы хотѣлось поговорить съ этими двумя тѣнями, которыя такъ легко кружатся въ воздухъ, летая вмѣстѣ».

И онъ отвѣчалъ мнѣ: «подожди, когда онѣ будутъ ближе; тогда именемъ Любови, уносящей ихъ, проси ихъ и онѣ полетятъ къ тебѣ».

Какъ только порывъ вѣтра направилъ ихъ въ нашу сторону, я возвы-

силъ голось: «о, страдальческія души, поговорите съ нами, если ничто не препятствуетъ этому!»!

Точно голуби, пламенѣющіе страстнымъ желаніемъ, стремящіеся къ уютному гнѣзду, распутивъ крылья, уносимые въ воздухъ одною волею,

Обѣ эти тѣни, отдалившись отъ толпы, гдѣ находилась Дидона, направились къ намъ, сквозь зловонный воздухъ — такъ повліялъ на нихъ мой благожелательный призывъ.

«Сострадательное и ласковое созданіе, пришедшее навѣстить насъ въ этомъ мрачномъ изгнаніи, насъ, обagrившихъ міръ кровью,

«Еслибы Царь вселенной былъ къ намъ милостивъ, мы бы молили, чтобы Провидѣніе послало тебѣ дни мирнаго покоя за твое страданіе къ нашему горькому мученію.

«Все, что ты пожелаешь услышать и сказать, мы сами выслушаемъ и отвѣтимъ на твои вопросы охотно, пока буря, какъ теперь, не будетъ бѣшевать.

«Земля, въ которой я родилась ⁶⁾, прилегаетъ къ морю, гдѣ рѣка По изливается, чтобы находиться въ морѣ съ родственными водами, которыя слѣдуютъ ему.

«Любовь, такъ легко воспламеняющая благородныя сердца, заставила и это сердце увлечься этимъ прекраснымъ тѣломъ, которое было отнято отъ меня, что и теперь печалитъ меня.

«Любовь, не освобождающая отъ любви никого, кто любилъ, такъ сильно увлекла меня счастіемъ, что я до сихъ поръ не могу вырвать ее изъ сердца.

«Любовь привела насъ къ одной и той же смерти. Кругъ Каина ожидаетъ того, кто намъ нанесъ смертельный ударъ». Таковы были ихъ слова.

Какъ только я выслушалъ эти раненыя души, я уныло поникъ головой, и такъ долго оставался въ этомъ положеніи, что, наконецъ, поэтъ сказалъ мнѣ: «о чемъ ты задумался?»

Какъ только я въ силахъ былъ отвѣтить, я воскликнулъ: «увы! какъ упительны были мысли, какъ пылки были желанія, которые довели ихъ до такого горькаго конца!»

Потомъ я обратился къ нимъ и сталъ говорить: «Франческа, твои мученія вызываютъ во мнѣ слезы печали и состраданія.

«Но скажи мнѣ, во времена сладостныхъ вздоховъ, какими путями и какъ Любовь позволила вамъ узнать ваши жгучія желанія?»

Тогда она отвѣтила: «нѣтъ большей муки, какъ вспоминать счастливое время въ несчастіи; твой учитель знаетъ это хорошо ⁷).

«Но если тебѣ такъ желательно познакомиться съ первыми источниками нашей любви, я поступлю такъ, какъ поступаетъ тотъ, кто въ одно и то же время и говоритъ, и плачетъ.

«Однажды, ради развлечения, мы читали вдвоемъ, какъ Любовь завладѣла сердцемъ Ланчіотто; мы были одни и ничего не подозревали.

«Много разъ во время чтенія глаза наши встрѣчались и мы краснѣли, но одно лишь мгновеніе рѣшило нашу судьбу.

«Когда мы прочли, что счастливый любовникъ запечатлѣлъ поцѣлуй на улыбающихся устахъ, — тотъ, кто никогда не будетъ разлученъ со мной,

«Весь дрожа отъ волненія, поцѣловалъ меня. Книга и тотъ, кто сочинилъ ее, замѣнили намъ Галеотто ⁸). Въ этотъ день мы уже болѣе не читали».

Пока одна изъ тѣней говорила такъ, другая обливалась такими горькими слезами, что изъ состраданія со мною сдѣлалось дурно, точно я умираю.

И я упалъ, какъ падаетъ мертвое тѣло.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ПЯТОЙ ПЪСНѢ.

1) Миносъ у Данте является не только судьей надъ умершими, какъ это мы видимъ въ мифологіи, но, подобно Харону, также однимъ изъ мятежныхъ ангеловъ, свергнутыхъ съ небесъ.

2) Нѣкоторые комментаторы думаютъ, что это намекъ на слѣдующее мѣсто изъ «Энеиды»:

Nec vero hae sine sorte datae, sine iudice sedes.

Caesitor Minos urnam movet: Ille silentum

Conciliumque vocat, vitasque et crimina discit. (I, VI).

3) Въ Энеидѣ:

Facilis descensus Averni:

Noctes atque dies patet atri janua Ditis:

Sed revocare gradum, superasque evadere ad auras,

Hoc opus hic, labor est. (I, VI).

Другіе полагаютъ, что это выраженіе внушено Данте чтеніемъ Евангелія, гдѣ сказано: «Входите тѣсными вратами, потому что широки врата и просторавенъ путь, ведущіе въ погибель, и многіе идутъ ими». *Lata porta et spatiosa via est quae ducit ad perditionem.* (Мат. VII, 13).

4) *Io veni in luogo d'ogni luce muto.*

5) Дидона.

6) Городъ Раенна. Франческа да Романи, дочь знатнаго равенскаго гражданина, считалась одною изъ первѣйшихъ красавицъ своего времени: Она, противъ своего желанія, была выдана отцомъ замужъ за Ланчіотто, старшаго сына романійскаго гражданина Малатеста. Ланчіотто былъ безобразенъ собой. Очень понятно, что молодая и красивая женщина не могла любить хромого, горбатаго, да къ тому-же еще грубаго и скушого мужа. Между тѣмъ, у Ланчіотто былъ братъ, добрый, увлекательный и благородный красавецъ, — Паоло, влюбившійся въ свою невѣстку. Франческа тоже страстно полюбила Паоло. Однажды Ланчіотто засталъ ихъ вдвоемъ, когда они читали книгу, въ которой описывались любовныя исторіи. Въ немъ закипѣла бѣшенная ревность, и онъ однимъ ударомъ шпаги провизилъ обоихъ влюбленныхъ.

7) *Sed si tantus amor casus cognoscere nostrcs...*

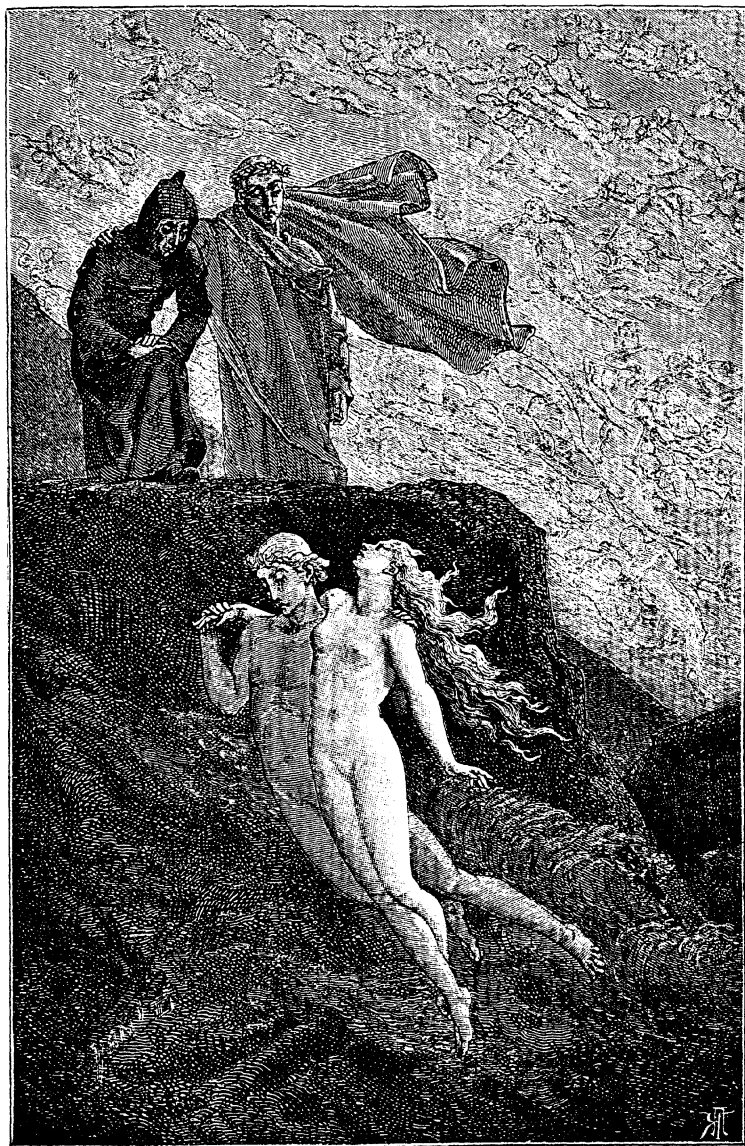
Quaquam animus meminisse harret, luctuque refagit,

Insciriam (Энеида, I, VI).

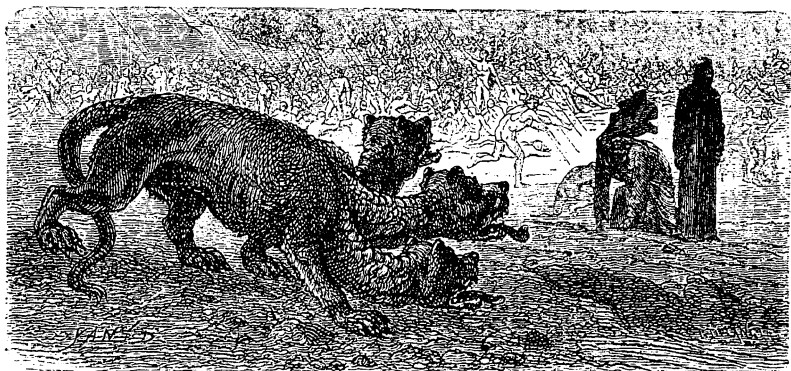
У Боэція въ «*De Consolatione*» встрѣчается такое мѣсто: «Для всякаго, испытывающаго превратности судьбы, воспоминаніе о прежнемъ счастьи — очень тяжелый видъ несчастія». Что Данте хорошо былъ знакомъ съ произведеніями Боэція, видно изъ многихъ отрывковъ другого произведенія творца «*Божественной Комедіи*» — «*Convito*».

8) Галеотто служилъ посредникомъ между королевой Джиневрой и влюбленнымъ въ нее рыцаремъ Ланчилотто.

Точно пара голубей... Обѣ эти тѣни направились къ намъ... (стр. 30).

Церберъ, жестокий, уродливый звѣрь лаетъ, тремя своими собачьими мордами... (стр. 34).

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Данте вѣсть со своими спутниками проникаетъ въ третій кругъ ада, служащій мѣстомъ наказанія для обжоръ. Ко входу въ этотъ кругъ приставлено чудовище Церберъ, которое своимъ лаемъ оглушаетъ грѣшниковъ, царапаетъ и кусаетъ ихъ. Въ то-же время, на заключенныхъ въ этотъ кругъ вѣчно льется дождь, попеременно переходящій то въ градъ, то въ снѣгъ. Въ числѣ осужденныхъ Данте узнаетъ одного знатнаго флорентійца, славившагося при жизни своей страстью къ обжорству. Между ними завязывается разговоръ о внутреннихъ распряхъ, терзающихъ родной городъ.

Какъ только я пришелъ въ сознаніе и избавился отъ гнетущей тоски, вызванной состраданіемъ къ двумъ родственникамъ, несчастія которыхъ погрузили меня въ печаль,

Новыя страданія и новые страдальцы представились мнѣ, куда-бы я ни повернулъ мой взоръ или мои шаги.

Теперь я въ третьемъ кругу дождя вѣчнаго, холоднаго, тяжелаго, проклинаемаго осужденными, лившагося непрерывно и въ одинаковомъ количествѣ.

Крупный градъ, снѣгъ и грязная вода, пропитавшіе темный воздухъ, бѣшено падали на мокрую землю, издававшую отвратительный запахъ.

Церберъ, жестокий, уродливый звѣрь, лаеъ своими тремя собачьими мордами на несчастныхъ, обдаваемыхъ холодными потоками воды ¹⁾).

Глаза у него красные, шерсть черная и густая, объемистое брюхо и огромныя лапы, вооруженныя острыми когтями; онъ кусаетъ тѣла грѣшниковъ, царапаетъ ихъ и рветъ.

Дождь заставляетъ ихъ выть, какъ воютъ собаки; несчастные постоянно оборачиваются, подставляя то одинъ, то другой бокъ.

Когда Церберъ, громадный червь ²⁾, увидаль насъ, онъ разинулъ пасть и оскалилъ свои зубы; всѣ его члены тряслись отъ злости.

Тогда мой спутникъ, раскрывъ свои руки, набралъ въ нихъ земли и сталъ бросать ее въ пасть голоднаго чудовища.

Какъ озабоченный пещь, своимъ лаемъ дающій понять, что онъ голоденъ, сейчасъ-же успокоивается, какъ только ему бросаютъ добычу, которую онъ начинаетъ пожирать,

Такъ и демонъ Церберъ закрылъ всѣ три свои пасти, такъ оглушавшія своимъ лаемъ несчастныхъ грѣшниковъ, что они хотѣли бы совсѣмъ оглохнуть.

Мы проходили между этими тѣнями, вѣчно обдаваемыми дождемъ и градомъ, и наступали подошвами ногъ на эти безплотныя тѣни, казавшіяся тѣлами.

Онѣ лежали на землѣ за исключеніемъ одной, которая при нашемъ приближеніи торопливо встала и сѣла.

«О, ты, котораго водятъ по этому аду, — сказала она мнѣ — узнай меня, если можешь. Я былъ еще живъ, когда ты родился ³⁾».

Я отвѣчалъ: «страданія, испытываемыя тобою, можетъ быть, такъ сильно тебя измѣнили, что ты не сохранился въ моей памяти; мнѣ кажется, что я никогда не видѣлъ тебя».

Но скажи мнѣ, кто ты, ты, брошенный въ такое печальное мѣсто и осужденный на мученія, если не изъ самыхъ жестокихъ, то во всякомъ случаѣ изъ самыхъ непріятныхъ».

Душа отвѣчала: «твой городъ, въ которомъ такъ много зависти⁴⁾, что, какъ говорятъ, мѣшокъ переполненъ, выдалъ меня въ своихъ стѣнахъ въ самые свѣтлые дни моей жизни.

«Вы, сограждане этого города, прозвали меня Чіакко⁵⁾. За мое проклятое обжорство я осужденъ выносить на себѣ этотъ ливень.

«Я—не единственная печальная душа, вынужденная выносить эту пытку; и всѣ другія осуждены на такое же наказаніе и за такую же вину». И онъ замолчалъ.

Тогда я ему сказалъ: «Чіакко, твои страданія такъ сильно трогаютъ меня, что на глаза навертываются слезы, но скажи мнѣ, если только знаешь, чѣмъ кончится

«Вѣчная вражда согражданъ этого города,—найдется-ли тамъ хоть одинъ праведникъ? Скажи мнѣ, что за причина всѣхъ этихъ раздоровъ?»

Онъ сказалъ мнѣ: «послѣ долгихъ препирательствъ, у нихъ польется кровь и дикая партія⁶⁾ прогонитъ враждебную ей партію⁷⁾, которой потери велики.

«Потомъ придется пасть и дикой партіи послѣ трехъ поворотовъ солнца, и партія сначала побѣжденная восторжествуетъ при помощи человѣка, который теперь находится еще въ покоѣ⁸⁾.

«Долго эта партія продержится во главѣ правленія, жестоко угнетая своихъ противниковъ. Вотъ почему я плачу, и мнѣ стыдно.

«Есть еще два праведника въ городѣ⁹⁾, но ихъ не слушаютъ; гордость, зависть и алчность—вотъ три горящія головни, воспаляющія всѣ сердца».

Здѣсь Чіакко окончилъ свой печальный рассказъ и я сказалъ ему: «я бы желалъ, чтобы ты далъ мнѣ еще кое-какія свѣдѣнія и чтобы ты не отказалъ мнѣ въ твоихъ словахъ.

«Форината и Тегіайо, обладавшіе столь высокими качествами, Якопо Рустикуччи, Арриго и Моска и другіе, употреблявшіе весь свой геній на добро¹⁰⁾,

«Скажи мнѣ, гдѣ они теперь? Открой мнѣ это; я страстно желаю узнать, находятся-ли они въ числѣ избранныхъ небомъ, или же въ вѣчномъ пламени».

Тѣнь отвѣчала: «они находятся среди душъ болѣе черныхъ, чѣмъ моя. Другіе грѣхи повергли ихъ въ кругъ болѣе глубокой, и если ты осмѣлишься спуститься съ этого круга, то увидишь ихъ».

«Но когда ты вернешься на землю, напомни своимъ согражданамъ обо мнѣ. Больше я ничего не могу и не буду тебѣ отвѣчать».

Онъ съискоса посмотрѣлъ на меня, посмотрѣлъ нѣсколько мгновеній и, поникнувъ головою, снова упалъ среди другихъ ослѣпленныхъ.

И мой путеводитель сказалъ мнѣ: «онъ больше не подыметъ до того самого дня, когда грянетъ труба ангела, когда снизойдетъ Врагъ всякаго зла».

«И всякій тогда вернется въ свою печальную могилу, облечется въ прежнюю плоть, приметъ прежнія черты и выслушаетъ приговоръ, который грянетъ въ вѣчностъ».

Разговаривая такъ о будущей жизни, мы проходили медленно среди жалкихъ тѣней п дождя.

Тогда я сказалъ: «учитель, увеличатся-ли эти мученія послѣ окончательнаго приговора? Уменьшатся-ли они, или же будутъ столь же жестоки?»

И онъ отвѣчалъ мнѣ: «положись на твою науку; она тебя учитъ, что чѣмъ ближе приближается каждое существо къ совершенству, тѣмъ болѣе оно чувствуетъ благо и страданіе».

«Хотя это проклятое поколѣніе никогда не дойдетъ до совершенства, оно тѣмъ не менѣе надѣется быть ближе къ нему послѣ суда, чѣмъ теперь».

Мы обошли этотъ кругъ, бесѣдуя о предметахъ, о которыхъ я считаю излишнимъ упоминать, и добрались до того мѣста, гдѣ путь спускается.

Здѣсь мы встрѣтили Плута ¹¹⁾, великаго скрягу.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ШЕСТОЙ ПѢСНѢ.

1) *Hic ferus umbras territat stygius canis etc. (Сенека).
Cerberus haec ingens latratu regna trifauci.
Personat, adverso recubans immanis in antro.
Cui vates horrere videns jam colla colubris,
Melle soporatam et medicatis frugibus offam
Objicit: ille fame rabida tria guttura pandens,
Corripit objectam, atque immania terga resolvit
Fusus humi, totoque ingens extenditur antro. (Энеида, I, VI).*

2) *Cerbero, il gran vermo.*

3) *Tu fosti, prima ch'io disfatto, fatto.*

4) Флоренція.

5) Чацко на тосканскомъ нарѣчїи означаетъ—свинья, поросенокъ. Это прозвище было дано этому флорентійцу, разговаривающему съ Данте, за то, что онъ былъ паразитъ и во всемъ городѣ славился своею непоумѣрною страстью къ обжорству. Тѣмъ не менѣе Ландино увѣряетъ, будто Чацко былъ человѣкомъ очень краснорѣчивымъ, вѣжливымъ въ обращенїи, остроумнымъ шутникомъ, и вообще очень прїятнымъ собесѣдникомъ.

6) Т. е. партія, во главѣ которой стояли Черки, принадлежавшіе къ новому дворянству, недавно переселившіеся во Флоренцію изъ родныхъ своихъ дѣсовъ въ Валь ди Ниеволи, въ которомъ проживали съ незапамятныхъ временъ. Это была партія *Бьялызъ*, къ которымъ принадлежалъ и самъ Данте.

7) Т. е. партія Черныхъ, во главѣ которыхъ стоялъ Корсо Донати.

8) Карлъ Валуа, братъ короля французскаго Филиппа Прекраснаго. Карлъ Валуа пришелъ на помощь Чернымъ и возвратилъ ихъ къ власти въ 1301 году.

9) Эти два праведника суть: самъ Данте и Гвидо Кавальканти. По мнѣнію другихъ комментаторовъ, Данте намекаетъ здѣсь на Бардуччіо и на Джіованни да Веспігнано.

10) Фарината дѣльи Уберти—глава партїи гиббелиновъ, отличался высокими качествами характера. Тегіайо Альдобрандини дѣльи Адимари—одинъ изъ первыхъ военачальниковъ того времени, былъ извѣстенъ своимъ благоразуміемъ, предусмотрительностью и осторожностью; ему партія Черныхъ была обязана многими полезными совѣтами. Рустикуччи—глава не особенно знатной, но очень богатой семьи. Арриго—рыцарь изъ рода Физанти. Моска—изъ рода дѣльи Уберти. Имя Моска встрѣчается также и въ XXVIII пѣснѣ «Ада».

11) Въ мѣтологіи, Плутъ—богъ богатства, но у Данте онъ—демонъ и демонъ очень злобный. Онъ стоитъ у входа въ четвертый кругъ, гдѣ искупаютъ свои грѣхи скряги и расточители.

Грозное чудовище пало на землю... (стр. 39).

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

У входа въ четвертый кругъ Данте и Виргилія останавливаетъ Плутъ, демонъ скупости, которому поручено охранять эту мѣстность. Слова Виргилія укрощаютъ гнѣвъ чудовища, и оба спутника входятъ въ находящееся передъ ними отдѣленіе ада, гдѣ помѣщаются частью скряги, частью расточители. Они осуждены катить впередъ громадную скалу, напрягая при этомъ всѣ силы, нажимаясь при этомъ грудью на исполинскій камень. Между осужденными происходятъ столкновенія; они попрекаютъ другъ друга порокомъ, служащимъ противоположностью тому пороку, которымъ страдаютъ сами. Виргилій въ присутствіи этихъ душъ, загубленныхъ или богатствомъ, или любостыжаніемъ, описываетъ Данте превратности судьбы и перемѣчивости счастья. Затѣмъ оба спутника, переходя въ пятый кругъ, останавливаются передъ стоячими водами Стикса, въ которыхъ погружены тѣни людей, подверженныхъ когда-то необузданнымъ порокамъ гнѣва и виноватыхъ въ лѣности. Раздражительные люди, пребывая въ смрадномъ болотѣ, съ ожесточеніемъ борются другъ съ другомъ; лѣнницы же, погруженные въ тину, тяжело вздыхаютъ. Оба поэта подходятъ къ высокой башнѣ.

«Папе Сатана, папе Сатана, алешпе» ¹⁾, крикнулъ Плутъ охриплымъ голосомъ, и благородный мудрецъ, который все зналъ,

Сказалъ мнѣ, чтобы успокоить меня: «пусть не вредить тебѣ

твоя боязнь. Какъ бы ни было велико могущество этого чудовища, оно не помѣшаетъ тебѣ спуститься въ этотъ кругъ».

Потомъ, обращаясь къ этому чудовищу съ вздутыми губами, сказалъ: «молчи, проклятый волкъ ²⁾». Задохнись отъ безсилнаго бѣшенства!

«Не безъ причины онъ спускается въ бездну. Такъ пожелали тамъ, гдѣ Михаилъ поправилъ заносчиваго насильника».

Подобно тому, какъ вздутые паруса сами собою спадаютъ, когда мачта переломлена, — такъ упала и голова жестокаго звѣря;

И мы спустились въ четвертый ровъ, все болѣе и болѣе приближаясь къ берегу страданій, вмѣщающему въ себя все зло міра.

О, небесное правосудіе! Кто въ силахъ нагромоздить столько страданій, которыя мнѣ пришлось видѣть? Зачѣмъ наши преступленія такъ уродуютъ насъ?

Подобно тому, какъ около Харибды волна разбивается о волну, такъ и здѣсь грѣшники ожесточенно борются.

Тамъ увидѣлъ я толпу людей еще болѣе многочисленную, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; они съ разныхъ сторонъ, при отчаянныхъ крикахъ, катили тяжести, съ величайшимъ усиліемъ напирая на нѣхъ грудью.

Они толкали другъ друга при встрѣчѣ, затѣмъ каждый изъ нихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ возвращался назадъ, крича: «зачѣмъ ты удерживаешь ихъ? зачѣмъ бросаешь ихъ?»

Такъ въ этомъ мрачномъ кругѣ они возвращались съ разныхъ сторонъ къ противоположной точкѣ, продолжая повторять свой постыдный припѣвъ.

Потомъ, когда каждый достигъ своего круга, они всѣ вмѣстѣ возвращались, чтобы снова начать борьбу. А я, сердце котораго ежилось отъ состраданія,

Я сказалъ: «учитель, объясни мнѣ, кто эти души? Были ли эти безволосые, которыхъ я вижу на лѣвой сторонѣ, священниками?»

Онъ мнѣ отвѣчалъ: «всѣ они были такъ кривы умомъ въ первой своей жизни, что ничего не умѣли сдѣлать въ мѣру.

«Ихъ собачій вой ясно говоритъ это, когда они возвращаются съ двухъ точекъ круга, гдѣ раздѣляютъ ихъ противоположныя преступленія.

«Тѣ, у которыхъ нѣтъ волосъ, чтобы покрыть ихъ головы, были священниками, попами и кардиналами, на которыхъ скупость положила свое иго».

Тогда я сказалъ: «учитель, изъ всѣхъ этихъ людей, я бы долженъ узнать нѣкоторые, загрязненныхъ этими пороками».

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Ты льстишь себѣ напрасной надеждой; гнусная жизнь, обезобразившая ихъ, скрываетъ ихъ и дѣлаетъ ихъ не узнаваемыми.

«Они вѣчно будутъ сталкиваться и выйдутъ изъ своихъ могилъ, одни—съ сжатыми кулаками, другіе—съ обритыми головами.

«За то, что не умѣли какъ слѣдуетъ давать и какъ слѣдуетъ берегать, они потеряли блаженство и осуждены на эту борьбу, которую я не хочу украшать словами.

«Ты и самъ, мой сынъ, можешь видѣть, какъ быстро проходить блага, которыя даруетъ слѣпая фортуна и которыми человѣчскій родъ такъ тщеславится и изъ-за которыхъ такъ борется.

«Ибо все золото, сколько его есть или было подъ луною, не въ состояніи ни на одно мгновеніе облегчить страданія этихъ уставшихъ душъ».

«Учитель!—воскликнулъ я снова—объясни мнѣ, что это за слѣпая фортуна, о которой ты мнѣ говорилъ. Какимъ образомъ она держитъ въ своихъ когтяхъ всѣ блага міра?»

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «о, безумныя созданія, какъ велико невѣдѣніе, ослѣпляющее васъ! Я сообщу тебѣ мое мнѣніе.

«Тотъ, чьей мудрости нѣтъ предѣла, сотворилъ небеса и даль имъ двигателей, такъ что каждая часть отдаетъ свой свѣтъ другой части,

() ты, какими-то судьбами попавший въ этотъ адъ, сказалъ онъ мнѣ, узнай меня, если можешь... (стр. 34).

«Вслѣдствіе равномернаго распредѣленія свѣта; точно также Всемогущій правитель поручилъ разумной силѣ управленіе благами міра и распредѣленіе этихъ благъ между людьми.

«Эта сила отъ времени до времени передаетъ земныя блага отъ народа къ народу, отъ семьи къ семьѣ, несмотря на всѣ препятствія человѣческой предусмотрительности.

«Такимъ образомъ, одинъ народъ распоряжается, а другой слабѣетъ, согласно волѣ этой силы, которая скрыта, какъ змѣя подъ травой³⁾.

«Ваши знанія ничего не значатъ противъ нея; она предвидитъ, судитъ и управляетъ, какъ это дѣлаютъ и другія божества.

«Ея перемѣны никогда не останавливаются; необходимость заставляетъ ее быть быстрой, ибо въ каждое мгновеніе возникаетъ новое, которое требуетъ своего въ свою очередь.

«Такова та, которую такъ часто распинаютъ тѣ, которые должны бы быть ей благодарны и которые несправедливо порицаютъ ее и позорятъ.

«Но она счастлива и не слышитъ этихъ проклятій; спокойная среди другихъ первобытныхъ созданій, она управляетъ движеніемъ своей сферы и наслаждается своимъ блаженствомъ.

«А теперь спустимся къ страданіямъ еще болѣе глубокимъ; звѣзды, входившія когда я пришелъ за тобой, теперь клонятся уже къ закату⁴⁾. Намъ запрещено слишкомъ долго останавливаться».

Мы прошли весь кругъ до другого края, близъ клокотавшаго потока, низвергавшагося въ прорытую имъ котловину.

Эта вода была гораздо болѣе черная, чѣмъ мутная. Тогда мы, въ обществѣ темныхъ водъ, стали спускаться еще ниже.

Болото, называемое Стиксомъ, образуется этимъ мрачнымъ потокомъ, когда онъ опускается на дно этой смрадной котловины.

Внимательно глядя, я увидѣлъ множество обнаженныхъ тѣней, погруженныхъ въ эти грязныя воды болота.

Онъ наносилъ одна другой бѣшенные удары не только руками, но и головой, грудью, ногами и рвали другихъ въ клочья своими острыми зубами.

Добрый учитель сказалъ мнѣ: «сынъ мой, ты видишь предъ собою души тѣхъ, которые не умѣли обуздывать порывы своего гнѣва; я также хочу, чтобы ты зналъ,

«Что подъ этой водой есть множество тѣней, изъ которыхъ вырываются только тяжелые вздохи; эти вздохи заставляютъ клокотать смрадную воду, какъ ты и самъ видишь на всей поверхности этого зловоннаго болота».

Утопая въ тинѣ, эти души кричали: «мы были мрачны въ этомъ мягкомъ воздухѣ, играющемъ на солнцѣ, нося внутри насъ черный дымъ;

«И теперь мы печальны въ тинѣ этого гнѣющаго болота»⁵⁾). Этотъ гимнъ онѣ квакали, какъ лягушки, будучи не въ состояніи произносить цѣлыя слова.

Такимъ образомъ, мы сдѣлали большую дугу вокругъ этого зловоннаго болота, между высохшей рѣкой и прудомъ, глядя на тѣхъ, которые глотали грязь.

II, наконецъ, очутились передъ высокою башнею.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ СЕДЬМОЙ ПѢСНѢ.

¹⁾ По мнѣнію Ланчи, эти слова на еврейскомъ языкѣ означаютъ: «Явись, Сатана, во всемъ блескѣ твоего величія». Этимъ воззваніемъ Плутъ приглашаетъ Дитѣ, т. е. Люцифера, выйти изъ самой отдаленной глубины бездны, лежащей на самомъ днѣ адской воронки, чтобы испугать Данте, дерзнувшаго ранѣе смерти проникнуть въ преисподнюю. Съ другой стороны Этъенъ Катремэръ утверждаетъ, что въ этихъ словахъ нѣтъ никакого смысла.

²⁾ Въ первой пѣснѣ волчица является эмблемой скупости. Плутъ есть богъ скупцовъ; вотъ почему поэтъ говоритъ: «*Maladetto lupo*».

³⁾ «*Latet anguis in herba*» (Виргилій).

⁴⁾ Этимъ Виргилій хочетъ объяснить Данте, что настала полночь; слѣдовательно, съ той минуты, когда оба поэта отправились въ путь, прошло около шести часовъ.

⁵⁾ «*Requiescens accidiosus in faucibus suis* (Иеремія). Давидъ говоритъ о лѣнивцѣ: «*Infixus sum in limo profundi*».

Когда мы плыли по этой мертвой водѣ, передо мною вынырнула тѣнь...
(стр. 45).

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

По знаку, поданному изъ башни, на болотѣ появляется лодка, которую управляетъ демонъ Флегіасъ. Данте и Виргилій садятся въ лодку и переплываютъ на другой берегъ Стикса. На пути они встрѣчаютъ тѣнь Филиппа Ардженти, флорентійца, славившагося своимъ необузданно-вспыльчивымъ нравомъ. На эту тѣнь бѣшено набрасываются другія тѣни и вынуждаютъ ее снова вернуться въ ту тину, изъ которой она выплыла. Оба поэта выходятъ на берегъ у воротъ, ведущихъ въ городъ Дитэ. Грозные прислужники Люцифера стараются преградить имъ доступъ въ этотъ городъ. Данте овладѣваетъ страхъ, но Виргилій успокоиваетъ своего спутника, объявляя послѣднему, что у нихъ есть могучій союзникъ, который поможетъ ему восторжествовать надъ сопротивленіемъ демоновъ.

Я долженъ сказать, продолжая ¹⁾, что прежде, чѣмъ мы дошли до башни, наши взоры остановились на ея вершинѣ,

Гдѣ мы увидали два вспыхнувшихъ огонька. Другой вспыхнувшій огонекъ отвѣчалъ этимъ на зовъ на такомъ далекомъ разстояніи, что наши глаза едва могли рассмотретьъ его.

И вотъ, обращаясь къ морю всякаго знанія ²⁾, я сказалъ: «что означаетъ это пламя и къмъ было зажжено».

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «ты и теперь могъ бы увидѣть, чего здѣсь ожидаютъ, еслибы тебѣ не мѣшаль туманъ этого болота».

Никогда еще лукъ не пускалъ такъ быстро стрѣлы, какъ быстро помчалась къ намъ маленькая лодка,

въ которой помѣщался одинъ только перевозчикъ, кричавшій намъ издали: «ты, значить явилась вѣроломная душа».

«Флегіасъ, Флегіасъ ³⁾», на этотъ разъ ты кричишь совершенно напрасно — отвѣчалъ мой учитель: — мы пробудемъ съ тобой только то время, которое необходимо для того, чтобы переплыть на другую сторону этой зловонной лужи».

Подобно человѣку, жестоко обманутому, въ своемъ ожиданіи, у котораго вырывается восклицаніе досады, — у Флегіаса вырвался тяжелый стонъ.

Мой спутникъ вошелъ въ лодку и приказалъ мнѣ слѣдовать за нимъ, но только тогда стала ощутительна тяжесть, когда я вошелъ въ нее.

Какъ только мой учитель и я сѣли, древняя лодка отчалила, оставляя за собою зыбь, чего бы не было, еслибы перевозчикъ плылъ въ ней одинъ.

Въ то время, какъ мы плыли по этой мертвой водѣ, передо мной вынырнула тѣнь, вся облѣпленная грязью, и сказала мнѣ: «кто ты, дерзнувшій явиться сюда ранѣе урочнаго часа?»

Я отвѣтилъ: «если я явился, то не остаюсь здѣсь; но кто ты самъ, ты, который такъ отвратителенъ?» Тѣнь отвѣчала: «ты видишь, что я одинъ изъ тѣхъ, которые плачутъ».

Я обратился къ нему: «оставайся же среди плача и стонувъ, проклятая тѣнь! Хотя все твое лицо перепачкано грязью, я узналъ тебя теперь».

Тогда тѣнь обѣими руками схватилась за бортъ лодки, но мой

благоразумный проводникъ оттолкнулъ ее, говоря: «убирайся отсюда вмѣстѣ съ другими псами!»

Потомъ онъ обнялъ меня и, цѣлуя въ лицо, сказалъ: «великая душа, да будетъ благословенно то чрево, которое тебя носило!

«Эта тѣнь при жизни была одержима безумною гордостью: никакое доброе качество не украшаетъ его памяти—поэтому и въ адѣ она одержима гнѣвомъ.

«Сколько тамъ великихъ монарховъ, которые послѣ смерти очутятся подобно свиньямъ, въ этомъ смрадномъ болотѣ, оставляя послѣ себя лишь одно тяжелое презрѣніе».

Я отвѣтилъ: «учитель, мнѣ бы хотѣлось, прежде чѣмъ оставить это озеро, увидѣть, какъ этотъ гордецъ снова погрузится въ этотъ грязный омутъ».

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «прежде, чѣмъ мы успѣемъ пристать къ противоположному берегу, твое желаніе будетъ исполнено».

Вслѣдъ затѣмъ я увидѣлъ, что множество другихъ тѣней напали на эту тѣнь, и за это восхваляю и приношу благодарность Богу.

Всѣ кричали: «держите, Филиппа Ардженти!» Этотъ бѣшеный флорентіецъ направилъ свои зубы противъ самого себя.

Въ такомъ видѣ мы его оставили, и больше я о немъ не говорю. Но вскорѣ до моего уха долетѣли жалобные стоны, и я, сдѣлавшись внимательнымъ, открылъ глаза;

И добрый учитель сказалъ мнѣ: «мы уже приближаемся, сынъ мой, къ городу, который называется Дитѣ ⁴), съ многочисленными и несчастными обитателями.

Я сказалъ: «учитель, въ глубинѣ долины я уже замѣчаю мечети города, залитыя краснымъ свѣтомъ, точно онѣ охвачены огнемъ».

Онъ мнѣ отвѣчалъ: «вѣчный огонь, пылающій вокругъ ихъ, придаетъ имъ этотъ красный оттѣнокъ, который ты видишь въ этомъ низкомъ адѣ».

Мы подошли къ глубокимъ рвамъ, окружающимъ эту печальную землю; стѣны, казалось, были возведены изъ желѣза.

Только послѣ большого обхода мы подошли къ мѣсту, гдѣ перевозчикъ воскликнулъ сильнымъ голосомъ: «выходите, вотъ пристань!»

У воротъ города болѣе тысячи мятежныхъ духовъ, словно дождь упавшихъ съ неба, кричали намъ съ ожесточеніемъ: «кто изъ васъ тотъ, который, не дождавшися смерти,

«Идетъ по царству мертвыхъ?» Тогда мой мудрый наставникъ знакомъ далъ имъ понять, что хочетъ переговорить съ ними по секрету.

Тогда, сдержавши свой свирѣпый гнѣвъ, они отвѣчали: «приблизься одинъ, и пусть отправляется назадъ тотъ, у котораго хватало смѣлости явиться въ это царство.

«Пусть возвращается онъ одинъ по труднымъ тропинкамъ, пусть испробуетъ, если можетъ, ибо ты останешься здѣсь, ты, который сопровождалъ его въ этой мрачной области».

Посуди самъ, читатель, могъ ли я быть покоенъ, услыхавъ эти проклятыя слова. Я думалъ, что никогда не вернусь на землю.

«О, дорогой наставникъ, болѣе семи разъ успокоившій меня и избавившій меня отъ смертельныхъ опасностей, окружавшихъ меня,

«Не оставляй меня — сказалъ я ему — въ такомъ положеніи. Если мнѣ не дозволено идти далѣе, то вернемся поскорѣе назадъ».

Но учитель, который привелъ меня сюда, отвѣчалъ мнѣ: «не бойся ничего, никто не можетъ воспрепятствовать нашему дальнѣйшему пути; такова власть того, который открылъ намъ его. Подожди меня здѣсь, мужайся и питай себя надеждой, ибо я не оставлю тебя въ этомъ адскомъ мѣстѣ».

И сказавъ это, добрый наставникъ удалился, оставивъ меня одного. Я остался въ нерѣшительности: «да» и «нѣтъ» боролись въ моей головѣ.

Я не могъ услышать, что онъ сказалъ имъ, но съ ними онъ не оставался долго, и они быстро вошли въ городъ.

Наши враги закрыли ворота передъ моимъ спутникомъ, который остался за окопами и медленно вернулся ко мнѣ.

Онъ опустилъ глаза къ землѣ, и шель съ нахмуреннымъ челомъ, и среди вздоховъ повторялъ: «кто закрылъ передо мною домъ страданій?»

И обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «хотя я и взволнованъ, но ты не пугайся; я выйду побѣдителемъ изъ этого испытанія, кто бы ни были тѣ, которые тамъ приготовляются къ оборонѣ.

«Ихъ дерзость не нова; они уже разъ отважились на это, передъ воротами менѣ тайными, которыя теперь безъ замка ⁵⁾).

«Подъ этими воротами ты прочелъ ужасающую надпись. Но я чувствую уже, что, пройдя входъ, спускается съ горы и, проходя по кругамъ, идетъ тотъ,

«Который откроетъ намъ эту крѣпость» ⁶⁾).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВОСЬМОЙ ПѢСНѢ.

1) Т. е. продолжая путь или продолжая рассказъ.

2) Виргилій.

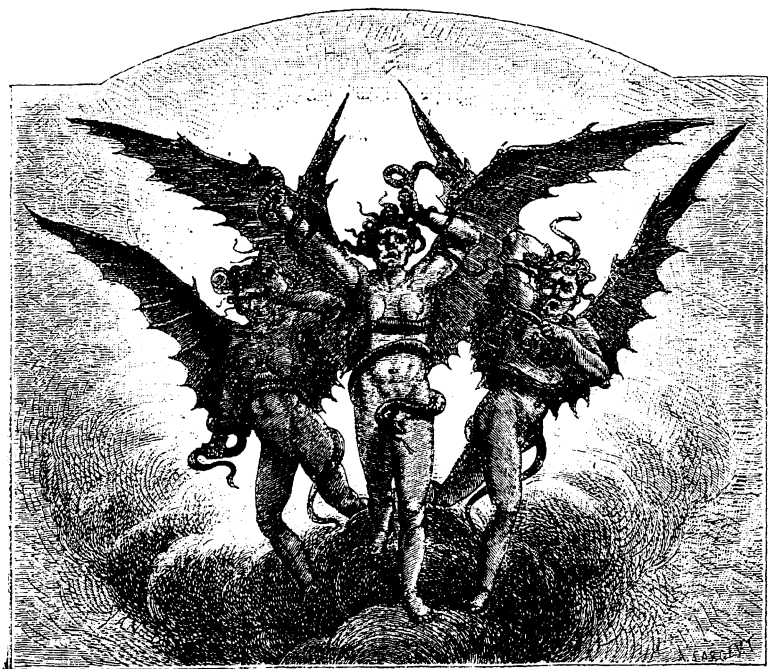
3) Флегіасъ, сынъ Марса и отецъ Иксиона, бывший царемъ Лопитскимъ. Узнавъ, что Аполлонъ нанесъ жестокое оскорбленіе его дочери Коронидѣ, онъ пришелъ въ такую ярость, что поджегъ храмъ бога солнца, за что и былъ убитъ стрѣлою, пущенною въ него Аполлономъ. Даніелло предполагаетъ, что Флегіасу потому поручено наблюдать за тѣмъ кругомъ ада, который служилъ мѣстомъ наказанія для тѣхъ, кто былъ способнѣе разгораться неистовымъ гнѣвомъ, что самъ онъ когда-то страдалъ этимъ порокомъ. Ломбарди, напротивъ, предполагаетъ, что Данте смотрѣлъ на Флегіаса какъ на вольнодумца, съ презрѣніемъ относившагося къ богамъ. Осужденъ онъ перевозить грѣшныя души въ городъ Дитѣ, гдѣ помѣщаются безбожники, за то именно, что онъ сжегъ храмъ Аполлона.

4) Слово Дитѣ происходитъ отъ Dis, которымъ обозначаютъ Плутона.
Noctes utque dies patet atri janua Ditis (Виргилій).

⁵⁾ Потому, что, несмотря на сопротивление демоновъ, ворота были взломаны Христомъ, когда Онъ спустился въ адъ: «*Hodie portas mortis et seras pariter Salvator noster dirupit* (католическое богослуженіе въ Страстную субботу).

⁶⁾ Ангель, посланный Богомъ.

Тамъ вдругъ появились три адскія фуріи... (стр. 51).

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Стоя передъ воротами Дитэ, Данте и Виргилій перепугались появленія трехъ фурій, но на помощь къ нимъ является съ небесъ ангелъ. Они входятъ въ городъ, служащій мѣстомъ наказаній для невѣрующихъ, заключенныхъ въ огненныя могилы. Общимъ поэтамъ приходится пробираться между этими могилами и стѣнами города.

Блѣдность, которую распространилъ на моемъ лицѣ страхъ, когда я увидѣлъ моего наставника возвращающимся назадъ, затмила его собственную блѣдность.

Въ раздумьи онъ остановился, какъ человѣкъ, прислушивающійся къ чему-то, потому что его глазъ не могъ далеко проникнуть въ этомъ черномъ воздухѣ и густомъ туманѣ.

«Однако, намъ необходимо побѣдить въ этой борьбѣ — сказалъ онъ...— а если нѣтъ... По помощь намъ обѣщана ¹⁾... О, какъ я бы хотѣлъ, чтобы онъ поскорѣ явился!...»

Я ясно увидѣлъ, что онъ скрывалъ теперь начало своей рѣчи послѣдующими словами, имѣвшими совершенно другой смыслъ.

Тѣмъ не менѣе его слова испугали меня, потому что я придавалъ этимъ отрывочнымъ словамъ смыслъ, котораго, можетъ быть, они и не имѣли.

«Спускался-ли кто либо въ эту мрачную раковину изъ перваго круга, гдѣ единственное наказаніе заключается въ томъ, что теряешь всякую надежду?»

Я сдѣлалъ ему этотъ вопросъ, и онъ отвѣчалъ мнѣ: «случается очень рѣдко, чтобы кто-либо изъ насъ проходилъ по той дорогѣ, по которой я прохожу.

«Правда, прежде мнѣ уже случилось разъ спуститься сюда, благодаря заклинаніямъ этой жестокой Эрхто, которая умѣла возвращать духъ тѣламъ ²⁾).

«Вскорѣ послѣ того, какъ моя плоть была лишена своей души, она ввела меня въ эти стѣны, чтобы вывести отсюда одну тѣнь изъ круга Іуды.

«Этотъ кругъ находится въ самомъ низу; онъ — самый мрачный, и далѣе другихъ отстоитъ отъ неба, обнимающаго все. Я хорошо знаю дорогу; поэтому будь покоенъ.

«Это болото, извергающее такой великій смрадъ, окружаетъ городъ скорбей, куда мы уже не можемъ войти безъ борьбы».

Онъ говорилъ еще многое другое, но его слова исчезли изъ моей памяти, ибо взоры мои увлекли мое вниманіе къ высокой башнѣ, озаренной пламенемъ.

Тамъ вдругъ появились три адскія фуріи, залитыя кровью, хотя имѣли формы и жесты обыкновенныхъ женщинъ.

Онѣ были опоясаны зелеными гидрами; вмѣсто волосъ у нихъ были

маленькія змѣйки, которыми были окружены ихъ отвратительные виски.

И онъ, узнавъ въ нихъ прислужницъ царицы вѣчнаго плача, сказалъ: «Посмотри, вотъ свирѣпыя Эриніи».

«Та, которая стоитъ налѣво — Мегера; та, которая плачетъ направо, — Алекто; Тизифона находится въ серединѣ». И сказавъ это, онъ замолчалъ.

Онъ разрывали себѣ грудь своими окровавленными ногтями, наносили себѣ удары руками и издавали такой ужасный крикъ, что въ страхѣ я прижмался къ поэту.

«Пусть придетъ Медуза, мы обратимъ ее въ камень — кричали онъ, поглядывая внизъ:—мы плохо отомстили Тезею за его дерзкій приходъ»³⁾.

«Отвернись и скрой свое лицо, потому что, если она появится и ты увидишь ее, ты потеряешь надежду когда-либо увидѣть солнечный свѣтъ».

Такъ говорилъ мой учитель и самъ повернулъ меня, и, не довѣряя моимъ рукамъ, онъ закрылъ мои глаза своими собственными руками.

О, вы, одаренные здравымъ пониманіемъ, замѣтьте ученіе, скрывающееся въ этихъ странныхъ строкахъ!

Тѣмъ временемъ подымался изъ бѣшующихъ волнъ потрясающій шумъ, отъ котораго дрожали оба берега.

Такъ бываетъ, когда вѣтеръ, раздражаемый палящимъ зноемъ, налетаетъ на лѣсъ и неустанно

ломаетъ вѣтви, вырываетъ и уноситъ цвѣты, гордо мчится впередъ, подымая пыль, и заставляетъ въ ужасѣ обращаться въ бѣгство и пастуховъ и животныхъ.

Онъ открылъ мнѣ глаза и сказалъ: «теперь, направь нервъ твоего зрѣнія на эту древнюю пѣну, туда, гдѣ паръ болѣе ѣдокъ».

Подобно лягушкамъ, передъ враждебными ужами торопливо прыгающимъ въ воду, чтобы спрятаться въ недоступныя для ужей пристанища,

Такъ, на моихъ глазахъ, болѣе тысячи преступныхъ душъ прятались передъ кѣмъ-то, шедшимъ по поверхности Стикса, не замочивъ ногъ.

Онъ отстранилъ отъ своего лица тяжелый воздухъ, приподымая отъ времени до времени свою лѣвую руку, и, казалось, только эти движенія утомляли его.

Я хорошо видѣлъ, что это посланникъ небесъ, и я обратился къ моему учителю. Онъ знакомъ приказалъ мнѣ молчать и склонить голову.

О, какое благородное негодованіе выражено было на лицѣ ангела! Онъ приблизился къ воротамъ и тонкимъ жезломъ заставилъ ихъ распахнуться настежь, безъ всякаго сопротивленія.

«О, демоны, изгнанные съ небесъ, презираемое поколѣніе, — воскликнулъ онъ, остановившись на ужасномъ порогѣ, — какимъ образомъ созрѣла въ васъ эта возмутительная дерзость?»

«Зачѣмъ сопротивляться волѣ, которая никогда не промахнется въ своей цѣли и которая уже столько разъ увеличивала ваши мученія?»

«Какая польза бороться съ судьбой? У вашего Цербера, если вы не забыли, и теперь еще и подбородокъ и шея общипаны».

Затѣмъ онъ повернулся къ грязной дорогѣ, не сказавъ намъ ни слова, какъ человѣкъ, погруженный въ совершенно другія мысли,

Чѣмъ мысли людей, стоящихъ передъ нимъ. А мы, успокоенные святыми словами, направили свои шаги къ этой землѣ.

Мы вошли въ городъ безъ малѣйшаго сопротивленія, а я, имѣвшій желаніе знать судьбу тѣхъ, которые заключены въ этой крѣпости,

Какъ только я вошелъ и сталъ смотрѣть вокругъ себя, я увидѣлъ со всѣхъ сторонъ необъятную равнину, переполненную горемъ и жестокими страданіями.

Какъ въ окрестностяхъ Арля, гдѣ Рона лѣниво течетъ, какъ въ Пола, около Кварнато, закрывая Италію и омывая ея границы ⁴⁾.

Могилы дѣлають почву волнистой, — такъ и здѣсь, со всѣхъ сторонъ были видны могилы, но только еще печальнѣе;

Ибо пламя извивалось между могилами и охватывало ихъ такъ, что никакое ремесло, употребляющее желѣзо, не раскаляетъ его болѣе.

Всѣ крыши гробовъ были приподняты, и изъ всѣхъ гробовъ неслись отчаянные стоны, которые могли быть исторгасмы изъ груди только несчастныхъ страдальцевъ.

И я сказалъ: «учитель, кто тѣ люди, которые, похороненные въ этихъ могилахъ, оглашаютъ воздухъ надрывающими душу криками?»

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «это іересіархи ⁵⁾ и всѣ тѣ, кто слѣдовалъ ихъ лжеученіямъ; эти могилы населены гораздо болѣе, чѣмъ ты думаешь.

«Каждый похороненъ здѣсь съ собою подобнымъ и вокругъ каждой пылаетъ болѣе или менѣе жгучій огонь». И съ этими словами онъ повернулъ направо.

И мы прошли между мучимыми и высокими стѣнами.

«О, демоны, изгнанные съ небесъ», — воскликнулъ онъ. . (стр. 53).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДЕВЯТОЙ ПѢСНѢ.

1) Здѣсь *Виргилій* намекаетъ на ангела, идущаго имъ на помощь.

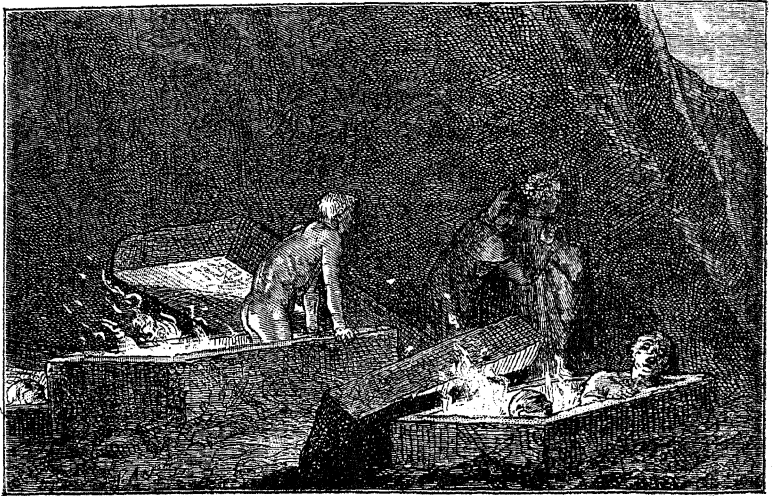
2) *Луканъ* говоритъ, будто *ѳессалійская колдунья Эрихто*, по просьбѣ *Сикста-Помпея*, сына великаго *Помпея*, вызвала изъ ада тѣнь, къ которой *Сикстъ* обратился съ вопросомъ: какой исходъ ожидаетъ междоусобную войну? Непонятно, однако, почему у *Данте Виргилій* увѣряетъ, будто бы сошествіе въ адъ совершилъ онъ самъ. *Виргилій* умеръ въ 734-мъ году съ основанія Рима и въ четвертый годъ царствованія *Августа* — слѣдовательно черезъ тридцать лѣтъ послѣ *Форсальской битвы*, которою завершилась междоусобная война. Принимая во вниманіе эти числа, надо предположить: или что существовало двѣ *Эрихто*, или что первая была уже очень стара въ эпоху смерти *Виргилія*. Впрочемъ многія колдуньи того времени носили имя *Эрихто*.

3) *Плутонъ*, за то, что *Тезей* дерзнулъ проникнуть въ адъ, — какъ это извѣстно изъ мифологіи, — не умертвилъ виноватаго, а только на вѣчныя времена приковалъ его къ скалѣ, но *Геркулесъ*, по приказанію *Эврисея*, освободилъ его.

4) *Пола*, итальянскій городъ на берегу *Адріатическаго моря*.

5) *Ривароль*, комментируя это мѣсто, замѣчаетъ: «Говоря о *іересіархахъ*, *Данте*, очевидно, имѣетъ въ виду не основателей новыхъ религій или расколовъ, сѣявшихъ своими ученіями смуты и раздоры среди людей. Такихъ *іересіарховъ* онъ помѣщаетъ въ гораздо болѣе страшное мѣсто ада и говоритъ о нихъ въ *XXVIII пѣснѣ*. Въ жгучихъ могилахъ искушаютъ свою вину только невѣрующіе вольнодумцы, атеисты, матеріалисты, эпикурейцы, словомъ всѣ тѣ, кто, имѣя своеобразное понятіе о божествѣ, не дѣлалъ никому зла, кромѣ какъ собственной своей душѣ. Такимъ образомъ онъ дѣлаетъ различіе между заблуждавшимися и тѣми еретиками, которые умышленно приносили вредъ человѣчеству.

Мною овладѣлъ ужасъ, и я прижался къ своему спутнику... (стр. 57).

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

Шестой кругъ, гдѣ находятся еретики. Среди могилъ, въ которыхъ заключены послѣдователи Эпикура, вдругъ является призракъ. Это — тѣнь Фарината Дельви Уберти, знаменитаго средневѣковаго героя, который, стоя во главѣ партіи гибеллиновъ, одержалъ славную побѣду при Монте-Аперти. Рядомъ съ Уберти встаетъ тѣнь Кавальканти, отца Гвидо Кавальканти, друга Данте. Вторая тѣнь ищетъ глазами сына, но, не видя его рядомъ съ поэтомъ и предполагая, что онъ умеръ, приходитъ въ отчаяніе и затѣмъ исчезаетъ въ могилѣ. Тѣнь же Фаринаты, по прежнему всецѣло поглощенная любовью къ отчизнѣ и воспоминаніями о тѣхъ подвигахъ, которые онъ совершилъ въ великой борьбѣ съ гвельфами, предсказываетъ поэту будущія его несчастія и его изгнаніе изъ родного города.

Теперь, узкой тропинкой, между стѣнами города и могилами грѣшниковъ, шелъ мой учитель, и я слѣдовалъ за нимъ.

«О, высокая добродѣтель, увлекающая меня по своему произволу въ преступные круги, говори со мной и исполни мое желаніе!

«Можно-ли видѣть тѣхъ, которые находятся въ этихъ могилахъ? Всѣ крыши приподняты, и никто не стережетъ ихъ».

Вдруг из одной из пылающих могил, послышались слова... (стр. 58).

Онъ отвѣтилъ мнѣ: «всѣ эти гробы закроются, когда души ихъ возвратятся изъ Иосафатовой долины, облеченныя въ тѣла, которыя онѣ оставили на землѣ.

«Здѣсь пмѣютъ свое кладбище Эпикуръ и всѣ его послѣдователи, убивающіе душу вмѣстѣ съ тѣломъ.

«Однако, изъ глубины одной изъ этихъ могилъ будетъ вскорѣ исполнена твоя просьба и, кромѣ того, еще и другое желаніе, которое ты пока скрываешь».

Я сказалъ ему: «дорогой наставникъ, если я не открываю передъ тобой всего моего сердца, то только потому, чтобы не надоедать тебѣ своей болтовней, и не теперь только ты меня предрасположилъ къ этой сдержанности».

«О, тосканецъ, который еще при жизни ходилъ по огненному городу, говорящій съ такою скромностью, прошу тебя: остановись въ этомъ мѣстѣ.

«Твое произношеніе ясно говоритъ, что ты родился въ той благо-родной странѣ, для которой я, можетъ быть, былъ слишкомъ опасенъ».

Этотъ голосъ вдругъ послышался изъ одной могилы. Мною овладѣлъ ужасъ, и я еще болѣе прижался къ своему спутнику.

Тогда онъ мнѣ сказалъ: «повернись! Чтѣ ты дѣлаешь? Посмотри на Фаринату¹⁾), который подвигся съ своей могилы. Ты его увидишь отъ пояса до головы».

Я обратилъ свое лицо къ нему: онъ былъ виденъ отъ груди до лба, какъ еслибы онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на адъ.

Тогда мой путеводитель смѣлой и быстрой рукой толкнулъ меня къ нему между могилами, говоря: «пусть твои слова будутъ ясны».

Какъ только я очутился у его могилы, онъ посмотрѣлъ на меня и потомъ съ пренебреженіемъ спросилъ: «кто были твои предки?»

Я, желая повиноваться ему, не скрылъ отъ него того, чтѣ онъ хотѣлъ знать, и открылъ ему все. Тогда онъ приподнял немного брови

И сказалъ: «твои предки жестоко враждовали со мной, съ моими

предками и съ моей партіей; и потому я два раза осуждалъ ихъ на изгнаніе» 2).

«Если они были изгнаны — отвѣчалъ я — то возвратились изъ изгнанія, какъ въ первый, такъ и во второй разъ; но твои предки не изучили этого искусства возвращаться».

Тогда, съ той стороны, съ которой могила была открыта, появилась другая тѣнь; она приподнялась только до подбородка; я думаю, что она стояла на колѣняхъ 3).

Она внимательно посмотрѣла на меня, какъ бы желая убѣдиться, нѣтъ-ли кого-нибудь другого со мною, но когда ея подозрѣнія исчезли, она мнѣ сказала, заливаясь слезами: «если доступъ въ эту мрачную темницу открыла тебѣ сила генія, то гдѣ мой сынъ и почему его нѣтъ съ тобою?»

И я сказалъ ему: «я здѣсь не по своей волѣ; тотъ, кто стоитъ тамъ, направляетъ мои шаги; можетъ быть, твой Гвидо презиралъ бы его».

Его слова и родъ его мученій объяснили мнѣ, кто была эта тѣнь; вотъ почему мой отвѣтъ былъ точенъ.

Вдругъ тѣнь выпрямилась и воскликнула: «какъ ты сказалъ?» *Презиралъ?* Можетъ быть его нѣтъ уже въ живыхъ, можетъ быть радостный свѣтъ дня не поражаетъ его глазъ?»

Когда онъ замѣтилъ, что я медлю отвѣтомъ, онъ упалъ спиной и исчезъ.

Но другая великодушная тѣнь, ради которой я остановился, не измѣнила выраженія лица, не повернула шеи, не согнула своей груди.

«Если они и плохо изучили это искусство — сказала она, продолжая прерванный разговоръ, — то эта мысль терзаетъ меня болѣе, чѣмъ то огненное ложе.

«Но Дама 4), царствующая здѣсь, и пятьдесятъ разъ не воспламенить своего лица, какъ ты узнаешь, насколько трудно это искусство.

«И если ты когда либо возвратишься еще въ тотъ чудный міръ,

то скажи мнѣ, почему этотъ народъ такъ жестокъ къ моимъ во всѣхъ своихъ законахъ?»

На это я ему отвѣтилъ: «великая рѣзня, обогрившая кровью Арбію, возбуждаетъ такія рѣчи въ нашихъ храмахъ».

Покачавъ головой со вздохомъ, онъ сказалъ: «я не одинъ былъ тогда и не безъ причины я присоединился къ другимъ ⁵⁾;

«Но я былъ одинъ, когда всѣми было предложено уничтожить Флоренцію, и только я защищалъ ее открыто ⁶⁾».

«Молю Создателя—отвѣчалъ я—чтобы Онъ не отказалъ въ мирѣ твоимъ потомкамъ; но прошу тебя: развяжи узелъ, связывающій мой умъ».

«Если я не ошибаюсь, ты имѣешь способность предвидѣть, что время приносить съ собой, хотя настоящее тебѣ и неизвѣстно».

«Мы—отвѣчалъ онъ—видимъ, какъ тѣ, у которыхъ ослабѣло зрѣніе; мы видимъ отдаленные предметы. Всемогущая власть оставляетъ намъ этотъ свѣтъ».

«Но когда предметы приближаются или существуютъ, весь нашъ умъ улегучивается, и если другой не принесетъ намъ отъ васъ извѣстій, мы ничего не знаемъ о вашихъ человѣческихъ дѣлахъ ⁷⁾».

«Поэтому ты можешь понять, что все наше знаніе исчезнетъ въ тотъ день, когда закроется дверь будущаго».

Тогда, какъ бы раскаиваясь въ сдѣланной мною ошибкѣ, я сказалъ: «передай тому, который такъ внезапно скрылся, что его сынъ находится еще среди живыхъ».

«И если я замедлилъ отвѣтомъ, то потому только, что мой умъ былъ озабоченъ сомнѣніемъ, которое ты мнѣ разрѣшилъ».

Но мой наставникъ уже призывалъ меня. Поэтому я просилъ тѣнь объяснить мнѣ въ краткихъ словахъ, кто были тѣ, кто раздѣляетъ съ нимъ его горькую участь.

Онъ мнѣ отвѣчалъ: «здѣсь болѣе тысячи вмѣстѣ со мною; тамъ находится второй Фридрихъ ⁸⁾, а тамъ—кардиналъ ⁹⁾». Объ остальныхъ я замолчу.

Съ этими словами онъ скрылся, а я направилъ свои шаги къ древнему поэту, раздумывая объ этихъ словахъ, которыя, казалось, предвѣщали мнѣ много бѣдъ.

Онъ отправился въ дальнѣйшій путь и, идя, сказалъ мнѣ: «почему ты такъ озабоченъ?» Я удовлетворилъ его любопытство.

«Пусть твоя память—прикажалъ мнѣ мудрецъ — сохранять, что ты услышалъ противъ тебя; но теперь внимай». И онъ поднялъ палецъ.

«Когда ты будешь передъ свѣтлымъ взглядомъ той, которой лучезарные глаза видятъ все ¹⁾, ты узнаешь отъ нея путь своей жизни.

Говоря это, онъ повернулъ налѣво. Мы оставили за собой стѣны и пошли къ центру по тропинкѣ, спускающейся въ глубокую долину.

Изъ этой долины доносился отвратительный запахъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДЕСЯТОЙ ПѢСНѢ.

1) Фарината дельи Уберти, флорентіецъ знатнаго рода, пользовался большимъ почетомъ на своей родинѣ. Онъ стоялъ во главѣ партіи Черныхъ, т. е. гибеллиновъ, державшихъ сторону императора и враждебно относившихся къ папѣ. Данте не потому помѣстилъ въ аду этого славнаго воина, что Фарината заклеилъ себя какимъ нибудь гнуснымъ преступленіемъ, а исключительно за предосудительный будто-бы образъ мыслей главы гибеллиновъ, придерживавшагося того ученія, что душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ,—слѣдовательно, отвергающаго загробную жизнь.

2) Весь родъ Данте принадлежалъ къ партіи Бѣлыхъ, т. е. гвельфовъ, сторонниковъ папы. Да и самъ онъ въ то время, къ которому онъ относитъ свое воображаемое сошествіе въ адъ, т. е. къ 1300 году, быть можетъ, еще фактически принадлежалъ къ партіи своихъ предковъ, но въ немъ уже зародилось сочувствіе къ той враждебной партіи, къ которой самъ онъ примкнулъ впоследствии. Это видно изъ того уваженія, съ какимъ онъ относился къ тѣни гибеллина Фаринаты.

3) Тѣнь Кавальканти, отца Гвидо Кавальканти, друга Данте. Словами,

испугавшими осужденнаго, и своимъ дальнѣйшимъ молчаніемъ Данте хотеть дать понять не то, что Гвидо умеръ, а только то, что другъ его, весь погруженный въ изученіе философіи, пренебрегалъ поэзіею и едва-ли захотѣлъ бы добровольно послѣдовать въ адъ за поэтомъ Виргиліемъ.

4) Эта дама — луна, называвшаяся въ мифологическомъ аду Прозерпиной. Фарината хотеть сказать, что не пройдетъ и пятидесяти мѣсяцевъ, какъ уже самъ поэтъ будетъ изгнанъ. Предполагаемый разговоръ происходилъ въ 1300 г., а въ 1302 г. уже состоялось изгнаніе Данте изъ Флоренціи.

5) Четвертаго сентября 1260 года по совѣту Фаринаты, между гибеллинами и флорентійскими гвельфами произошло кровопролитное сраженіе при Монте Аперто, на берегу рѣки Арбіи. Сраженіе кончилось блистательной побѣдой гибеллиновъ, представители которыхъ, чтобы насолить гвельфамъ, рѣшили не оставить отъ Флоренціи камня на камнѣ. Въ Эмпольи состоялся военный совѣтъ, на который собрались представители всѣхъ тосканскихъ городовъ, державшихъ сторону гибеллиновъ. Одинъ Фарината возсталъ противъ такого жестокаго рѣшенія. Онъ среди собранія обнажилъ мечъ и частью угрозами, частью убѣжденіями добился того, что Флоренція была пощажена. Послѣдствіемъ такого прекраснаго со стороны Фаринаты поступка, къ сожалѣнію, было то, что гвельфы вернулись во Флоренцію и выгнали оттуда гибеллиновъ. Они, по словамъ, вложеннымъ Данте въ уста Фаринаты, владѣли искусствомъ возвращаться и изгонять другихъ.

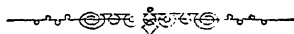
6) Уже въ наше время воздвигли великолѣпный памятникъ своему спасителю около Уфиціи, противъ памятника Данте.

7) *Fatendum est nascire mortuos quid agitur; sed postea vero audire ab iis, qui hinc ad eos moriendo pergunt, possunt etiam ab Angelis audire aliquid.* (Блаженный Августинъ).

8) Императоръ Фридрихъ Второй, прозванный Барбароссой, сынъ Генриха VI, родился въ 1194 году, умеръ въ 1250 г. Онъ придерживался эпикурейскаго образа мыслей и его даже подозрѣвали въ полномъ безвѣрїи. Онъ часто велъ ожесточенныя войны съ папами и за это палкою Григоріемъ IX былъ отлученъ отъ церкви.

9) Оттавіано дельи Убальдини, котораго называли не иначе, какъ просто Кардиналомъ. Увѣряли, будто у него какъ-то вырвались такія слова: «если у меня и была душа, то я погубилъ ее изъ за гибеллиновъ». Выраженіе — довольно рискованное, особенно для особы духовнаго званія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что его заподозрили въ матеріализмѣ и что Данте заставилъ его терпѣть такую-же участь, какъ и другихъ безбожниковъ.

10) Беатриче.

Крыши домовъ были приподняты...

ПѢСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

Продолженіе шестого круга, т. е. еретиковъ. Зловонныя испаренія, несущіяся къ нимъ на встрѣчу, заставляютъ ихъ замедлять шагъ. Виргилій пользуется этою остановкой, чтобы дать Данте топографическое описаніе тѣхъ мѣстностей, по которымъ имъ еще придется идти вмѣстѣ. Имъ остается увидѣть три круга. Въ первомъ изъ этихъ круговъ (седьмомъ по счету) помѣщаются всякіе самовольные нарушители законовъ; но такъ какъ существуетъ три вида нарушенія законовъ: противъ Бога, противъ общества и противъ самихъ себя, то и въ кругѣ этомъ три подраздѣленія. Во второмъ кругѣ (восьмомъ по счету) помѣщаются обманщики всѣхъ родовъ; въ послѣднемъ—сугубые обманщики—измѣнники и предатели. Данте рѣшается обратиться къ своему спутнику съ нѣсколькими вопросами, какъ-то: «почему виноватые въ любострастіи, въ гнѣвѣ, въ обжорствѣ, во всѣхъ видахъ невоздержанія находятъ себѣ наказаніе не въ адскомъ пламени? или почему Виргилій находитъ ростовщичество нарушеніемъ закона противъ Бога?—Виргилій отвѣчаетъ на все, одинаково опираясь и на философію Аристотеля, и на Священное Писаніе.

Въ концѣ высокаго берега, образованнаго громадными разбитыми скалами, мы подошли къ безднѣ еще болѣе ужасной.

И тамъ, вслѣдствіе невыносимаго зловонія, несшагося изъ глубины этой бездны, мы искали убѣжища за крышкою

Большой гробницы, надпись на которой гласила: «я служу темницей папѣ Анастасію, обращенному съ пути истины Фотиномъ ¹⁾).

«Здѣсь намъ придется спускаться медленно, чтобы наши чувства хоть немного привыкли къ этому ужасному зловонію; потомъ мы на него не будемъ обращать вниманія».

* Такъ сказалъ учитель. Я отвѣтилъ: «пойщи какого-нибудь средства, чтобы время не прошло для насъ безъ пользы». Онъ отвѣтилъ: «ты видишь, что я думаю объ этомъ».

«Сынъ мой—продолжалъ онъ—среди этихъ скалъ помѣщаются три круга, все больше и больше суживающіеся, подобно тѣмъ, которые ты уже оставилъ».

«Всѣ они населены грѣшными душами, но для того, чтобы впоследствии тебѣ было достаточно только посмотрѣть на нихъ, узнай, какъ и за что онѣ заключены».

«Несправедливость есть причина всякаго зла, внушающаго ненависть небесъ, и до этого достигаютъ люди, творя зло другимъ посредствомъ насилія или обмана».

«Но такъ какъ обманъ свойственъ исключительно человѣку, то онъ еще болѣе непріятенъ Богу; поэтому-то обманщики помѣщены глубже и подвержены еще большимъ страданіямъ».

«Этотъ первый кругъ весь переполненъ насильниками; но онъ подраздѣленъ на три части, такъ какъ насиліе можетъ быть отнесено къ тремъ лицамъ:

«Къ Богу, къ самому себѣ и къ своему ближнему; я утверждаю, что насиліе можно совершать или надъ ихъ личностью, или надъ ихъ добромъ, какъ ты сейчасъ поймешь вследствие очень яснаго разсужденія».

«Можно сдѣлать насиліе надъ своимъ ближнимъ, убивая его или раяя его; можно отнять у него его добро посредствомъ пожара или грабежа».

«Поэтому челоуѣкоубійцы, разбойники, поджигатели, грабители обречены на жестокія страданія въ первомъ подраздѣленіи круга».

«Человѣкъ можетъ совершить насиліе надъ самимъ собою или

надъ своимъ добромъ; поэтому во второмъ подраздѣленіи круга искупаютъ свои грѣхи

«Всѣ тѣ, которые отымаютъ у себя жизнь, которые проигрываютъ или бросаютъ на вѣтеръ свое добро, и плачутъ тамъ, гдѣ должны бы быть счастливыми.

«Можно совершить насиліе противъ Божества, отрицая его въ своемъ сердцѣ, богохульствуя, презирая природу и ея дары.

«Вотъ почему самыя тѣсныя подраздѣленія перваго круга запечатлѣваютъ одною и тою же печатью Содомъ и Кагоръ ²⁾ и всякаго, кто оказываетъ неуваженіе къ Богу на словахъ или въ своемъ сердцѣ.

«Обманъ, которымъ возмущается всякая совѣсть, можетъ быть совершенъ какъ относительно тѣхъ, которые оказываютъ намъ довѣріе, такъ и относительно тѣхъ, которые отказываютъ намъ въ немъ.

«Этотъ послѣдній родъ обмана разрушаетъ узы любви, созданныя природой; поэтому во второмъ кругѣ заключены

«Лицемеры, льстецы, занимающіеся колдовствомъ, подлогами, воровствомъ, святокупствомъ, всѣ дающіе лживыя обѣщанія, всѣ пособники распутства и всѣ загрязненные подобными гнусностями.

«Первымъ родомъ обмана забывается не только любовь, установленная природой, но и другая, которая присоединяется къ ней и которая рождаетъ довѣріе.

«Вотъ почему въ самомъ тѣсномъ кругѣ, въ центрѣ вселенной, гдѣ пребываетъ Дитя, всѣ пзмѣнники вѣчно страдаютъ».

Тогда я сказалъ ему: «учитель, твое разсужденіе вполне ясно и отлично объясняетъ эту бездну и души, обитающія тамъ;

«Но скажи мнѣ: тѣ, кто заточенъ въ смрадномъ болотѣ, тѣ, кто вѣчно кружится въ уносящемъ ихъ вихрѣ, тѣ, кого неустанно хлещетъ холодный дождь, тѣ, которые въ постоянныхъ столкновеніяхъ осыпаютъ другихъ отвратительными ругательствами,

«Почему они не помѣщены въ царствѣ вѣчнаго огня, если они вызвали противъ себя гнѣвъ Божій? А если нѣтъ, то почему они осуждены на такія страшныя муки?»

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «почему, противъ обыкновенія, твой умъ безумствуетъ? Или твоя мысль, можетъ быть, занята другимъ?»

«Развѣ ты не помнишь то мѣсто, гдѣ твоя Этика ³⁾ трактуеть о трехъ наклонностяхъ, протавныхъ небу, —

«Невоздержаніи, лукавой злобѣ и скотской жадѣ наслажденій, и почему невоздержаніе менѣ оскорбляетъ Бога и поэтому возбуждаетъ противъ себя менѣ порицаній?»

«Если ты хорошенько подумаешь объ этой истинѣ, помня, что именно эти виновные искупаютъ своя преступленія внѣ этихъ круговъ,

«То поймешь, почему они отдѣлены отъ болѣе виноватыхъ, и почему божественное правосудіе подвергаетъ ихъ мученіямъ не столь ужаснымъ».

«О, солнце, излечивающее всякое близорукое зрѣніе, ты дѣлаешь меня столь счастливымъ, когда просвѣщаешь меня, что мнѣ также пріятно сомнѣваться, какъ и знать.

«Вернись назадъ еще разъ и объясни мнѣ, почему ростовщичество оскорбляетъ божественную благость, разсѣки этотъ узелъ».

«Философія — сказала онъ — во многихъ мѣстахъ учитъ того, кто ее изучаетъ, что природа беретъ свое начало

«Въ божественномъ разумѣ и искусствѣ; и если обратишься къ твоей физикѣ, ты найдешь на первыхъ же страницахъ,

«Что человѣческое искусство, насколько возможно, слѣдуетъ природѣ какъ ученикъ слѣдуетъ учителю, такъ что ваше искусство есть какъ бы внукъ Бога.

«Теперь, если ты вспомнишь книгу Бытія, то узнаешь, что вначалѣ необходимо, чтобы обращались къ этимъ двумъ источникамъ — природѣ и искусству.

«Ростовщикъ идетъ другою дорогою, онъ оскорбляетъ природу въ

ея самой и въ искусствѣ, сопровождающемъ ее, возлагая свои надежды совсѣмъ на другое.

«Но теперь слѣдуй за мною, потому что я хочу идти. Знакъ «Рыбъ» уже всплываетъ на горизонтѣ. Колесница уже совсѣмъ подошла къ Кавру ⁴⁾).

«А далѣе—виденъ спускъ со скалы».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ОДИННАДЦАТОЙ ПѢСНѢ.

¹⁾ По мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ, то, что говорится здѣсь о папѣ Анастасіи, должно быть отнесено къ императору того-же имени. Ересью ессалійскаго діакона Фотина былъ увлеченъ не папа Анастасій II, избранный на папскій престолъ въ 496 году, а современникъ его, императоръ Анастасій I, избранный пятью годами позже. Самый фактъ впаденія въ ересь Анастасія совершился въ Константинополѣ, а не въ Римѣ. Данте былъ введенъ въ заблужденіе лѣтописью брата Мартина Польскаго.

²⁾ Городъ Кагоръ во времена Данте изобиловалъ ростовщиками.

³⁾ Т. е. Этника Аристотеля.

⁴⁾ Поэтъ предпринялъ свое путешествіе въ адъ въ Страстную пятницу 1300 года и изъ самаго начала второй пѣсни мы знаемъ, что уже начало смеркаться; потомъ онъ отмѣтилъ наступленіе полуночи. Теперь Virgilій говоритъ о наступленіи разсвѣта. Солнце находилось тогда въ созвѣздіи Овна и созвѣздіе Рыбъ предшествовало появленію солнца; наконецъ Колесница, т. е. Большая Медвѣдица приближалась къ той части горизонта, откуда дулъ Кавръ, т. е. сѣверо-восточный вѣтеръ.

По узкому берегу бѣгали вооруженные стрѣлами Кентавры... (стр. 69).

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

Данте и Виргилій проникаютъ въ первое подраздѣленіе седьмого круга. Минотавръ, охраняющій входъ въ этотъ кругъ, хочетъ преградить имъ дорогу, но Виргилій отстраняетъ его. Въ этомъ отдѣленіи томятся нарушители естественныхъ законовъ противъ ближняго. Преступныя души погружены въ глубокую яму, наполненную кипящей кровью. По берегу ямы бѣгаютъ вооруженные Кентавры и пронзаютъ стрѣлами каждого, кто пытается оттуда выльзть. Одинъ изъ этихъ Кентавровъ сопровождаетъ постова по берегу, называя по временамъ попадающихся ему на глаза разбойниковъ, убійцъ и тирановъ, осужденныхъ вѣчно купаться въ кипящей крови. Данте и Виргилій при помощи Кентавра переходятъ эту яму въ бродъ.

Мѣсто, гдѣ намъ приходилось спускаться къ этой безднѣ, было такъ ужасно, и то, что тамъ находилось, дѣлало его такимъ, что взоръ отвращался отъ него съ ужасомъ.

Такова та развалина, которая обрушилась на одинъ изъ береговъ Адибже, что за Трентомъ, вслѣдствіе или землетрясенія, или по недостатку поддержки ¹⁾).

Съ вершины горы, гдѣ начался обвалъ, до самой равнины скала сдѣлалась до такой степени крутой, что никакой путь не оказался бы возможнымъ тому, кто бы находился на верхушкѣ.

Таковъ былъ и спускъ этой бездны; а на верхушкѣ этой скалы растянулся этотъ позоръ Крита, это чудовище, зачатое въ утробѣ лживой телушки ²).

Какъ только оно насъ замѣтило, оно стало кусать самого себя, какъ это дѣлаетъ тотъ, кого пожираетъ внутри злоба.

Мудрецъ, ведшій меня, крикнулъ ему: «ты, можетъ быть, думаешь, что здѣсь есть царь аѳинскій, который тамъ, на землѣ, далъ тебѣ смерть ³).

«Вонъ отсюда, гнусное животное! Онъ пришелъ сюда не вельдствіе совѣтовъ твоей сестры: онъ пришелъ, чтобы взглянуть на ваши терзанія».

Подобно быку, склоняющемуся къ тому боку, въ которомъ онъ получилъ смертельный ударъ, и который не можетъ уже повернуться и только подскакиваетъ,

Такъ и Минотавръ зашатался и упалъ. Мой внимательный руководитель воскликнулъ: «бѣги ко входу; пока чудовище внѣ себя отъ бѣшенства, пользуйся минутой».

И мы стали пробираться по этой рыхлой кучѣ камней, которые подъ тяжестью моего тѣла скатывались изъ-подъ моихъ ногъ.

Я шелъ задумавшись, и онъ сказалъ: «ты, можетъ быть, думаешь объ этой развалинѣ, которую сторожить это звѣрское бѣшенство, потушенное мною?»

«Такъ знай же, что когда въ послѣдній разъ мнѣ пришлось спускаться въ нижній адъ, эта скала еще не обрушивалась,

Но нѣсколько раньше, если я не ошибаюсь, прибытія того ⁴), который вырвалъ великую добычу у Дптѣ,

Эта ужасная равнина такъ сильно содрогнулась, что я подумалъ, что вселенная затрепетала отъ любви, вельдствіе чего многіе предположили, что

«Миръ нѣсколько разъ возвращался къ хаосу ⁵⁾). Тогда-то именно эта древняя скала обрушилась здѣсь и еще болѣе въ другихъ мѣстахъ.

«Вотъ посмотри на эту равнину: мы приближаемся къ рѣкѣ крови, въ которую погружены все тѣ, кто насиліемъ вредилъ другимъ».

О, слѣпая жадность! О, безумный гнѣвъ, который подстрекаетъ насъ такъ въ нашей короткой жизни и который потомъ на всю вѣчность погружаетъ насъ въ кровь!

Я увидѣлъ передъ собою огромную яму, имѣвшую видъ полукруга, какъ та, которая окружаетъ всю равнину, какъ сказалъ учитель;

И между подножіемъ этой скалы и этой ямой бѣгали Кентавры, вооруженные стрѣлами, какъ на землѣ они это дѣлали, охотясь.

Замѣтивъ, что мы спускаемся, они остановились. Трое, отдѣлившись отъ товарищей, держали въ рукахъ наготовѣ лукъ и стрѣлы,

И одинъ изъ нихъ крикнулъ намъ: «на какую пытку идете вы, спускающіеся со скалы? Скажите, откуда вы идете, или я стану метать стрѣлы!»

Мой учитель отвѣчалъ: «это мы скажемъ Хирону ⁶⁾), который находится здѣсь по близости. На твое несчастіе, ты всегда былъ слишкомъ необузданъ въ твоихъ желаніяхъ».

Потомъ онъ прикоснулся ко мнѣ и сказалъ: «это Нессъ, умершій изъ-за прекрасной Деяниры и отомстившій самому себѣ.

«Тотъ, который въ серединѣ посматриваетъ на свою грудь, — великій Хиронъ, векормившій Ахиллеса. А третій — Фоль ⁷⁾), нѣкогда плывавшій дикимъ гнѣвомъ.

«Они бѣгаютъ тысячами вокругъ ямы, пронзая стрѣлами души, выходящія изъ крови, больше, чѣмъ позволяютъ имъ это ихъ преступленія».

Мы подошли ближе къ этимъ проворнымъ чудовищамъ; Хиронъ взялъ стрѣлу и тупымъ ея концомъ приподнялъ свою длинную бороду до челюсти.

Открывъ огромный ротъ, онъ сказалъ своимъ товарищамъ: «замѣ-

тили вы, что тотъ, который находится назади ⁸⁾, приводить въ движеніе предметы, до которыхъ дотрогивается?

«Ноги умершихъ не дѣлаютъ этого». И мой добрый руководитель, достигшій уже до его груди, гдѣ обѣ природы сливаются,

Отвѣчалъ: «да, онъ — живой человѣкъ, и я долженъ одинъ показать ему мрачную равнину; необходимость, а не добровольный выборъ, привела его сюда.

«Та, которая возложила на меня это порученіе, прервала на минуту свои хвалебные гимны. Онъ — не убійца, а я — не черная душа.

«Но во имя той добродѣтели, которая управляетъ моими шагами по этому мрачному пути, дай мнѣ въ проводники одного изъ твоихъ товарищей,

«И пусть онъ покажетъ намъ мѣсто, гдѣ можно перейти въ бродъ, и возьметъ на плечи моего спутника, ибо онъ — не безплотный духъ, летающій по воздуху».

Хиронъ повернулся направо и сказалъ Нессу: «возвратись назадъ и проводи ихъ; а если встрѣтится другая стая, устрани ее».

Мы пошли впередъ въ сопровожденіи этого надежнаго провожатаго, вдоль береговъ этихъ красныхъ волнъ, гдѣ находившіеся въ этой кипящей ямѣ издавали отчаянные вопли.

Иные погружены были въ кровь до самыхъ рѣсницъ. И великій Кентавръ сказалъ: «все это тираны, жившіе кровью и грабительствомъ».

«Здѣсь оплакиваются преступленія жестокости. Здѣсь находится Александръ ⁹⁾ и жестокій Діонисій ¹⁰⁾, которому Сицилія обязана столькими годами страданій,

«А этотъ лобъ, шерсть котораго такъ черна, — Эццэлно ¹¹⁾, а этотъ другой — Обиццо да Эсте ¹²⁾, который въ самомъ дѣлѣ

«Былъ убитъ своимъ зятемъ, тамъ на землѣ». Тогда я обратился къ поэту и онъ мнѣ сказалъ: «пусть онъ теперь будетъ первымъ; я буду вторымъ».

Нѣсколько дальше Кентавръ остановился передъ толпой тѣней, которыя до самой шеи были погружены въ кипящую кровь.

Онъ показалъ намъ на одну изъ этихъ тѣней, стоящую въ сторонѣ отъ другихъ, говоря: «вотъ этотъ на алтарѣ, на лонѣ Бога, заколотъ сердце, и теперь еще исходящее кровью на берегахъ Темзы» ¹³⁾.

Потомъ я увидѣлъ много другихъ тѣней, которыя высовывали изъ кровавой рѣки не только головы, но даже и туловища, и многихъ изъ нихъ я узналъ.

Тамъ кровь все больше и больше понижалась и подъ конецъ покрывала только ноги, и тамъ-то мы перешли въ бродъ яму.

«Такъ какъ съ этой стороны рѣка все мельчаетъ, то ты долженъ понимать — сказалъ Кентавръ, —

«Что съ другой стороны она все больше и больше давить на дно до того мѣста, гдѣ она соединяется съ потокомъ, въ которомъ терзаются тираны;

«Тамъ-то божественное правосудіе погрузило Атиллу, бича земли, и Пирра, и Секста ¹⁴⁾; тамъ, въ теченіе вѣчности, оно исторгаетъ

«Стоны у Риньера да Корнато, у Риньера да Палци, которые вели такую страшную войну на большихъ дорогахъ» ¹⁵⁾.

Потомъ онъ оставилъ насъ и снова перебрался въ бродъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДВѢНАДЦАТОЙ ПѢСНѢ.

¹⁾ Обвалъ горы Барко, между Вероной и Трентомъ.

²⁾ Минотавръ, чудовище, умерщвленное Тезеемъ, царемъ Аѳинскимъ.

³⁾ Т. е. Тезей.

⁴⁾ Иисусъ Христосъ.

⁵⁾ По системѣ Эмпедокла, міръ существуетъ враждой стихій; ихъ сліяніе и гармонія привели бы къ хаосу.

⁶⁾ Хиронъ, сынъ Сатурна и Филиры, воспитатель Ахиллеса.

⁷⁾ Фоль — одинъ изъ Кентавровъ — принималъ участіе въ похищеніи Гипподаміи, жены Пиріюойа. Нессъ, сынъ Иксіона и Тучи, убитый отравленною стрѣлою Геркулеса, оставилъ Деянирѣ плащъ, смоченный его кровью. Геркулесъ поднялъ его и вслѣдствіе этого умеръ въ самыхъ ужасныхъ мученіяхъ.

Не слѣдуетъ думать, что Хиронъ, Минось, Церберъ, Плутъ, Флегіасъ, Геріонъ, Минотавръ, Кентавры и всѣ азычскіе мифы, встрѣчающіеся въ «Аду», — только демоны, которые, чтобы сдѣлаться видимыми, воплощаются въ эти аллегорическія формы. Данте вводитъ ихъ въ свою поэму съ тѣмъ, чтобы доказать, слѣдуя мнѣнію нѣкоторыхъ отцовъ церкви, что мифъ — не что иное, какъ истинная традиція, искаженная дьявольскими духами.

⁸⁾ Т. е. Данте, идущій позади Виргилія.

⁹⁾ По мнѣнію комментаторовъ Веллутэлло, Даниелло, Гранжье, Мутонэ, Кольбера и Вιάджоли, здѣсь рѣчь идетъ объ Александрѣ Ферскомъ. Одинъ только Ломбарди утверждаетъ, будто Данте имѣлъ въ виду Александра Македонскаго. Однако, доводы, представляемые Ломбарди въ защиту своего мнѣнія, далеко не выдерживаютъ критики.

¹⁰⁾ Діонисій, тиранъ сиракузскій.

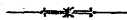
¹¹⁾ Эпцелино, тиранъ Падуи. Взятый въ плѣнъ правителями Ломбардіи и увезенный раненымъ въ Сончино, онъ не хотѣлъ, чтобы ему перевязали раны, и отказался отъ всякой пищи. Онъ умеръ съ голоду и отчаянія въ 1260 году.

¹²⁾ Обиццо да Эсте, маркизь Феррарскій, былъ задушенъ своимъ зятемъ.

¹³⁾ Гюи, графъ де Монфоръ. Желая отомстить смерть Симона, своего отца, умерщвленнаго въ Англіи по приказанію Эдуарда, онъ убилъ въ 1271 году Генриха, племянника англійскаго короля Генриха III, въ церкви города Витирбо, въ ту минуту, когда священникъ освѣщалъ дары.

¹⁴⁾ О какомъ Пиррѣ и о какомъ Секстѣ говоритъ Данте — трудно рѣшить. Идетъ-ли рѣчь о Пиррѣ, сынѣ Ахиллеса, или о Пиррѣ, царѣ эфирскомъ? А также о какомъ Сикстѣ: сынѣ-ли Тарквинія, или сынѣ Помпея? Ривароль высказалъ даже мнѣніе, что Данте имѣлъ въ виду Нерона, въ числѣ другихъ именъ будто бы носившаго имя «Секстъ». Однако въ этомъ случаѣ Ривароль ошибся. У Нерона не было другихъ именъ, кромѣ Клавдія и Домилія. Всего вѣроятнѣе, что если рѣчь идетъ не о Секстѣ Помпеѣ, котораго Луканъ называлъ «Siculus pirata», т. е. морскимъ разбойникомъ, то о Секстѣ, сынѣ Тирквинія.

¹⁵⁾ Риньеръ да Корнэто и Риньеръ да Пацци — оба были разбойники. Первый опустошалъ морской берегъ въ Римской провинціи, другой грабилъ по большимъ дорогамъ.

Я переломилъ эту вѣтку и тотчасъ послышался надрывающій душу крикъ...
(стр. 74).

Тамъ-то безобразныя Гарпіи свиваютъ себѣ гвѣзда... (стр. 74).

ПѢСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

Данте и Виргилій входятъ во второе подраздѣленіе седьмого круга, гдѣ помѣщаются насильники противъ самихъ себя, т. е. самоубійцы и безумные расточители. Души самоубійцъ заключены въ стволы деревьевъ и въ кустарники, въ которыхъ Гарпіи вьютъ себѣ гвѣзда, пожирая листву. И дѣйствительно, Данте, отломивъ вѣтвь у одного изъ деревьевъ, видитъ, что у дерева, вмѣсто излома, показалась кровь. Въ то же время слышится жалобный голосъ Пьера Девинь. Послѣдній рассказываетъ поэту про свою жизнь, про свое самоубійство и про то наказаніе, которымъ приходится расплачиваться за грѣхъ, совершенный противъ самого себя. Немного далѣе Данте видитъ, какъ пѣлая стая разъяренныхъ птицъ гоняется за тѣнями и рветъ эти тѣни въ клочья: это наказаніе присуждено расточителямъ, среди которыхъ поэтъ узнаетъ уроженца Сиены Лано и падуанца Якопо да Савтъ-Андрѣ. Послѣдній тщетно старается спрятаться за кустомъ. Въ кустѣ этомъ скрывается тѣнь самоубійцы, которая дѣлается добычею собакъ.

Не успѣвъ еще Нессъ дойти до другого берега, какъ мы проникли уже въ такое мѣсто, въ которомъ не было никакой дорожки.

Листва не была зеленой, а темноватой; вѣтви не прямыя и гладкія, а узловатыя и перепутанныя между собой; плодовъ не было, а лишь ядовитыя шишкы.

Дикі звѣри, избѣгающіе съ ужасомъ населенныя мѣстности между Чечиною и Корнэто, не пользуются такими густыми и неприступными убѣжищами ¹⁾).

Тамъ-то именно безобразныя Гаршіи, выгнавшія изъ Строфады троянцевъ, предсказавъ имъ ихъ печальную участь, вьютъ себѣ гнѣзда ²⁾).

У нихъ широкія крылья, шея и голова человѣческая, лапы съ звѣриными когтями, огромное брюхо, покрытое перьями. Сидя на вѣтвяхъ этихъ странныхъ деревьевъ, онѣ издають пронзительные и жалобные звуки.

Добрый учитель сказалъ мнѣ: «прежде, чѣмъ идти дальше, узнай, что ты находишься уже во второмъ подраздѣленіи, и тутъ ты останешься до тѣхъ поръ,

«Пока подойдешь къ царству ужасныхъ песковъ. А потому — смотри хорошенько: ты увидишь вещи, которымъ ни за что не повѣришь, еслибы я ихъ тебѣ разсказалъ».

Со всѣхъ сторонъ до меня доносились крики и стоны, но я не видѣлъ никого, кто бы ихъ издавалъ. Я остановился, пораженный страхомъ и удивленіемъ.

Я думаю, что мой учитель думалъ, будто я думаю ³⁾), что эти стоны исходили изъ груди людей, скрывающихся отъ насъ среди деревьевъ;

А потому учитель сказалъ: «если ты ломаешь одну изъ этихъ вѣтокъ, то увидишь, что ошибаешься».

Тогда я, протянувъ руку, отломалъ одну вѣтку съ большого дерева, и тотчасъ стебель крикнулъ: «зачѣмъ ты ломаешь меня?»

Въ мѣстѣ излома показала темная кровь, и онъ снова закричалъ: «зачѣмъ ты ломаешь меня? Неужели у тебя нѣтъ никакого чувства состраданія?»

«Когда-то мы были людьми, а теперь сдѣлались деревьями. Твоя рука должна была бы щадить насъ даже и тогда, когда бы мы были души пресмыкающихся тварей».

Какъ сломанный зеленый сучекъ загорается однимъ концомъ, въ

то время, какъ другой плачетъ и трещить, влѣдствіе выходящаго воздуха,

Такъ и изъ этой вѣтки разомъ выходили и слова, и кровь; поэтому я уронилъ вѣтку и остановился, какъ человекъ, охваченный ужасомъ.

«Еслибы онъ вѣрилъ тому, о, раненая душа, — сказала мой мудрецъ, — что сказано въ моихъ стихахъ,

«Онъ бы не рѣшился поднять на тебя руку; но дѣло казалось столь неправдоподобнымъ, что я посоветовалъ ему сдѣлать то, что и меня самого тяготитъ.

«Но скажи ему, кто ты былъ, и мой спутникъ, чтобы утѣшить тебя, возродить воспоминаніе о тебѣ въ мірѣ, куда ему разрѣшено возвратиться».

И дерево сказало: «ты обращаешься ко мнѣ съ такими ласковыми словами, что я не могу молчать; простите меня, что я увлекусь немного желаніемъ поговорить съ вами.

«Я — тотъ ⁴⁾, который владѣлъ обоими ключами отъ сердца Фридриха, и я такъ осторожно поворачивалъ ими, открывая и запирая его,

«Что устранилъ всѣхъ другихъ отъ его довѣрія; у меня была такая вѣра въ мою славную обязанность, что, служа ей, я потерялъ санъ и жизнь.

«Гнусная блудница ⁵⁾, которая никогда не сводила своихъ безстыжныхъ глазъ съ дворца Цезаря, общая чума и порокъ дворцовъ,

«Воспламенила противъ меня всѣ сердца и, воспламененныя, они до такой степени воспламенили Августа ⁶⁾, что мои блестящія почести превратились въ печальный трауръ.

«Тогда душа моя, въ негодованіи, желая смертью избѣжать позора, сдѣлала меня несправедливымъ противъ самого себя, меня, который былъ такъ справедливъ ⁷⁾.

«Клянусь новыми корнями этого лѣса, что я никогда не измѣнялъ вѣрности моему государю, столь достойному преданности.

«И если кому-нибудь изъ васъ суждено вернуться въ міръ, то

пусть онъ возстановить память обо мнѣ, которая пала подъ ударами зависти».

Поэтъ, подождавъ немного, сказалъ мнѣ: «если онъ замолчалъ, не теряй времени, говори съ нимъ, спрашивай его, если ты хочешь узнать еще что-нибудь».

Я отвѣчалъ: «обратись къ нему самъ и спроси его о томъ, что меня можетъ интересовать; самъ я этого не могу сдѣлать—до такой степени сердце мое потрясено состраданіемъ».

Тогда онъ сталъ говорить: «если этотъ человѣкъ свободно общалъ тебѣ сдѣлать то, о чемъ ты просила его, томящаяся душа, то будь добра,

«Скажи еще намъ, какъ входитъ душа въ эти узлы, и скажи, если можешь, освобождается-ли когда-либо кто-нибудь изъ такого тѣла?»

Тогда стволъ сильно вздохнулъ и этотъ вздохъ превратился въ слова: «я отвѣчу вамъ коротко—

«Когда ожесточенная душа покидаетъ тѣло, которое она бросаетъ по собственной волѣ, Миносъ посылаетъ ее въ седьмой кругъ. Она попадаетъ въ лѣсъ, и никакое опредѣленное мѣсто не назначено ей, но тамъ, гдѣ судьба ее бросаетъ, она возрастаетъ какъ зерно пшбы.

«Она становится былинкой, потомъ дикимъ деревомъ; Гаршіи, питаея ея листьями, ранять ее, и рана открываетъ выходъ страданію.

«Подобно веѣмъ другимъ осужденнымъ душамъ, мы должны искать наши бранные останки, но ни одна изъ насъ не облечется въ нихъ, ибо не должно возвращать себѣ то, что разъ брошено.

«Мы будемъ влачить ихъ здѣсь, и въ мрачномъ лѣсу наше тѣло будетъ повѣшено на деревѣ своей души несчастной.»

Мы все еще слушали, полагая, что стволъ имѣетъ еще кое-что сказать намъ, какъ вдругъ насъ поразилъ шумъ,

Похожій на тотъ, который, оглашая воздухъ и заставляя трепетать древесную листву, приковываетъ вниманіе охотника, возвѣщая приближеніе кабана и цѣлой своры псовъ.

И вотъ, съ лѣвой стороны выбѣжали двое несчастныхъ, совершенно обнаженныхъ и исцарапанныхъ, и бѣгущихъ такъ быстро, что ломали всѣ молодые побѣги деревьевъ.

Тотъ, который бѣжалъ впереди, кричалъ: «приди, приди, о, смерть», а другой, который, казалось, не могъ бѣжать такъ скоро, кричалъ: «Лано ⁸⁾»,

«Твои ноги дѣйствовали не такъ проворно во время сраженія при Пьеве-дель-Топпо!» Но такъ какъ, вѣроятно, онъ задыхался, онъ спрятался за кустъ.

За ними весь лѣсъ былъ переполненъ черными псицами, голодными, бѣгущими, подобно борзымъ, спущеннымъ со смычка.

Онъ съ остервенѣніемъ вдѣпились своими зубами въ тѣло того, который скрылся, и рвали его въ клочки и потомъ унесли съ собою его трепещущіе члены.

Тогда мой руководитель взялъ меня за руку и повелъ меня къ кустарнику, который напрасно оплакивалъ свои кровавыя раны.

«О, Якопо, — сказалъ онъ — да Сантъ-Андреа ⁹⁾, зачѣмъ тебѣ понадобилось искать убѣжища въ моихъ вѣтвяхъ? Развѣ я виновенъ въ твоихъ преступленіяхъ?»

Мой учитель остановился около него и сказалъ: «кѣмъ ты былъ на землѣ, ты, который изъ столькихъ ранъ выдуваешь вмѣстѣ съ кровью эти горькія слова?»

И онъ сказалъ намъ: ¹⁰⁾ «о, души, пришедшія взглянуть на жестокое опустошеніе, такъ отдѣлившее меня отъ моихъ листьевъ,

«Соберите ихъ вокругъ моего жалкаго корня; я былъ родомъ изъ города ¹¹⁾, который бросилъ своего перваго патрона для Крестителя; поэтому, этотъ покинутый патронъ

«Всегда будетъ преслѣдовать его своимъ ужаснымъ искусствомъ. И еслибы на мостъ черезъ Арно не осталось отъ него кое-какихъ слѣдовъ,

«То граждане, которые возстановили этотъ городъ изъ пепла, оставленнаго Атиллою, потеряли бы напрасно трудъ.

«А я сдѣлалъ себѣ висѣлицу изъ собственнаго дома».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРИНАДЦАТОЙ ПѢСНѢ.

¹⁾ Корнэто—небольшой городокъ, принадлежавшій къ епископству Мантэ-фіасконэ. Въ его окрестностяхъ открыты были могилы, въ которыхъ оказались прекрасные образцы этрусской живописи. Чечина, небольшая тосканская рѣчка, впадающая въ море между Ливорно и Піомбино.

²⁾ Этотъ отрывокъ, какъ намекаетъ самъ Данте, напоминаетъ слѣдующее мѣсто изъ Энеиды Виргилія:

*Tristius haud illis monstrum, nec soevior ulla
Pestis et ira deum stygiis sese extulit undis.
Virginei volucrum vultus, foedissima ventris
Pluvies, uncoeque manus, et pallida semper
Ora fame.* (I, III)

³⁾ Въ текстѣ: «*Jo credo ch'ie credette ch'io credesse.* Всѣ комментаторы обращаютъ вниманіе на этотъ оборотъ, вазываемый въ итальянскомъ языкѣ *scherzo*.

⁴⁾ Изъ дерева говоритъ тѣнь Пьера Дэвинъ, канцлера императора Фридриха II, прозваннаго Барбароссой. Императоръ относился къ нему съ величайшимъ довѣріемъ и осыпалъ его благодареніями, но, по наущенію враговъ канцлера, заподозрилъ послѣдняго въ преступныхъ сношеніяхъ съ врагами отечества и велѣлъ выколотъ ему глаза. Дэвинъ съ отчаянія самъ лишилъ себя жизни въ 1219 году. Тому-же Пьеру Дэвиню приписываютъ составленіе книги, стремившейся поколебать основы христіанской религіи, но многіе, достойные довѣрія писатели находятъ, что такое предположеніе лишено всякаго основанія. Самой книги, возбудившей столько толковъ, нигдѣ нѣтъ и вышеупомянутые писатели подтверждаютъ, будто экземпляръ ея въ $\frac{1}{8}$ листа и въ 46 страницъ, безъ заглавнаго листа и обложки, помѣченный 1598 годомъ,—продуктъ новѣйшей фабрикаціи. Такую фальсификацію приписываютъ одному писателю, издавшему ее въ Вѣнѣ въ 1753 году.

⁵⁾ Подъ этой блудницей Дантъ подразумѣваетъ зависть.

⁶⁾ *Infiammò contra me gli animi lutti,
E gl'infiammati infiammar Augusto.*

⁷⁾ *Ingnisto fece me contra me giusto.*

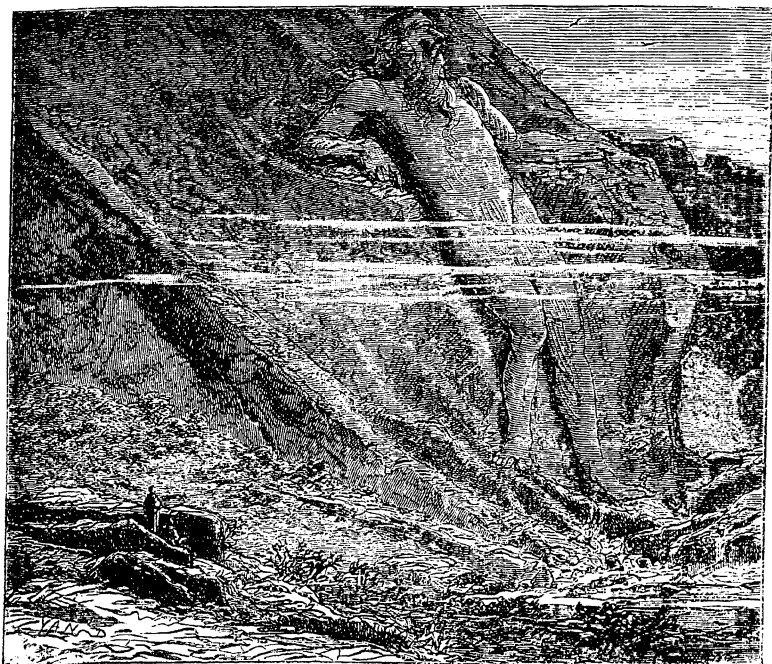
⁸⁾ Лано, уроженецъ Сиенны, промотавъ все свое состояніе, поступилъ на службу Сиенской республики, отправлявшей свои войска въ Ареццо на помощь флорентійцамъ. Почти весь этотъ отрядъ, засѣвшій въ Пьеве-дель-Топпо въ засаду, былъ изрубленъ въ куски. Лано могъ бы еще спастись бѣгствомъ, но страхъ остаться снова безъ всякихъ средствъ къ существованію заставилъ его рѣшиться на отчаянный поступокъ: онъ бросился прямо въ непріятельскій отрядъ, гдѣ и нашелъ смерть.

⁹⁾ Якопо да Савтъ-Андреа, знатный падуанецъ, славился своею рачительностью. Отправляясь по Brentѣ въ Венецію, онъ бросалъ въ воду серебряныя и золотыя монеты.

¹⁰⁾ Въ тѣни, которая здѣсь говорить, нѣкоторые комментаторы видятъ Боко де'Моцци, который покончилъ жизнь самоубійствомъ, когда прокутилъ все свое состояніе, или Лотто де'Альи, тоже флорентійца, который повѣсился, убѣдившись, что произнесъ несправедливый приговоръ.

¹¹⁾ Когда Флоренція поклонялась еще языческимъ богамъ, жители ея воздвигли въ честь Марса храмъ, въ которомъ помѣщалась статуя этого бога, изображавшая вооруженнаго воина на конѣ. Принявъ христіанство, флорентійцы унесли эту статую изъ храма и поставили ее на высокой башнѣ, находившейся на берегу Арно. Во время нашествія Атиллы, башня эта была разрушена, и статуя, до царствованія Карла Великаго, т. е. до 801 года, оставалась въ водѣ. Когда императоръ этотъ въ означенномъ году приступилъ къ возстановленію Флоренціи, статуя была вынута изъ рѣки и поставлена на площади передъ мостомъ, называемымъ въ настоящее время Понтъ-Веккіо, т. е. Старымъ мостомъ.

На одномъ изъ склоновъ горы стоитъ старикъ... (стр. 83).

ПѢСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Третье подраздѣленіе седьмого круга, гдѣ помѣщается отдѣлъ грѣшниковъ, нарушившихъ нравственные законы и оказавшихся виновными противъ Бога, противъ природы и противъ общества. Грѣшники эти осуждены жить въ безлюдной равнинѣ, покрытой жгучимъ пескомъ; огненный дождь хлещетъ ихъ непрерывно. Данте встрѣчаетъ тамъ Капанео. Никакія муки не могли сокрушить въ этомъ безбожникѣ его сатанинской гордости. Пока оба поэта, продолжая свой путь, идутъ по опушкѣ лѣса, передъ ними вдругъ появляется огненный потокъ Флегетонъ. Виргилій объясняетъ Данте чудесное происхожденіе какъ этого потока, такъ и другихъ адскихъ рѣкъ. Онѣ образуются изъ слезъ, проливаемыхъ человѣчествомъ или Временемъ, олицетворяемымъ въ образѣ ветхаго старика. Оба поэта идутъ по береговому откосу, гдѣ огненный дождь ихъ не касается.

Какъ только любовь къ отечеству охватила меня, я собралъ разбросанные листья и отдалъ ихъ тому, котораго голосъ утихъ уже.

Мы достигли мѣста, гдѣ второе подраздѣленіе переходить въ третью, и гдѣ видно страшное искусство божественнаго правосудія.

Чтобы хорошо объяснить новые предметы, я говорю, что мы достигли равнины, лишенной какой бы то ни было растительности.

Лѣсъ Страданій составлялъ ей гирлянду, какъ яма крови является гирляндой лѣса. Тутъ, у самаго берега, наши шаги остановились.

Вся равнина была покрыта тонкимъ и жесткимъ пескомъ, подобнымъ тому, по которому нѣкогда ступалъ Катонъ ¹⁾).

О, божественная месть! Какой трепеть долженъ къ тебѣ чувствовать всякій, кто прочтетъ то, что я видѣлъ собственными глазами!

Я увидѣлъ передъ собою многочисленную толпу обнаженныхъ душъ, заливавшихся горькими слезами; и казалось, что каждую изъ нихъ постигъ другой законъ.

Одни лежали навзничъ, другіе сидѣли на корточкахъ, третьи постоянно ходили.

Тѣ, которые ходили вокругъ круга, были многочисленнѣе другихъ; меньшее же количество было грѣшниковъ, которые лежали на землѣ въ мученіяхъ, но ихъ языкъ былъ болѣе способенъ на жалобу.

На всю песчаную площадь медленно падали широкіе клочья огня, подобно клочьямъ снѣга въ Альпахъ, въ тихую погоду.

Подобно тому, какъ Александръ ²⁾), въ знойныхъ пустыняхъ Индіи, видѣлъ падающее на его армію пламя, которое оставалось на землѣ и не потухало,

Такъ что онъ приказывалъ своимъ солдатамъ затаптывать его ногами, чтобы огонь легче потухалъ, по мѣрѣ того, какъ падалъ, —

Такъ нисходилъ и вѣчный огонь, и песокъ воспламенялся какъ трутъ подѣ кремнемъ, какъ бы удваивая страданіе этихъ душъ.

Ихъ злополучныя руки находились въ вѣчномъ движеніи, стараясь то тутъ, то тамъ затушить только-что упавшій на нихъ огонь.

Я началъ: «учитель, ты, который побѣдоносно побѣдилъ всѣ

препятствія, кромѣ тѣхъ, которыя были выставлены противъ насъ сопротивлявшимся намъ демонами при входѣ въ ворота ³⁾,

«Кто этотъ величавый грѣшникъ, который какъ будто не обращаетъ вниманія на пожаръ и лежитъ неподвижно и гнѣвно, сверкая глазами, точно этотъ дождь не въ состояніи его укротить?»

И тѣнь ⁴⁾, замѣтивъ, что я говорю о ней моему спутнику, воскликнула: «я и послѣ смерти остался такимъ, какимъ былъ при жизни.

«Пусть Юпитеръ замучитъ работой своего кузнеца, у котораго онъ въ своемъ гнѣвѣ взялъ молніеносную стрѣлу, которою я былъ пораженъ въ мой послѣдній часъ;

«Пусть онъ замучитъ всѣхъ черныхъ кузнецовъ горы Этны, крича имъ: «добрый Вулканъ, помоги мнѣ!

«Какъ онъ это сдѣлалъ въ день сраженія при Флегрѣ ⁵⁾; пусть онъ снова поражаетъ меня своими стрѣлами—никогда онъ не узнаетъ радости полной побѣды надо мной».

Тогда мой спутникъ заговорилъ съ такою силою, что я никогда не слышалъ, чтобы онъ такъ возвышалъ голосъ: «о, Капанео, по тому самому, что твоя гордость не утихаешь,

«Ты наказанъ сильнѣе другихъ. Никакая пытка не можетъ сравниться съ той пыткой, которая вызвана твоимъ бѣшенствомъ».

Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ и сказалъ мнѣ болѣе мягкимъ голосомъ: «то былъ одинъ изъ семи царей, осаждавшихъ Оивы ⁶⁾. Онъ относился и теперь еще относится

«Съ презрѣніемъ къ богу и, кажется, никогда къ нему не обращается, но, какъ я и сказалъ ему, его злоба находить въ его груди достойную ей награду.

«Ну, иди за мной и остерегайся ступать по раскаленному песку; держись ближе къ лѣсной опушкѣ».

«Мы молча подошли къ мѣсту, гдѣ изъ лѣсу вырывается маленькая рѣчка, красныя волны которой и теперь еще приводятъ меня въ

ужась. Похожая на ручей, выходящій изъ Буликаме ⁷⁾, который дѣлаетъ между собой блудницы, она текла по песку.

Дно и берега были выложены камнемъ; поэтому я подумалъ, что намъ тутъ и нужно пробираться.

«Изъ всего того, что я тебѣ показалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы прошли черезъ врата, входъ въ которыя никому не воспрещенъ ⁸⁾,

«Твои глаза не видали еще ничего болѣе замѣчательнаго, чѣмъ этотъ потокъ, гасящій всякое пламя».

Таковы были слова моего спутника, и я просить его не отказать мнѣ въ пищѣ, къ которой онъ возбудилъ во мнѣ желаніе.

«Среди моря находится опустошенная страна,—сказалъ онъ—которая называется Критомъ; она имѣла царя, въ царствованіе котораго міръ былъ цѣломудренъ;

«Тамъ возвышается гора, славившаяся прежде своими видами и своей зеленью и называемая Идой, а теперь столь же пустынная, какъ и все устарѣвшее.

«Реа выбрала ее, какъ вѣрную колыбель своего сына, и чтобы лучше скрыть его, когда онъ плакалъ, она сама прибѣгала къ громкому крику.

«Внутри горы стоятъ высокій старикъ, спиной къ Даміеттѣ, съ глазами, устремленными на Римъ, какъ въ зеркало ⁹⁾.

«Голова его вылита изъ чистаго золота, руки и станъ—изъ чистаго серебра; чресла—изъ мѣди,

«А все остальное—изъ самаго тонкаго желѣза, за исключеніемъ правой ступни, сдѣланной изъ глины, и этой-то ногой онъ тяжелѣе ступаетъ, чѣмъ другой.

«Каждая часть, за исключеніемъ золота, испещрена трещинами, изъ которыхъ льются слезы, которыя, накопляясь, пронизываютъ гору.

«Потокъ ихъ направляется къ этой долинѣ; онъ образуетъ Ахеронъ, Стиксъ и Флегетонъ, потомъ спускается по этому узкому каналу

«До того мѣста, гдѣ уже спускаться нельзя; тамъ онъ образуетъ Кочить; такъ какъ ты увидишь это озеро, я не говорю тебѣ о немъ».

Тогда я сказалъ: «если эта рѣчка беретъ свое начало въ нашемъ мѣстѣ, то почему мы ее видимъ только здѣсь?»

Онъ мнѣ отвѣтилъ: «ты знаешь, что это царство имѣетъ видъ воронки. Хотя ты и много прошелъ, направляясь все наверхъ, и все время спускаясь,

«Ты еще не обошелъ всего круга; если поэтому тебѣ попадется какой-нибудь новый предметъ, удивленіе не должно появиться на твоёмъ лицѣ».

Я сказалъ: «учитель, гдѣ находятся Флегетонъ ¹⁰⁾ и Лета ¹¹⁾? Объ одной ты молчишь, а о другомъ говоришь, что онъ образуется изъ этого дождя слезъ».

«Эти вопросы мнѣ нравятся—отвѣчалъ онъ—но шумъ красной воды долженъ былъ отвѣчать на одинъ изъ вопросовъ, сдѣланныхъ мнѣ тобою.

«Ты увидишь Лету, но не въ этой ямѣ, а тамъ, гдѣ совершаютъ свое омовеніе души, когда раскаяніе стерло грѣхъ ¹²⁾».

Потомъ онъ прибавилъ: «пора покинуть лѣсъ; постарайся слѣдовать за мною, берега представляютъ для насъ удобную дорогу: они не жгутъ,

«И падая на нихъ, всякій огонь гаснетъ».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ПѢСНѢ.

¹⁾ Ливійскія пустыни, черезъ которыя съ остатками арміи Помпея проходилъ Катонъ, чтобы добраться до Нумидійскаго царя.

²⁾ Факта этого нѣтъ ни у Квинта-Курція, ни у Юстина, но о немъ упоминается въ письмѣ, будто бы написанномъ Александромъ Македонскимъ Аристотелю.

³⁾ Т. е. въ ворота города Дитэ.

⁴⁾ Кананео, славившійся своимъ безпощаднымъ отрицаніемъ божества.

⁵⁾ Вой титановъ съ богами, происшедшій въ Фессаліи, въ долинѣ Флегра.

⁶⁾ Эти семь царей—слѣдующіе: Адрасть, Пилиникъ, Тидей, Гиппомедонъ, Амфіарай, Парелоней и Копаней.

⁷⁾ Рѣчка, о которой здѣсь упоминаетъ Дантъ, протекаетъ въ двухъ миляхъ отъ Витербе и до сихъ поръ носитъ названіе Буликаме. Въ былыя времена блудницы этого города селились на берегу этой рѣчки и брали стрныя ванны.

⁸⁾ Врата ада, доступъ къ которымъ не труденъ, такъ какъ людямъ легко впадать въ грѣхъ.

⁹⁾ Этотъ величавый образъ тоже представляетъ собою аллегорію, которая комментаторамъ, начиная съ Боккаціо, открывала широкое поле для всевозможныхъ толкованій. Однако, лучше видѣть въ ней именно то, что она есть, т. е. образъ, которому поэтъ придалъ колоссальныя размѣры, олицетворяющій собою время, то есть всѣ четыре возраста міра, и всѣ тѣ страданія, которыя исторгли слезы изъ глазъ человѣчества во всѣ вѣка, кромѣ перваго, называемаго золотымъ поэтами всѣхъ странъ и вѣковъ. Высказанное Данте предположеніе, что всѣ адскія рѣки образовались изъ слезъ, пролитыхъ человѣчествомъ, производитъ потрясающее, трагическое впечатлѣніе, такъ какъ въ немъ сливаются оба элемента, необходимые для трагедіи, то есть способность вызывать ужасъ и состраданіе. Къ этимъ словамъ можно еще прибавить, что образъ этотъ почерпнутъ Данте изъ сна Новуходовосора.

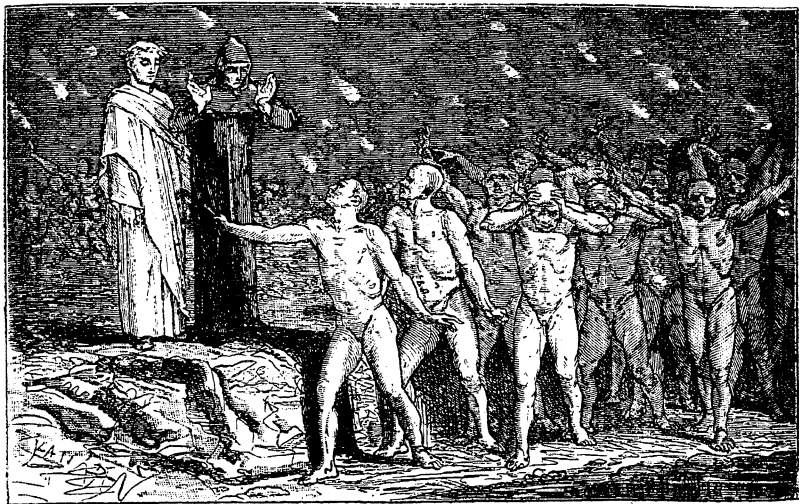
Старикъ стоитъ, повернувшись бокомъ къ Даміеттѣ, т. е. къ востоку, а лицомъ къ Риму, т. е. къ западу. Его взоры обращены къ Риму, какъ къ центру истинной вѣры, а отъ Даміетты, считавшейся когда-то столицей невѣрія, гдѣ зарождались разныя губительныя для души секты, онъ отворачивается.

¹⁰⁾ Въ греческой мифологіи адская рѣка Флегетонъ была наполнена горящею сѣрой; направленіе ея было обратное направленіе Коцита, и она впадала въ Ахеронъ, служа одною изъ границъ Тартара. Волны этой рѣки обладали волшебными и губительными свойствами. Одной капли изъ нея, брошенной въ Аскилафа, было достаточно для Цереры, чтобы онъ обратился въ сову.

¹¹⁾ Адская рѣка Лета считалась у древнихъ грековъ божествомъ. Самое названіе ея означало Забвеніе. Теченіе ея было тихое, поэтому Луканъ называетъ ее молчаливою рѣкою. Души умершихъ пили въ ней воду, чтобы забыть всѣ страданія, испытанныя въ жизни.

¹²⁾ Чистилище.

Мы замѣтили, какъ цѣлая толпа осужденныхъ направлялась къ намъ...
(стр. 88).

ПѢСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

Продолженіе. Новая толпа осужденныхъ привлекаетъ вниманіе Данте. Это—содомиты, виновные въ грѣхѣ, глубоко оскорбляющемъ законъ природы. Въ числѣ обреченныхъ на вѣчную и жестокую кару, Данте съ волненіемъ узнаетъ Брунетто Латини, предсказывающаго поэту и будущую славу его и изгнаніе. Въ составъ осужденныхъ большею частью входятъ ученые, доктора разныхъ наукъ, вообще люди просвѣщенные. По мѣрѣ того, какъ они появляются, Брунетто указываетъ Данте самыхъ извѣстныхъ изъ нихъ.

Теперь мы шли вдоль одного изъ каменныхъ береговъ. Непаренія рѣчки образуютъ надъ нею туманъ, который защищаетъ воду и ея берега отъ пламени;

Подобно тому, какъ фламандцы, между Гентомъ и Брюгге, страшась воль, напирających на нихъ, сооружаютъ плотину, чтобы оттолкнуть море;

Или подобно падуанцамъ, вдоль Brentы, чтобы защитить ихъ города и замки, прежде чѣмъ Кіарентана почувствуетъ жаръ ¹⁾,

Такъ и здѣсь, но не столь высокія и широкія были построены плотины какимъ бы то ни было строителемъ.

Мы уже такъ далеко оставили за собою дѣсь, что я не могъ бы его видѣть, если бы посмотрѣлъ назадъ,

Когда мы встрѣтили толпу душъ, идущихъ вдоль берега рѣки, и каждая изъ нихъ смотрѣла на насъ, какъ смотреть

Обыкновенно люди при свѣтѣ новой луны; они останавливали взоры на насъ, какъ имѣеть обыкновеніе дѣлать старыи портной, вдѣвая нитку въ иголку.

Въ то время, какъ эта толпа смотрѣла такъ на меня, я былъ узнанъ одною изъ нихъ, которая, схвативъ меня за полу одежды, воскликнула: «какое чудо!»

Какъ только она протянула руку ко мнѣ, я остановилъ свой взоръ на ея потемнѣвшемъ лицѣ, и ея обезображенный лобъ не помѣшалъ мнѣ

Узнать ея въ свою очередь. Тогда, наклонивши лицо къ ней, я отвѣтилъ: «неужели это вы, мессиръ Брунетто?»

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «о, сынъ мой, не сердись, если Брунетто Латини пройдетъ немного назадъ съ тобою, оставляя толпу.»

Я ему отвѣчалъ: «я прошу васъ объ этомъ, какъ могу, и если вы хотите, чтобъ я посидѣлъ съ вами, то я это сдѣлаю, если будетъ угодно тому, кто идетъ со мною.»

«О, сынъ мой! — отвѣчалъ онъ — тотъ изъ этой толпы, кто остановится хотя бы на минуту, будетъ стоять цѣлыхъ сто лѣтъ подъ этимъ дождемъ, не будучи въ состояніи стряхнуть съ себя пламя, которое его жжетъ.

«Иди же впередъ, я пойду съ тобою рядомъ, а потомъ догону мою толпу, которая шествуетъ оплакивая свои вѣчныя мученія.»

Я сначала не рѣшался оставить берегъ ручья, чтобы идти рядомъ съ нимъ, но я шелъ съ наклоненной головой, какъ человѣкъ, обнаруживающій уваженіе.

Онъ началъ: «какой случай или какая судьба приводитъ тебя сюда, ранѣе твоего послѣдняго дня? И кто тотъ, кто показываетъ тебѣ дорогу?»

«Тамъ, въ свѣтлой жизни—отвѣчалъ я ему—прежде чѣмъ я совершилъ весь путь, я заблудился въ долину».

«Но вчера утромъ я оставилъ ее за собой; вотъ тотъ, кто появился передо мною, когда я возвращался, и онъ повелъ меня по этой дорогѣ».

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «если ты слѣдуешь за твоей звѣздой ³⁾, ты непременно дойдешь до порога славы, если я вѣрно предвидѣлъ твое прекрасное будущее».

«И еслибъ я не такъ рано умеръ, то, видя, какъ благопріятствуетъ тебѣ Небо, я бы поощрялъ тебя въ твоихъ трудахъ».

«Но этотъ неблагодарный и порочный народъ, вышедшій некогда изъ Фіезоле ⁴⁾ и сохраняющій и теперь еще грубости своихъ горъ и своей скалы,

«Сдѣлается твоимъ врагомъ за то, что ты сдѣлаешь хорошаго; и такъ слѣдуетъ: не на вѣтвяхъ дикаго терновника можетъ зрѣть сладкая винная ягода».

«Старое преданіе въ мірѣ называетъ слѣпыми этотъ слѣпой, жадный, завистливый и надменный народъ ⁵⁾. Не загрязни себя соприкосновеніемъ съ ними!»

«Судьба приготовляетъ для тебя такую славу, что обѣ партіи будутъ жаждать тебя; но трава останется далеко отъ ихъ рта».

«Пусть звѣри изъ Фіезоле пожираютъ другъ друга; но пусть не трогаютъ растенія, если оно зацвѣтетъ на ихъ навозѣ,

«Растенія, въ которомъ возрождается святое сѣмя тѣхъ римлянъ, которые остались тамъ, когда возникло это порочное гнѣздо ⁶⁾».

«Если бы небу угодно было внять моимъ мольбамъ—отвѣтилъ я—вы бы еще не были исключены изъ человѣчества».

«Я всегда храню въ памяти, и теперь это меня печалитъ, вашъ дорогой, добрый и отеческій образъ, когда въ мірѣ

«Вы учили меня, какъ человѣкъ становится безсмертнымъ, и благодарность, которую я къ вамъ чувствую; я хочу, пока буду живъ, чтобы она звучала въ моихъ словахъ.

«То, что вы мнѣ рассказываете о моей судьбѣ, я себѣ запишу и буду помнить, чтобы оно мнѣ было объяснено другимъ текстомъ ⁷⁾, Дамой, которая сумѣетъ это сдѣлать, если я увижу ее.

«Однако, я хочу, чтобы вы знали, что пока моя совѣсть покойна, я покоряюсь моей судьбѣ, какова бы она ни была.

«Такой задатокъ не новъ для меня. Пусть же фортуна поворачиваетъ свое колесо, какъ захочетъ, а землекопъ свою лопату!»

Тогда мой учитель повернулъ направо, посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «хорошо слушаетъ тотъ, кто не забываетъ ⁸⁾».

Я продолжалъ идти, разговаривая съ Брунетто и спрашивалъ его, какъ зовутъ его товарищей, наиболѣе извѣстныхъ и замѣчательныхъ.

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «иныхъ, дѣйствительно, стоитъ назвать; о другихъ лучше не упоминать, ибо время будетъ слишкомъ коротко для такого длиннаго разсказа.

«Словомъ, знай, что всѣ они были ученые, писатели, пользовавшіеся большою славою, и всѣ погрязли въ одномъ и томъ же грѣхѣ на землѣ.

«Присцианъ идетъ съ этой несчастной толпой, также Франческо д'Аккорсо ⁹⁾; еслибъ тебѣ захотѣлось видѣть это отвратительное зрѣлище,

«Ты бы могъ видѣть того, кто слугою слугъ былъ переведенъ съ береговъ Арно къ берегамъ Бакильона, гдѣ онъ оставилъ свои члепы ¹⁰⁾.

«Я бы сказалъ и больше, но я не могу больше ни идти съ тобой, ни разговаривать, потому что вижу появленіе новаго испаренія изъ песковъ.

«Сюда идутъ другія тѣни, съ которыми я не долженъ быть; по-

ручаю тебѣ мое «Сокровище,» въ которомъ я еще живу, и больше ни о чемъ меня не спрашивай».

Потомъ онъ повернулъ, какъ тѣ, которые въ Веронѣ сбѣгутъ на зеленый плацъ ¹⁾; и мнѣ казалось,

Что онъ былъ бы тѣмъ, который выпгрываетъ, а не тѣмъ, который проигрываетъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЯТНАДЦАТОЙ ПѢСНѢ.

1) Кіарентана — названіе той части Альповъ, откуда истекаетъ Brenta. Эта часть хребта бываетъ часто покрыта глубокимъ снѣгомъ.

2) Брунетто Латини, родомъ флорентіецъ, принадлежалъ къ знатной семьѣ этого города и къ партіи гвельфовъ. Эта партія отправила его посломъ къ королю кастильскому Альфонсу, чтобы просить у этого короля помощи противъ гибеллиновъ, начавшихъ сильно одолевать своихъ противниковъ. Находясь на возвратномъ пути во Франціи, онъ узналъ, что гибеллины при помощи короля сицилійскаго Манфреда завладѣли Флоренціей и выгнали оттуда гвельфовъ. Брунетто рѣшилъ, что ѣхать ему въ такое время въ Италію не зачѣмъ и что лучше нѣкоторое время провести во Франціи; поэтому онъ отправился въ Парижъ, куда прибылъ въ 1260 году и гдѣ очень радушно былъ принятъ королемъ Людовикомъ Святымъ. Въ Парижѣ Брунетто прожилъ довольно долго и написалъ тамъ свою книгу «Tesoro» (Сокровище) — нѣчто въ родѣ энциклопедіи, въ которую попали свѣдѣнія изъ Библии, изъ Плинія, изъ Солона, изъ многихъ другихъ писателей, трудившихся по разнымъ отраслямъ науки. Сочиненіе было объемистое, раздѣленное на три части, изъ которыхъ каждая имѣла нѣсколько подраздѣленій. Когда измѣнившіяся политическія обстоятельства дозволили Латини вернуться на родину, онъ пріѣхалъ во Флоренцію и открылъ тамъ школу высшаго образованія, гдѣ, по предположенію, учился и Данте, а также Гвидо Кавальканти, сдѣлавшійся впоследствии другомъ великаго поэта. Въ это-то время Брунетто написалъ свою, посвященную Людовику Святому, книгу «Tesoretto» (Маленькое сокровище), имѣющую много точекъ соприкосновенія съ «Божественной Комедіей» и которую не слѣдуетъ смѣшивать съ прежнимъ сочиненіемъ Брунетто.

3) Брунетто занимался астрономіей и астрологіей.

4) Рѣчь идетъ о флорентійцахъ. Фіезоле—небольшой городокъ неподалеку отъ Флоренціи, расположенный на высокой горѣ, откуда открывается великолѣпный садъ, обнимающій широкое пространство. Существуетъ преданіе, будто Флоренція основана выходцами изъ этого городка.

5) Виллани и Боккаччо рассказываютъ, что пизанцы, отправляясь на завоеваніе острова Маіорки, попросили флорентійцевъ оберегать родной городъ въ то время, когда они сами будутъ въ отсутствіи. По возвращеніи своемъ на родину побѣдоносные пизанцы, желая отблагодарить флорентійцевъ за оказанную услугу, предложили имъ на выборъ два подарка, составлявшіе часть военной добычи: двѣ бронзовыя двери очень изящной работы, или двѣ порфировыя колонны. Последнія были завернуты въ великолѣпныя ткани яркихъ цвѣтовъ. Флорентійцы польстились на эти ткани и выбрали колонны, не осмотрѣвъ ихъ предварительно. Сдѣлали они это только по возвращеніи домой, и только тогда открылось, что колонны были попорченныя, обгорѣлыя. Съ этихъ поръ флорентійцевъ стали называть «слѣпыми», а пизанцевъ «измѣнниками». Впрочемъ, впоследствии, Флоренція, родина и колыбель Микель-Анджело, процвѣтаніемъ въ ней наукъ и искусствъ доказала, что это прозвище совсѣмъ ею не заслужено.

6) Данте производить свой родъ отъ древнихъ римлянъ.

7) Данте намекаетъ на ожидаемую встрѣчу съ Беатриче и на надежду поговорить съ нею о двухъ предсказаніяхъ, сдѣланныхъ ему Фаринатой и Брунетто Латини.

8) Виргилій намекаетъ здѣсь на свой стихъ:

Superanda omnis fortuna ferendo est.

9) Присцианъ—знаменитый грамматикъ своего времени. Франческо д'Акорсо—флорентійскій законовѣдъ, умершій въ 1229 году.

10) Намекъ на Андреа да Моцци, флорентійскаго епископа, чловѣка безнравственной жизни, переведеннаго въ Виченцу, гдѣ протекаетъ Бакильонэ, — по увѣреніямъ Ландино — папою Николаемъ III, а по увѣреніямъ Угелли—папою Бонифаціемъ VIII.

11) Въ Италіи сохранился обычай бѣгать взапуски на призы, состоявшіе изъ дорогихъ тканей и преимущественно изъ плащей зеленого, какъ моднаго когда-то цвѣта.

Какъ только мы остановились, тѣни снова принялись издавать крики...
(стр. 94).

ПѢСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Продолженіе. Достигнувъ крайняго предѣла третьяго и послѣдняго подраздѣленія седьмого круга, откуда уже слышится шумъ воды, низвергающейся съ высоты и kloкочущей въ восьмомъ кругѣ, Данте видитъ нѣсколько идущихъ къ нему на встрѣчу тѣней, бывшихъ флорентійскихъ воиновъ, осужденныхъ за то же прегрѣшеніе противъ природы, какъ и Бруно Латини. Они заботливо разспрашиваютъ поэта о судьбѣ ихъ родины и узнаютъ отъ Данте печальную истину. Потомъ онъ продолжаетъ путь. Шумъ воды все приближается; наконецъ поэтъ доходитъ до крутого и глубокаго обрыва. Виргилій опускаетъ въ пропасть веревку. По этому знаку изъ бездны появляется Геріонъ.

Я уже находился въ мѣстѣ, откуда уже былъ слышенъ, напоминающая жужжаніе роя пчель, шумъ воды, падавшей съ высоты въ восьмомъ кругѣ,

Какъ вдругъ три тѣни отдѣлились отъ толпы, проходившей подъ огненнымъ дождемъ.

Онѣ направились въ нашу сторону и каждая изъ нихъ кричала:

«Остановись, ты, въ которомъ мы по одеждѣ узнаемъ одного изъ гражданъ нашего развратнаго отечества!»

Увы! Сколько старыхъ и новыхъ язвъ я увидѣлъ на ихъ обожженномъ тѣлѣ! При одномъ воспомнаніи объ этомъ, я содрагаюсь.

Тогда, при слушавшись къ крикамъ, мой учитель остановился, обратился ко мнѣ и сказалъ: «остановись изъ чувства уваженія къ нимъ.

«Еслибъ не огненный дождь, падающій въ этомъ мѣстѣ, я бы сказалъ, что въ этой встрѣчѣ вѣжливость пристала бы тебѣ болѣе, чѣмъ имъ.»

Какъ только мы остановились, тѣни снова принялись издавать крики, а когда приблизились къ намъ, то всѣ три, образовавъ кругъ,

Какъ обнаженные и натертыя масломъ борцы, выпскивающіе глазами мѣсто, гдѣ удобнѣе нанести ударъ противнику, прежде чѣмъ приступить къ борьбѣ,

Такъ и эти тѣни, кружась, обращали къ намъ свои лица, такъ что ихъ головы и ноги постоянно двигались въ различныхъ направленіяхъ.

«Хотя мрачность этого зыбучаго песку и нашъ печальный видъ должны внушать къ намъ презрѣніе, къ намъ и нашимъ просьбамъ, — начала одна изъ нихъ, —

«Пусть, однако, наши слова побудятъ твою душу сказать намъ, кто ты, который съ такою самоувѣренностью шагаешь своими живыми ногами по землѣ ада.

«Тотъ, за кѣмъ я слѣдую, хотя и обнаженный и покрытый язвами теперъ, занималъ болѣе высокое положеніе, чѣмъ ты думаешь.

«Онъ былъ внукомъ доброй Гвальдрады и звали его Гвидогверра; при жизни онъ совершалъ великія вещи, благодаря своему уму и храбрости ¹⁾.

«А тотъ, который ступаетъ по песку за мною, былъ Тэгіайо Альдобрандини, котораго имя должно быть съ уваженіемъ произносимо на землѣ ²⁾.

«А я, несущій крестъ вмѣстѣ съ ними, я назывался Якопо Рустигуччи; моя злая жена была первой виновницей моей гибели ³⁾.»

Еслибъ я могъ защитить себя отъ огненнаго дождя, я бы бросился въ ихъ объятія, и мой учитель, я думаю, былъ бы на это согласенъ;

Но такъ какъ я могъ сторгѣть, страхъ побѣдиль доброе намѣреніе, которое возбуждало во мнѣ желаніе обнять ихъ.

Я ему отвѣчалъ: «не презрѣніе, а состраданіе вашего положенія внушало мнѣ,

«Какъ только мой учитель сказалъ мнѣ слова, изъ которыхъ я понялъ, что появляются лица подобныя вамъ.

«Я уроженецъ вашей страны; я всегда слышалъ и повторялъ съ любовью о вашихъ дѣлахъ и о вашихъ славныхъ именахъ.

«Я оставляю злобу и направляюсь къ сладостнымъ плодамъ, которые мнѣ обѣщаны моимъ правдивымъ руководителемъ; но прежде я долженъ спуститься къ самому центру».

«Пусть душа твоя еще долго управляетъ твоимъ тѣломъ, отвѣчала мнѣ тѣнь, и пусть слава всегда сопровождаетъ тебя!

«Но скажи намъ, по прежнему-ли въ нашемъ городѣ живутъ утонченная обходительность и мужество, или же они окончательно изгнаны?

«Ибо Гульельмо Борсерэ ⁴⁾, который съ недавняго времени раздѣляетъ наши мученія, и вонъ тамъ идетъ съ нашими товарищами, печалитъ насъ своими разсказами.»

«Новые пришельцы и быстрыя обогащенія ⁵⁾ породили въ тебѣ, о, Флоренція, столько гордости и излишествъ, что уже и ты сама оплакиваешь ихъ!»

Такъ воскликнулъ я, поднявъ лицо, и три тѣни, услыхавъ этотъ отвѣтъ, переглянулись между собой, какъ переглядываются люди, узнавшіе истину.

«Если ты всегда имѣешь возможность съ такою легкостью отвѣчать на чужіе вопросы,—отвѣчали онѣ—то счастливъ ты, что можешь говорить такъ свободно.

«Но если тебѣ суждено выбраться изъ этихъ ужасныхъ мѣстъ, чтобы увидѣть снова прекрасныя звѣзды и воскликнуть: «я тамъ былъ»,

«Сдѣлай такъ, чтобы о насъ говорили ереди людей. Затѣмъ онѣ перестали кружиться и побѣжали такъ быстро, какъ будто ноги ихъ были снабжены крыльями.

Онѣ исчезли прежде, чѣмъ можно было бы произнести «аминь». Тогда мой учитель направился въ дальнѣйшій путь.

Я послѣдовалъ за нимъ; мы немного прошли, когда послышался шумъ воды такъ близко, что мы едва ли могли бы слышать слова, произносимыя другимъ.

Подобно той рѣкѣ, которая имѣетъ собственное русло, направляясь къ востоку послѣ Монтеviso, по лѣвую сторону Аппенинъ,

И носящей названіе Аквакетта, въ своей верхней части, прежде чѣмъ достигъ долины, и теряющей это названіе въ Форли,

Потомъ, низвергаясь съ высоты, устремляющейся къ Санъ-Бенедетто, гдѣ должны были бы найти убѣжище, по крайней мѣрѣ, тысячь человѣкъ ⁶⁾,—

Такъ, низвергаясь съ другой скалы, эта мутная вода наполняла воздухъ такимъ оглушительнымъ шумомъ, что въ нѣсколько мгновеній мое ухо почти оглохло.

Мой станъ былъ опоясанъ веревкою, которою я еще въ лѣсу, гдѣ заблудился, надѣялся скрутить песчуренную пятнами пантеру ⁷⁾.

Снявъ съ себя веревку, какъ повелѣлъ мнѣ мой учитель, и свернувъ ее въ нѣсколько разъ, я ее ему подалъ;

Тогда онъ повернулъ направо и бросилъ ее въ темную пропасть довольно далеко отъ берега.

«Надо, сказалъ я себѣ, чтобы появилось нѣчто особенное вслѣдствіе этого новаго знака, дѣлаемаго учителемъ.

«О, какъ осторожны должны быть люди въ присутствіи тѣхъ, кто не только видитъ ихъ поступки, но даже проникаетъ въ самую сокровенную глубину ихъ мысли!

Онъ мнѣ сказалъ: «сейчасъ появится тотъ, кого я ожидаю, и то, о чемъ твоя мысль мечтаетъ, сейчасъ предстанетъ предъ тобой.»

Всегда человѣкъ, насколько это въ его силахъ, закрываетъ ротъ передъ истиной, которая можетъ показаться ложью, ибо онъ рискуетъ опозориться, не будучи виноватъ.

Но въ данномъ случаѣ я не могу молчать, и стихами этой комедіи ⁸⁾, которой я желаю долгаго успѣха, клянусь тебѣ, читатель,

Что я увидѣлъ, какъ, разсѣвая сгущенный и мрачный воздухъ, приближалось къ намъ чудовище, страшное для самаго храбраго сердца,

Похожее на морехода, который по временамъ спускается въ воду, чтобы вытащить якорь, зацѣпившійся за подводный камень или за какой нибудь другой предметъ, скрытый въ морѣ,

И который, протягивая руки, изгибаетъ ноги.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ШЕСТНАДЦАТОЙ ПѢСНѢ.

¹⁾ Гвальдрада, дочь знаменитаго флорентійскаго гражданина Беллинцона Бэрти, имѣла троихъ сыновей отъ графа Гвидона, принадлежавшаго къ числу рыцарей, состоявшихъ при особѣ императора Оттона IV. Одною изъ нихъ звали Руджіери. Онъ былъ отцомъ Гвидогверра.

²⁾ Тэгіайо Альдобрандини, изъ рода Адимари, всячески старался своими совѣтами удержать флорентійскихъ гвельфовъ отъ сраженія при Монтэ-Аперто, на берегу рѣки Арбіи. Гвельфы не послушались его и были разбиты на голову, потерявъ значительнѣйшую часть своего войска.

³⁾ Якопо Рустикуччи—тоже знатный флорентіецъ. Ему, на его несчастіе, выпала на долю злая жена. Онъ не могъ ужиться съ такою фуріей, разошелся съ нею и предался тому пороку, за который и былъ наказанъ послѣ смерти ссылкой въ послѣднее подраздѣленіе седьмого адскаго круга.

⁴⁾ Флорентіецъ Борсьера часто посѣщалъ дворы владѣтельныхъ особъ. Про него разсказываютъ что, находясь въ Генуѣ, онъ попалъ въ гости къ Эмилію Гримальди, человѣку богатому, но очень скупому. Хозяинъ дома обратился къ флорентійцу съ вопросомъ, чѣмъ бы украсить одну изъ залъ. «Ведите изобразить на картинѣ щедрость Гримальди»—отвѣчалъ гость.

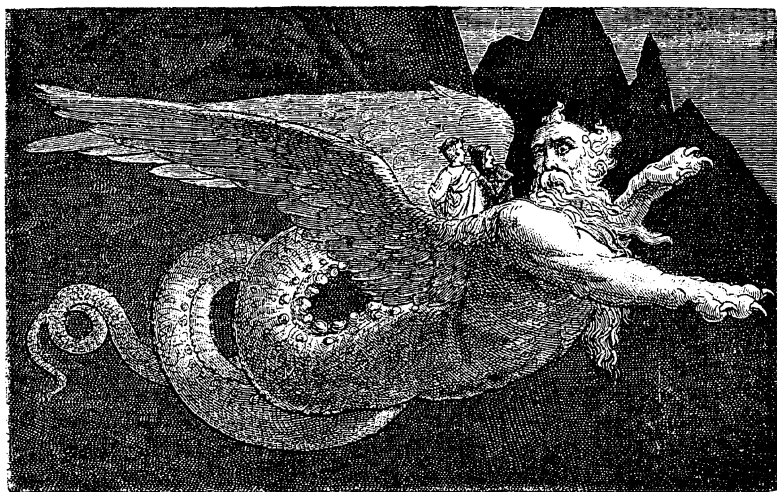
⁵⁾ «Новые пришельцы и быстрыя обогащенія»—этими словами Данте другой знаменитый итальянскій писатель начинает свою сатиру.

⁶⁾ Богатое аббатство Санъ-Бенедетто могло бы прокормить больше тысячи монаховъ, еслибы они умѣли распоряжаться хозяйственною частью.

⁷⁾ См. Пѣснь первую.

⁸⁾ Данте потому назвалъ свое произведеніе «Комедіей», что, по его мнѣнію, комедія обнимаетъ собою всѣ роды поэзін. Она могла касаться какъ трагическихъ явленій жизни, такъ и смѣшныхъ ея сторонъ.

Какъ только я устылся, онъ сказалъ: «ну, Геріонъ, пора въ путь»... (стр. 102).

ПѢСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

Описаніе чудовища Геріона, являющагося олицетвореніемъ обмана. Пока Виргилій убѣждаетъ чудовище предоставить въ распоряженіе путниковъ свои могучія плечи, Данте отходитъ на нѣсколько шаговъ, чтобы ближе взглянуть на ростовщиковъ, своимъ гнуснымъ ремесломъ такъ жестоко оскорбляющихъ природу и общество, а слѣдовательно и Божество. Ростовщики, обремененные, лежали на раскаленномъ пескѣ: на нихъ падаетъ небесный огонь, но они тѣмъ не менѣе услаждаютъ свои взоры лицезрѣніемъ кошелевъ, висящихъ у нихъ на шеѣ. На каждомъ кошелькѣ значатся гербы ихъ владѣльцевъ. Насмотрѣвшись на лихоимцевъ, Данте возвращается къ Виргилію и вмѣстѣ съ послѣднимъ, помѣстившись на плечахъ Геріона, съ непреодолимымъ трепетомъ спускается въ восьмой кругъ ада.

«Вотъ звѣрь съ заостреннымъ хвостомъ, который продалбливаетъ насквозь горы, пробиваетъ стѣны и ломаетъ оружіе. Вотъ звѣрь, наводняющій міръ зловоніемъ!»

Такъ началъ мнѣ говорить мой руководитель и сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ подошелъ къ нашей мраморной тропинкѣ.

И это отвратительное олицетвореніе Обмана подошло, подвинуло

къ намъ голову и туловище, но не вытащило на берегъ своего хвоста.

Его лицо было похоже на лицо настоящаго человѣка и даже приятное; кожа была мягкая и вѣжная, а остальная часть тѣла имѣла змѣиный видъ.

Его мохнатая лапы были снабжены острыми когтями; грудь и бока были испещрены круглыми пятнами.

Никогда еще ни съ изнанки, ни съ лица ткани, изготовляемыя турками и татарами, не были такъ богаты красками, даже издѣлія Арохнеи не превосходили ихъ.

Подобно тому, какъ челнокъ на берегу, на половину погруженный въ воду и на половину вытасченный на землю, и какъ у прожорливыхъ германцевъ

Бобръ присѣдаетъ, приготовляясь къ нападенію, — такъ и это отвратительное животное лежало на скалистомъ берегу, окружающемъ песокъ;

Хвостъ волновался въ воздухъ, поднимая кверху свой заостренный ядовитый конецъ, какъ жало скорпіона.

Мой руководитель сказалъ мнѣ: «теперь намъ слѣдуетъ направить наши шаги къ этому злему животному, которое тамъ лежитъ».

Поэтому мы спустились направо и прошли немного по берегу, чтобы избѣжать песокъ и пламя.

Когда мы подошли къ животному, я увидѣлъ, нѣсколько поодальтѣни, сидяція у самой бездны ¹⁾).

Тогда мой спутникъ сказалъ мнѣ: «для того, чтобы ты составилъ себѣ полное и точное представленіе объ этомъ кругѣ, подойди и ссзерцай ихъ мученія.

«Пусть бесѣда твоя будетъ коротка. Пока ты будешь занятъ ими, я попрошу чудовище, чтобы оно взяло насъ на свои могучія плечи и перенесло насъ куда слѣдуетъ».

И такъ, я шель вдоль седьмого круга совершенно одинъ туда, гдѣ сидѣли эти мрачныя души.

Страданіе видѣлось въ ихъ глазахъ; то тутъ, то тамъ онѣ старались отстранять испаренія и раскаленный песокъ.

Такъ лѣтомъ дѣлаютъ собаки лапами или мордой, когда ихъ кусаютъ блохи или слѣпни.

Я всматривался въ лица многихъ изъ тѣхъ, на которыхъ падаетъ страшное пламя, но не узналъ ни одного изъ нихъ; я замѣтилъ,

Что на шеѣ всякаго изъ нихъ висѣлъ кошелекъ извѣстнаго цвѣта и съ извѣстными знаками; они ими услаждали свои взоры ²⁾.

Всматриваясь въ нихъ, я увидѣлъ на груди одного изъ нихъ кошелекъ лазореваго цвѣта, имѣющій видъ льва ³⁾;

Потомъ, продолжая свои наблюденія, я увидѣлъ другой кошелекъ, красный какъ кровь, съ изображеніемъ бѣлаго какъ масло гуся ⁴⁾;

И одна изъ этихъ тѣней, съ бѣлымъ кошелькомъ, отмѣченнымъ изображеніемъ синей свиньи ⁵⁾, сказала мнѣ: «что ты дѣлаешь въ этой ямѣ?»

«Уходи отсюда; а такъ какъ ты еще живъ, то знай, что мой сосѣдъ Виталиано ⁶⁾ сидеть здѣсь по лѣвую сторону.

«Среди этихъ флорентійцевъ, я одинъ здѣсь — падуанецъ; часто они беспокоятъ мои уши, крича: «пусть явится властительный рыцарь,

«У котораго будетъ кошелекъ съ изображеніемъ трехъ птичьихъ клювовъ ⁷⁾». Потомъ онъ скривилъ ротъ и высунулъ языкъ, какъ быкъ, который облизываетъ себѣ ноздри.

А я, боясь, что болѣе продолжительное отсутствіе можетъ разстроить того, кто велѣлъ мнѣ торопиться, я отошелъ отъ этихъ измученныхъ душъ.

Мой спутникъ сидѣлъ уже на спинѣ грознаго чудовища ⁸⁾; онъ мнѣ сказалъ: «теперь укрѣпись и мужайся!

«Здѣсь спускаются только по такимъ лѣстницамъ. Садись впереди, я хочу сидѣть по срединѣ чудовища, чтобы хвостъ не ранилъ тебя».

Подобно тому, кто чувствует приближеніе лихорадочной дрожи, такъ что ногти уже у него посинѣли, и онъ дрожитъ всёмъ своимъ тѣломъ, при одномъ взглядѣ на холодный предметъ,

Такимъ я сдѣлался при этихъ словахъ; но его угрозы вызвали во мнѣ стыдъ, ободряющій слугу передъ добрымъ господиномъ.

Я сѣлъ на спину чудовища; я хотѣлъ сказать: « поддержи меня! » — однако голосъ не явился, несмотря на мою надежду.

Но тотъ, который и прежде выручилъ меня изъ опасности, какъ только я сѣлъ, схватилъ меня въ свои объятія и сталъ поддерживать меня.

Затѣмъ онъ сказалъ: « ну, Геріонъ, теперь пора и въ путь; описывай широкіе круги и спускайся тихо; помни о новой ношѣ, которой ты обремененъ ».

Какъ лодка, отчаливающая отъ берега, плыветъ назадъ, такъ и чудовище попятилось назадъ, и когда оно почувствовало свободу движеній,

Оно повернуло хвостъ и, выпрямивъ его, на подобіе угря, полетѣло по воздушному пространству.

Фаэтонъ, когда онъ бросилъ возжи коней, оставляя на небѣ огненный слѣдъ,

Или несчастный Икаръ, когда, при таявшемъ воскѣ, онъ чувствовалъ, что крылья уже не держались на плечахъ, и отецъ крикнулъ ему: « ты ошибся въ дорогѣ! » —

Охвачены были не бѣльшимъ испугомъ, чѣмъ я, когда я увидѣлъ себя повисшимъ въ воздухѣ, не видя ничего другого, кромѣ этого чудовища.

Оно летѣло, медленно, медленно паря, поворачиваясь, спускалось, но я замѣчалъ это только по движенію воздуха, дувшаго мнѣ въ лицо.

Я уже слышалъ съ правой стороны, какъ потокъ съ оглушительнымъ шумомъ стремился внизъ; поэтому я наклонилъ внизъ голову и глаза.

Но я еще болѣе ужаснулся при видѣ бездны, потому что увидѣлъ огни и услышалъ стоны, и, весь трепеща, я съезжился.

И потомъ я увидѣлъ то, чего не видалъ прежде; я увидѣлъ, что мы спускаемся, кружась среди великихъ страданій, приближавшихся съ разныхъ сторонъ.

Подобно соколу, долго, распустивъ крылья, летающему, не видя ни одной птицы, и заставляющему сокольщика крикнуть: «возвращайся!»

И затѣмъ усталому, спускающемуся съ высоты, гдѣ онъ описывалъ сотни круговъ, и сердито падающему въ отдаленіи отъ своего господина,

Такъ и Геріонъ доставилъ насъ на дно крѣпости, у подножья развалившейся скалы, и, освободившись отъ насъ,

Умчался съ быстротой пущенной изъ лука стрѣлы.

ПРИМѢЧАНІЯ БЪ СЕМНАДЦАТОЙ ПѢСНѢ.

¹) Ростовщикои.

²) Очень острая и злая сатира. Изъ находящихся здѣсь грѣшниковъ никто не названъ по имени, но кто они—можно узнать по гербамъ, красующимся на ихъ кошелькахъ.

³) По лазоревому кошельку со львомъ легко узнать Джіанфильяцци, такъ какъ Данте описалъ его гербъ.

⁴) Бѣлый гусь на красномъ полѣ—гербъ Убриакки.

⁵) Гербъ падуанскаго рода Скровиньи.

⁶) Виталиано дель Денте—уроженецъ Падуи, извѣстный въ свое время ростовщикъ.

⁷) Другой ростовщикъ Джіованни Буйамонте, флорентіецъ.

⁸) Чудовище это—Геріонъ. Изъ міѳологіи извѣстно, что на землѣ Геріонъ былъ Эрнейскимъ царемъ. У него было три головы и три туловища. Умерщвленіе этого чудовища—одинъ изъ двѣнадцати славныхъ подвиговъ Геркулеса.

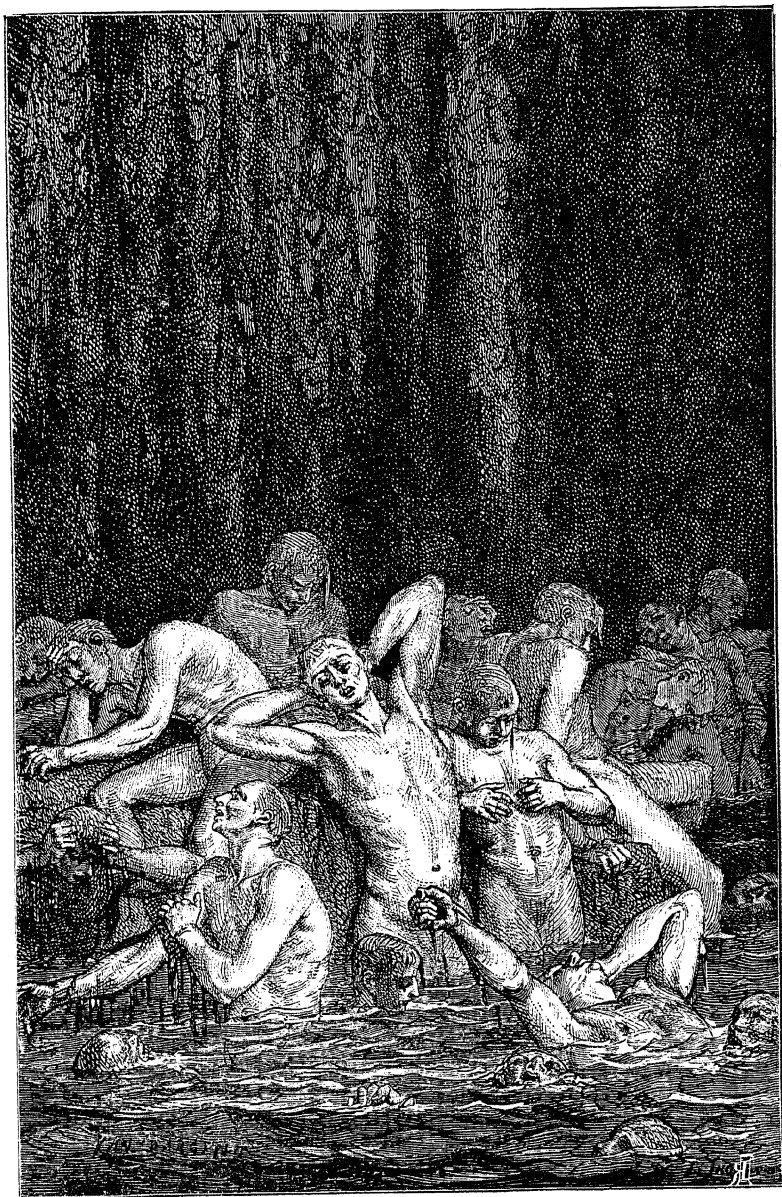

Съ перваго-же удара эти грѣшники быстро устремлялись впередъ... (стр. 105).

ПѢСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Данте и Виргилій вступаютъ въ восьмой кругъ, гдѣ въ такъ называемыхъ «Malebolge» (проклятыхъ ямахъ) помѣщаются безчестные люди. Весь кругъ раздѣленъ на десять концентрическихъ ямъ, вырытыхъ по наклонной плоскости стѣнъ, и приводитъ къ широкому и глубокому колодцу. Скалы, въ видѣ арокъ, возвышаются надъ этими ямами и служатъ между ними соединеніемъ до самаго колодца, которымъ онѣ оканчиваются. Данте соскакиваетъ съ плечъ Вергилія и вмѣстѣ съ Виргиліемъ направляется по этому самою природою перешитому мосту, подъ сводами котораго на глазахъ поэта поочередно проходятъ всѣ заключенные въ ямахъ. Въ первой ямѣ заключенные ходятъ, или вѣрнѣе — бѣгаютъ, погоняемые или бичуемые демонами. Среди нихъ Данте узнаетъ одного изъ болонскихъ гражданъ, занимавшагося постыднымъ ремесломъ и торговавшаго честью родной сестры. Далѣе, въ числѣ людей, пригвавшихъ къ обману въ любви, поэтъ замѣчаетъ Язона, отличающагося своимъ величественнымъ видомъ и своею царственною поступью. Оба поэта по тому же мосту идутъ далѣе и достигаютъ до второй ямы, переполненной всякими нечистотами. Въ этой ямѣ помѣщаются лстыцы.

Въ аду находится мѣсто, называемое «Малебольдже» ¹⁾, все изъ камня и темно-жельзнаго цвѣта, также какъ и стѣны, окружающія его.

Взглянувъ внизъ, я увидѣлъ несмѣтную толпу тѣней, копошившихся въ такой грязи... (стр. 107).

Какъ разъ посерединѣ проклятой равнины находится широкій и глубокий колодець, описаніе котораго я дамъ въ своемъ мѣстѣ.

Пространство, остающееся между колодцемъ и отвѣсною скалою, служащей ему стѣною, кругло и раздѣлено на десять рововъ.

Эти рвы похожи на тѣ, которые окружаютъ укрѣпленные замки, чтобы служить послѣднимъ защитой отъ вторженія непріятеля.

Такъ же какъ для сообщенія крѣпостей съ окружающею ихъ землею служатъ мосты, перекинутые черезъ рвы,

Такъ и здѣсь, между колодцемъ и наружною стѣною, перекинуты природные мосты, образуемые скалами.

Мы какъ разъ очутились въ этомъ мѣстѣ, когда Геріонъ страшнулъ насъ съ своей спины. Поэтъ пошелъ налѣво, я послѣдовалъ за нимъ.

Направо я увидѣлъ новыя страданія, новыя пытки и новыхъ палачей, которыми переполненъ былъ первый ровъ.

Въ глубинѣ находились обнаженные тѣни грѣшниковъ. Одна половина ихъ двигалась на встрѣчу намъ, другая шла по одному направленію съ нами, но только болѣе крупными шагами.

Какъ римляне ²⁾, вслѣдствіе большого стеченія въ годы юбилеевъ, образующагося на мосту,

Приняли за правило, что все тѣ, лицо которыхъ обращено къ замку и къ храму Святого Петра, идутъ по одной сторонѣ, а тѣ, которые идутъ къ горѣ, слѣдуютъ по другой,

Такъ и здѣсь, на черной скалѣ, я увидѣлъ рогатыхъ демоновъ съ огромными бичами, которыми они безпощадно стегали отстававшихъ грѣшниковъ.

О, какъ съ перваго же удара эти грѣшники быстро устремлялись впередъ! Никто не ожидалъ ни второго, ни третьяго удара.

Въ то время какъ я подвигался впередъ, мои глаза встрѣтили несчастнаго и сейчасъ же я сказалъ себѣ: «этого я непременно видѣлъ».

Поэтому я остановился, чтобы разсмотрѣть его, и мой добрый ру-

ководитель остановился вѣстѣ со мною и позволилъ мнѣ сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ.

Бичуемый надѣялся скрыться отъ моихъ глазъ, наклоняя голову, но это не послужило ему ни къ чему, ибо я воскликнулъ: «ты, который бросаешь взоры на землю,

«Если твои черты не обманываютъ меня, то ты — Венедико Каччанимико ³⁾. За какое прегрѣшеніе тебѣ суждено выносить такіа истязанія?»

Онъ отвѣтилъ мнѣ: «съ отвращеніемъ я это говорю, но я принужденъ твоимъ ласковымъ голосомъ, который напоминаетъ мнѣ міръ, гдѣ я жилъ.

«Я — тотъ, который принудилъ прекрасную Гизолу согласиться на желанія маркиза, хотя и утверждали другое объ этой гнусной исторіи ⁴⁾.

«И я не единственный болонецъ, стонущій здѣсь; это мѣсто такъ полно ими, что между Савоной и Рэнно ⁵⁾

«Не услышишь такъ часто слово: *sira*, какъ здѣсь ⁶⁾. И если ты хочешь имѣть доказательство этому, то вспомни наше скупое сердце».

Въ то время, какъ онъ говорилъ, одинъ демонъ ударилъ его бичемъ и сказалъ: «подвигайся, гнусный развратитель, здѣсь нѣтъ женщинъ, которыми бы можно было торговать».

Я подошелъ къ моему спутнику, и вскорѣ мы очутились тамъ, гдѣ выступаетъ изъ горы другая скала.

Мы поднялись по ней и, повернувъ по ней направо, оставили за собою эту вѣчную стѣну.

Когда мы подошли къ мѣсту, гдѣ подъ аркой этого самодѣльнаго моста проходятъ грѣшники, мой руководитель сказалъ онъ: «остановись,

«И постарайся взглянуть въ другихъ осужденныхъ, которыхъ ты еще не видѣлъ лица, потому что они шли въ одномъ направленіи съ нами».

Съ высоты этого стараго моста мы стали смотрѣть на вереницу тѣней, шедшихъ по направленію къ вамъ съ противоположной стороны, которыхъ также бичевали демоны.

Мой добрый учитель, не дожидаясь моего вопроса, сказалъ: «взгляни на эту высокую, подвигающуюся къ вамъ тѣнь, на глазахъ которой не видно ни одной слезы.

«Какое царственное величіе она еще сохранила! Это— Язонъ, который сердцемъ и умомъ похитилъ золотое руно у калхасовъ.

«Онъ прошелъ черезъ островъ Лемносъ послѣ того, какъ жестокія и безбожныя женщины перерѣзали все мужское населеніе.

«Тамъ своею обходительностью и краснорѣчіемъ, онъ обольстилъ молодую Гипсипиду, которая еще равнѣе съумѣла обмануть своихъ сестеръ;

«Затѣмъ онъ оставилъ ее одну и беременную. Это преступленіе присуждаетъ его къ пыткѣ, которая въ то же время является и мстью Медеи 7).

«Вмѣстѣ съ нимъ идутъ тѣ, которые обманываютъ подобно ему. Теперь ты уже достаточно знаешь объ этой первой ямѣ и о тѣхъ, которые здѣсь мучаются».

Мы уже подошли къ мѣсту, гдѣ узкая тропинка скрещивается съ другою скалою, и образуетъ другой мостъ.

Тамъ мы услышали стовы находящихся во второмъ рвѣ, безпрестанно фыркающихъ ноздрями и бьющихъ себя собственными руками.

Стѣнки этого рва были покрыты густыми испареніями, поднимающимися свизу, пристающими къ нимъ и отвращающими отъ себя и носъ и зрѣніе.

И такъ глубока эта яма, что надо было подняться по мосту на самую высокую арку, чтобы увидѣть ея дно.

Мы достигли этого пункта, и, наклонившись къ ямѣ, я увидѣлъ осужденныхъ, погруженныхъ въ такую мерзость, что мнѣ показалось, будто тамъ были собраны все нечистоты вселенной.

И въ то время, какъ я искалъ глазами, я увидѣлъ одного несчастнаго, голова котораго была такъ покрыта нечистотами, что неизвѣстно было, духовное-ли онъ лицо, или свѣтское.

Онъ крикнулъ мнѣ: «почему ты такъ жадно смотришь на меня и не смотришь на другихъ?» На это я ему отвѣтилъ: «потому что, если память не измѣняетъ мнѣ,

«Я уже видѣлъ тебя съ сухими волосами. Ты — Алессіо Пинтерини, изъ Лукки ⁸⁾; вотъ почему я на тебя смотрю больше, чѣмъ на другихъ».

Тогда онъ сказалъ, ударивъ себя рукой по головѣ: «я попалъ въ этотъ отвратительный ровъ за десть, отъ которой мой языкъ никогда не уставалъ».

Послѣ этого мой спутникъ сказалъ: «напряги сильнѣе твое зрѣніе и постарайся рассмотретьъ лицо этой грязной, съ растрепанными волосами рабыни,

«Которая рветъ себѣ грудь своими грязными руками, и то присѣдаетъ на землѣ, то снова вскакиваетъ на ноги.

«Это — блудница Таяса ⁹⁾, которая, когда ея любовникъ спросилъ ее: «хорошъ-ли онъ?» — она кричала: «ты очарователевъ».

«А теперь наши глаза здѣсь достаточно видѣли».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВОСЕМНАДЦАТОЙ ПѢСНѢ.

1) Malebolge—проклятыя ямы. Это слово составлено изъ *bolgia*—пропасть, яма, ровъ и *malò*—скверный, проклятый.

2) Во время папскаго юбилея 1300 года, о которомъ Данте говоритъ здѣсь, какъ очевидецъ, римскія власти распорядились поставить на мосту Св. Ангела продольную перегородку. Одна сторона моста была предоставлена богомольцамъ, отправлявшимся въ храмъ Св. Петра, а другая—направлявшимся оттуда къ Монте-Джордано. Это при всякихъ торжественныхъ случаяхъ практикуется въ Римѣ и до сихъ поръ.

3) Венедико Каччанимико, уроженецъ Болоньи, продалъ родную сестру одному феррарскому вельможѣ, маркизу Оббиццо да-Эсти, увѣривъ дѣвушку, что маркизь, воспользовавшись ею, покроетъ свой грѣхъ женитьбою.

4) Нѣкоторые писатели увѣряютъ, что Каччанимико не совершилъ этого проступка.

5) Рѣки, орошающія Болонскую провинцію.

6) Уроженцы Болоньи, вмѣсто слова: *sia* (пожалуй), говорятъ *sira*.

7) Обитательницы острова Лемноса перерѣзали и своихъ мужей и все остальное мужское населеніе. Гипсипила, желая спасти своего отца Фоада, спрятала его, а другимъ женщинамъ сказала, что умертвила его. Язонъ, отправляясь въ Колхиду за золотымъ руномъ, остановился на островѣ Лемносѣ и обольстил Гипсипилу, въ руки которой другія женщины отдали верховную власть. Язонъ скоро ушелъ изъ Лемноса, оставивъ обольщенную имъ дѣвушку беременной. Точно также измѣнилъ онъ и колхидской царичѣ Медеѣ.

8) Алессіо Интерминен, одинъ изъ выдающихся вельможъ города Лукки, славился своимъ ласковымъ и изысканно-вѣжливымъ обращеніемъ и былъ самымъ отъявленнымъ льстецомъ своего времени.

9) Здѣсь дѣло идетъ не объ извѣстной Таисѣ Коринеской, а о блудницѣ Таисѣ, выведенной Теренціемъ въ комедіи «Евнухи». Слова, вложенныя ей въ уста, переведены Данте изъ этой комедіи. Трудно объяснить, почему великому поэту, обыкновенно выводящему въ своемъ произведеніи лица историческія, вздумалось въ этой пѣснѣ вывести лицо, вымышленное римскимъ драматургомъ. Почему онъ вывелъ мненческаго героя Язона—еще понятно; но Таисѣ, въ такой поэмѣ, какъ «Божественная Комедія», совсѣмъ не мѣсто.

Вотъ слова комедіи Теренція:

— *Magnas vero agere gratias Thais mihi?*

— *Ingentes.*

Изъ устьевъ этихъ дыръ выглядывали ноги грѣшника... (стр. 111).

ПѢСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Въ третьей ямѣ восьмого круга Данте видитъ томящихся симоніаковъ или святокупцовъ, торговавшихъ священными предметами. Всѣ они погружены въ узкія норы, головою внизъ и ногами вверхъ. Ихъ со всѣхъ сторонъ охватываетъ пламя. Если является новый осужденный, то послѣдній помѣщается въ занятой уже норѣ, словно гвоздь, выбивающій другой гвоздь, толкая все глубже того, кто находился въ норѣ ранѣе. Виргилій приноситъ Данте къ одной изъ норъ, изъ которой высовываются ноги заключеннаго, судя по судорожнымъ движеніямъ этихъ ногъ, страдающаго сильнѣе, чѣмъ другіе грѣшники. Оказывается, что это бывший папа Николай III. Когда Данте подходит къ норѣ, заключенный тамъ грѣшникъ принимаетъ поэта за своего преемника Бонифація VIII, который и въ аду долженъ занять мѣсто своего предшественника, какъ занялъ его на землѣ. Данте объясняетъ бывшему папѣ его ошибку и, не будучи въ силахъ сдержать своего негодованія, осмѣиваетъ горькими упреками первосвященника, нарушавшаго присягу.

О, кудесникъ Симонъ ¹⁾, о, несчастные сектаторы, вы святыню, эту супругу, долженствующую принадлежать добрымъ, вы, жадныя души,

Ради золота и серебра развращающія, для васъ должна прозвучать теперь труба, ибо вы погружены въ третью яму.

Мы подошли уже къ третьей могилѣ, къ тому мѣсту моста, которое повисло надъ серединою ямы.

О, верховная премудрость! Какъ велико твое искусство въ небѣ, на землѣ и въ аду, и какое правосудіе управляетъ твоими приговорами!

Я увидѣлъ по бокамъ и на днѣ камень багровый, изрытый отверстиями одинаковой ширины, и каждое изъ нихъ было кругло.

Они не показались мнѣ болѣе широкими, чѣмъ тѣ, которыя находятся въ моемъ чудномъ храмѣ Санъ-Джованни, употребляемая какъ крестильницы ²).

Одинъ такой камень, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я разбилъ, чтобы спасти утопавшаго ребенка, и пусть это заявленіе разувѣритъ людей ³).

Изъ устьевъ этихъ дыръ выглядывали ноги грѣшника до того мѣста, гдѣ начинается утолщеніе голени; все-же остальное было внутри ямъ.

Обѣ ноги пламенѣли; вотъ почему онѣ такъ судорожно двигались, что легко могли бы сокрушить самыя крѣпкія веревки, связывающія ихъ.

Какъ пламя предметовъ, покрытыхъ жиромъ, перелетаетъ по ихъ поверхности, такъ и этотъ огонь скользилъ по ихъ ногамъ, отъ ступни до голени.

«Кто тотъ, учитель, чьи ноги корчатся сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ,—сказалъ я—и пламя котораго болѣе красно?»

Онъ отвѣтилъ мнѣ: «если ты хочешь, чтобы я перенесъ тебя внизъ по этому склону, то узнаешь отъ него самого его имя и его грѣхи».

Тогда я сказалъ: «что тебѣ нравится, то нравится и мнѣ; ты—мой господинъ, ты знаешь, что я никогда не выхожу изъ подъ власти твоей воли и знаешь даже то, о чемъ умалчиваютъ».

Тогда мы направились къ четвертому проходу, повернули налѣво и спустились на дно узкой ямы, съ прорытыми дырами.

Добрый учитель по-прежнему прижималъ меня къ своей груди,

пока не поставилъ меня около дыры того, который такъ сильно стоналъ и корчилъ ноги.

«Кто бы ты ни былъ, внизъ головой опущенный въ могилу, несчастная душа, точно вбитая въ землю, какъ коль, — началъ я говорить, — если можешь, успокойся немного».

Я стоялъ, какъ монахъ, нацѣтствующій злого убійцу, который, уже на половину погруженный въ землю, призываетъ его, по прежнему, чтобы отдалить смерть.

И онъ воскликнулъ: «какъ! ты уже здѣсь? ты уже здѣсь, Бонифацій? Неужели предсказаніе надуло меня на нѣсколько лѣтъ ⁴⁾».

«Неужели ты такъ скоро пресытился тѣми богатствами, ради которыхъ не побоялся увести измѣной прекрасную Даму, затѣмъ, чтобы потомъ оскорблять ее ⁵⁾».

Я стоялъ, какъ тотъ, кто, ничего не понимая, что ему говорить, почти конфузится, и не знаетъ, что отвѣчать.

Тогда Виргилій сказалъ: «отвѣчай ему скорѣе: «я не тотъ, я не тотъ, за кого ты меня принимаешь», и я отвѣчалъ такъ, какъ мнѣ было приказано.

Тогда тѣнь замахала ногами, потомъ, вздыхая, жалобнымъ голосомъ сказала: «что же ты хочешь отъ меня?»

«Если желаніе узнать, кто я, было въ тебѣ такъ сильно, что ты не побоялся проникнуть среди этихъ скалъ, то знай, что я носилъ великую мантию;

«И я въ самомъ дѣлѣ былъ сыномъ «Медвѣдицы» ⁶⁾, и былъ такъ жаденъ, что, чтобы обогатить медвѣжатъ, я все золото этой земли спряталъ въ этотъ, да и самого себя въ этотъ нижній кошель ⁷⁾».

«Подъ моей головой находятся другіе симониаки, которые предшествовали мнѣ, погруженные въ эту каменную яму.

«И я буду низвергнуть туда, когда придетъ тотъ, за кого я тебя принялъ, когда я вдругъ обратился къ тебѣ съ вопросомъ.

«Но болѣе времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мои ноги горятъ

и я опрокинуть внизъ головою, чѣмъ будетъ суждено пробить такъ ему;

Ибо послѣ него придетъ съ запада отягченный большими преступленіями пастьрь ⁸⁾, не признающій ни вѣры, ни закона. Онъ-то и покроетъ обоихъ насъ.

«Онъ будетъ новымъ Іасономъ, подобнымъ тому, о которомъ говорить книга Маккавеевъ, и какъ его король былъ слабъ къ тому, такъ будетъ слабъ къ нему король Франціи».

Не знаю, поступилъ-ли я предосудительно, но я отвѣчалъ ему такими словами: «скажи мнѣ, какихъ сокровищъ требовалъ

«Нашъ Господь отъ св. Петра, прежде чѣмъ вручить ему ключи отъ своего царства? Онъ ничего отъ него не требовалъ, а только сказалъ: «гряди за мною!»

«Ни Петръ, ни другіе не требовали отъ Матвѣя ни золота, ни серебра, когда онъ былъ избранъ на мѣсто измѣннической души ⁹⁾.

«А потому оставайся тутъ, ибо ты наказанъ справедливо, и сохрани золото, пріобрѣтенное гнуснымъ средствомъ и давшее тебѣ смѣлость возстать противъ Карла ¹⁰⁾.

«И еслибы не уваженіе къ тѣмъ ключамъ, которые на землѣ ты держалъ въ своихъ рукахъ,

«Я бы употребилъ слова еще болѣе жестокія, ибо ваша алчность омрачаетъ собою міръ, принижая добрыхъ и возвеличивая злыхъ;

«Васъ, пастьри, видѣлъ святой апостоль, когда увидаль ту, возсѣдающую на водахъ и продающую свою плоть царямъ ¹¹⁾,

«Ту, которая родилась съ семью головами и проявляетъ свое могущество при помощи десяти своихъ роговъ, пока ея добродѣтель была пріятна ея супругу.

«Вы создали себѣ кумировъ изъ золота и серебра ¹²⁾; какая разница существуетъ между вами и язычниками, если не та, что они поклоняются одному идолу, а вы—стамъ?»

«О, Константинъ! Новое зло породило не твое обращеніе, но даръ, полученный отъ тебя первымъ папой, сдѣлавшій его богатымъ!»

И пока я говорилъ ему это, вслѣдствіе-ли гнѣва или угрызенія совѣсти, но онъ еще болѣе корчилъ свои ноги.

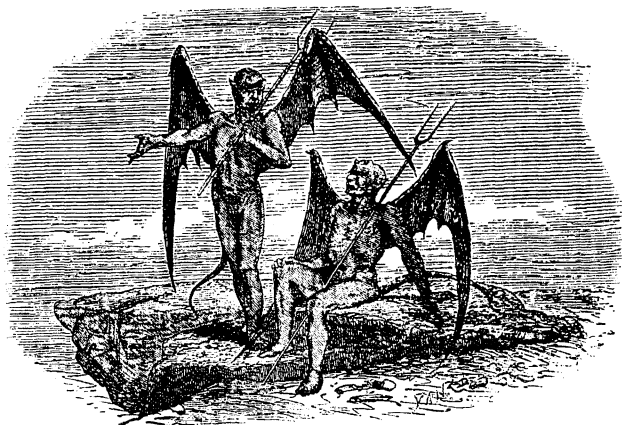
Я думалъ, что я понравился моему руководителю, который слушалъ съ довольнымъ видомъ звукъ моихъ словъ, сказанныхъ съ искренностью.

Онъ взялъ меня въ свои объятія и, крѣпко прижавъ меня къ своей груди, поднялся по той-же дорогѣ, по которой спустился.

И не пересталъ меня прижимать къ себѣ, пока не донесъ меня до вершины моста, который ведетъ отъ четвертаго круга до пятаго.

Тамъ онъ осторожно поставилъ меня на крутой и дикой скаль, которая и для козы была бы труднымъ путемъ.

Оттуда открылась мнѣ новая равнина ¹³).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ПѢСНѢ.

1) Симонъ изъ Самаріи, прозванный «волхвомъ». По свидѣтельству «Дѣяній Апостоловъ», онъ обращался къ апостолу Петру, прося его научить его дѣлать чудеса, предлагая ему за это деньги. Отъ его имени произошло названіе симоніаковъ, т. е. святокущевъ или торгующихъ священными предметами.

2) Церковь Санъ-Джованни, флорентійская баптистерія.

3) Данте, спасая утѣпавшаго ребенка, сломалъ желѣзную рѣшетку, покрывавшую одно изъ водохранилищъ. Современники и сограждане не скупились на клеветы и обвиненія, упрекая Данте въ кощунствѣ. Въ девятнадцатой пѣснѣ своей безсмертной поэмы онъ пользуется случаемъ оправдаться во взводимыхъ на него клеветахъ.

4) Говорящій въ эту минуту грѣшникъ, — никто иной, какъ Николай III, изъ рода Орсини, избранный въ папы въ 1277 году. На такое жестокое наказаніе онъ обреченъ за то, что онъ всячески, даже самыми неблаговидными средствами, способствовалъ обогащенію своихъ племянниковъ и всей своей родни. Нѣкоторые писатели, однако, увѣряли, что Николай III вовсе не заслуживалъ такого жестокаго наказанія, какое придумалъ для него Данте.

5) Т. е. церковь.

6) Николай III, какъ уже мы сказали, происходилъ изъ рода Орсини, — въ буквальный смыслъ, изъ рода «Медвѣжатъ», такъ какъ итальянское слово Orso означаетъ «Медвѣдь».

7) Т. е. въ ямы, названныя малебельджами.

8) Климентъ V. Онъ былъ родомъ французъ; былъ епископомъ бордосскимъ и попалъ на папскій престолъ, благодаря стараніямъ французскаго короля Филиппа Красиваго. Избранный въ папы въ 1303 году, онъ умеръ въ 1314 году. Приравнивая будущаго папу нечестивому Іасону, брату іудейскаго царя Осія и возведеннаго Антиохомъ въ санъ первосвященника. Данте опять придаетъ видъ предсказанія, какъ дѣлаетъ это постоянно, говоря о томъ, что произошло послѣ 1300, г., когда онъ спустился въ адъ.

9) Т. е. на мѣсто Іуды Искаріотскаго.

10) Карлъ Анжуйскій, братъ французскаго короля Людовика Святаго, царствовавшій въ Калабріи подъ именемъ Карла I-го. Николай III просилъ руки одной изъ племянницъ этого короля для одного изъ своихъ племянниковъ. Карлъ отвѣтилъ ему, что хотя въ жилахъ этого племянника и течетъ «красная», т. е. знатная кровь, но онъ все-таки недостойнъ породниться съ царствовавшимъ во Франціи домомъ.

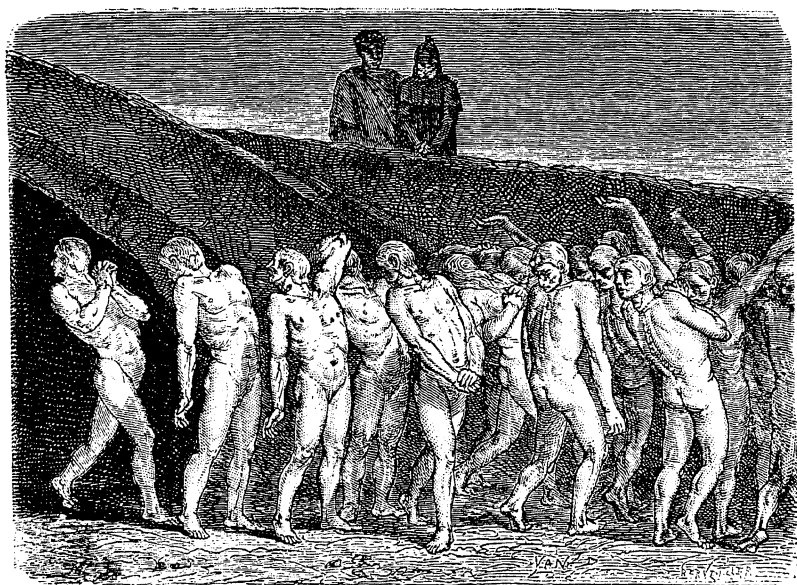
11) Іоаннъ Богословъ въ XVII главѣ своего «Откровенія» говоритъ: «я покажу тебѣ судъ надъ великою блудницею, сидящею на водахъ многихъ; съ нею блудодействовали цари земные... а нѣсколько далѣе: «я увидалъ жену,

сидящую на звѣрѣ багрянномъ, преисполненномъ именами богохульными. съ семью головами и десятью рогами». Это—олицетвореніе Рима; семьголовъ— семь таинствъ, а рога—десять заповѣдей Моисея.

¹²⁾ *Aurum suum et argentum fecerunt sibi idola.*

¹³⁾ Вся эта пѣсня написана Данте въ крайне энергичномъ и рѣзкомъ тонѣ. Многіе отрывки изъ нея до сихъ поръ выпускаются въ изданіяхъ, предназначенныхъ для Испаніи, гдѣ еще не измѣнился средневѣковый взглядъ на папскую власть, вслѣдствіе котораго намѣстникъ Св. Петра, каковъ бы онъ ни былъ, является личностью неприкосновенною. Въ Италіи-же, даже въ самомъ Римѣ, запрещеніе, долго тяготѣвшее надъ этою пѣснею, давно уже снято, и «Божественная Комедія» печатается и продается тамъ безъ всякихъ пропусковъ.

Лицо ихъ было обращено назадъ... (стр. 118).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТАЯ.

Въ четвертой ямѣ восьмого круга платятся за свои проступки особаго рода обманщики—кудесники, волхвы и колдуны. Такъ какъ они при жизни кичились своею мнимою способностью знать будущее, то головы ихъ перевернуты. Лицо ихъ обращено назадъ, а затылокъ впередъ. Ходятъ они, пятась назадъ, и слезы ихъ падаютъ не на грудь, а на спину. Виргилій указываетъ своему спутнику на самыхъ извѣстныхъ изъ этихъ осужденныхъ тѣней, въ томъ числѣ на знаменитую сивиллу Манто, отъ имени которой произошло названіе города Мантуи, родины великаго римскаго поэта.

Мнѣ приходится воспѣвать новыя страданія: это будетъ предметомъ двадцатой пѣсни первой канцоны, посвященной осужденнымъ.

Я уже наклонился, чтобы разсмотрѣть глубину ямы, переполненной горькими слезами,

И увидѣлъ множество тѣней, которыя, тихо рыдая, ходили во-

кругъ ямы, тѣмъ замедленнымъ шагомъ, какимъ на землѣ подвигаются торжественныя процессіи.

Когда я пристальнѣе вглядѣлся въ этихъ грѣшниковъ, то мнѣ показалось, что они были какъ-то особенно странно скорчены отъ подбородка до начала груди.

Ихъ лицо было обращено назадъ, такъ что имъ приходилось ходить пятясь назадъ, потому что они потеряли способность видѣть впереди себя.

Можетъ быть, такой странный поворотъ головы былъ слѣдствіемъ паралича у кого-нибудь, но мнѣ этого не случилось видѣть и я не думаю, чтобы это было возможно.

Да позволить тебѣ Богъ, читатель, извлечь какую-либо пользу изъ этого чтенія; но посуди самъ, могли-ли мои глаза оставаться сухими,

Когда я увидѣлъ такъ близко самый образъ человѣка столь изуродованнымъ, вслѣдствіе чего и слезы этихъ несчастныхъ падали не на грудь, а на кожу поясицы?

Я горько плакалъ, облокотившись на выступъ скалы; но, увидѣвъ это, мой руководитель сказалъ мнѣ: «неужели и ты принадлежишь къ этимъ безумцамъ?»

«Здѣсь состраданіе живетъ, когда оно уже умерло. Кто преступень, если не тотъ, который чувствуетъ состраданіе въ виду божественной справедливости?»

«Подними, подними голову и посмотри на того, подъ которымъ разверзлась земля въ присутствіи всего населенія Эввъ; всѣ они кричали ему: «куда низвергаешься ты,

«Амфіарой ¹⁾? Зачѣмъ покидаешь ты поле битвы?» Но онъ продолжалъ низвергаться въ бездну до самого Минноса, хватающаго всѣхъ грѣшниковъ.

«Посмотри, какъ изъ своей груди онъ сдѣлалъ спину. За то, что при жизни онъ старался видѣть слишкомъ далеко, теперь онъ обреченъ видѣть только то, что назадъ, и вѣчно пятиться назадъ.

«Посмотри на Тирезія ²⁾), который измѣнилъ внѣшній свой обликъ, когда изъ мужчины превратился въ женщину, и онъ измѣнился съ головы до ногъ.

«Ему нужно было убить своею волшебною розгою двѣ перевившія между собой змѣи, прежде чѣмъ вернуть себѣ силу мужского пола.

«Аронть — тотъ, который идетъ позади его брюха ³⁾); въ горахъ Лукки, обрабатываемыхъ коррарцами, живущими въ равнинѣ,

«Онъ устроилъ себѣ для жилища гротъ изъ бѣлаго мрамора; съ этого мѣста онъ могъ безпрепятственно смотрѣть на звѣзды и на лѣсъ;

«А та, которая своими распущенными волосами покрываетъ грудь, которую ты не видишь и кожа которой съ другой стороны совсѣмъ покрыта шерстью,

«Называлась Манто ⁴⁾), которая перебивала во многихъ странахъ, пока не поселилась въ томъ мѣстѣ, гдѣ я родился. Вотъ почему я хочу, чтобы ты немного послушалъ меня.

«Когда отецъ ея покинулъ жизнь, и когда городъ Вакха былъ порабощенъ ⁵⁾), эта дѣвушка долго странствовала по свѣту.

«Тамъ, въ прекрасной Италіи, есть озеро у подножія Альпъ, отдѣляющихъ Германію, повыше Тироля. Это озеро зовется Бенако.

«Болѣе тысячи источниковъ, я думаю, увеличиваютъ, между Гардо Валькамоника и Аппениномъ, количество воды, которая покоится на днѣ этого озера.

«По серединѣ есть мѣсто, гдѣ пастыри Трента, Брешиа и Вероны имѣли бы право благословлять народъ, еслибъ попали туда ⁶⁾).

«На склонѣ, гдѣ берегъ понижается, возвышается Пескьера, могучая и прекрасная защита для жителей Брешиа и Бергамо;

«Тамъ-то и изливаются воды, которыя не могутъ быть сдержаны берегами Бенако, такъ что это озеро превращается въ широкую рѣку, текущую среди зеленѣющихъ равнинъ.

«Потокъ этотъ въ видѣ быстрой рѣчки называется уже не Бенако, а Минчіо до самого Говерно, гдѣ онъ впадаетъ въ По.

«Въ началѣ своего теченія рѣка эта встрѣчаетъ равнину, гдѣ она расширяется и образуетъ болото, которое лѣтомъ издастъ вредныя испаренія.

«Дикая дѣвушка, проходя случайно по этому мѣсту, увидала среди этого болота запущенное и безлюдное мѣсто;

«И избѣгая всякаго общенія съ людьми, она остановилась въ этомъ мѣстѣ со своими рабынями и здѣсь предалась своему искусству; тамъ она жила и оставила свои бранные останки.

«Окрестные жители, разбѣянные по равнинѣ, собрались въ этомъ мѣстѣ, обороняемомъ со всѣхъ сторонъ болотомъ,

«Построили городъ на костяхъ умершей и въ память той, которая первая избрала это мѣсто, назвали его Мантуей, не справляясь съ волей судьбы.

«Жители были тамъ многочисленны, пока коварный Пинамонте не погубилъ слишкомъ довѣрчиваго Казалоди ⁷⁾

«Я говорю тебѣ это съ тѣмъ, чтобы никакой обманъ не искажилъ истины, если ты услышишь рассказъ о другомъ происхожденіи моей родины.»

Тогда я сказалъ ему: «учитель, твои слова носятъ на себѣ печать такой достовѣрности и я такъ довѣряю имъ, что всякія другія рѣчи будутъ для меня не болѣе, какъ погасшими угольями.

«Но скажи мнѣ: въ той толпѣ, которая подвигается къ намъ, видишь-ли ты кого-нибудь, достойнаго вниманія, ибо только это и занимаетъ мой умъ?»

Тогда онъ мнѣ сказалъ: «тотъ, борода котораго падаетъ съ подбородка на черныя плечи, когда Греція оказалась такъ опустошена,

«Что оставались лишь грудные младенцы, — былъ авгуромъ и вмѣстѣ съ Калхасомъ далъ знакъ въ Авлидѣ перерубить первый канатъ.

«Имя ему было Эврипилъ ⁸⁾; подъ этимъ именемъ его воспѣваетъ и

Демоны, выскочивъ изъ-за арки пятаго моста, стали угрожать мосу снупнику... (стр. 126).

моя высокая трагедія ⁹⁾; ты это хорошо помнишь, потому что знаешь ее всю наизусть.

«А тотъ, съ такими тощими боками носилъ имя Микаэла Скотта и дѣйствительно отлично изучилъ искусство обмановъ магін ¹⁰⁾.

«Вотъ Гвидо Вонати ¹¹⁾, а затѣмъ Асденте ¹²⁾, который теперь желалъ бы никогда не оставлять кожу и дратву, но раскаяніе это слишкомъ позднее.

«Ты видишь несчастныхъ, побросавшихъ иголки, челноки и веретена, сдѣлавшихся колдуньями и совершавшихъ заклинанія съ помощью разныхъ травъ и восковыхъ изображеній.

«Но пойдѣмъ теперь, потому что звѣзда, гдѣ помѣщается Каинъ съ своимъ пучкомъ терновика ¹³⁾, уже занимаетъ границу двухъ полушарій и касается волнъ, омывающихъ Саблію ¹⁴⁾.

«Прошлою ночью луна была круглой; ты это долженъ хорошо помнить, потому что она не была тебѣ бесполезна въ мрачномъ лѣсу» ¹⁵⁾.

Такъ говорилъ мой учитель, и мы продолжали идти впередъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДВАДЦАТОЙ ПѢСНѢ.

1) Амфіарой — сынъ Аполлона и Импернестры. Наканунѣ того дня, когда еѳо поглотила земля, онѣ пироваль съ своими военачальниками. Вдругъ надѣ нимѣ спустился орелѣ и вырваль у него изъ рукъ копье. Пролетѣвъ нѣсколько шаговѣ, орелѣ выронилѣ изъ лапъ отнятое копье, которое тутѣ же превратилосѣ въ лавровое дерево. На другой день земля разверзлась и поглотила какѣ самого воина, такѣ и коней его, вмѣстѣ съ колесницей. При жизни онѣ считался кудесникомѣ.

2) Тирезій, еивіецѣ родомѣ, прославилсѣ тѣмѣ, что, будто бы увидавѣ однажды случившуюся пару змѣй, онѣ убилѣ самку и тотчасѣ-же превратилсѣ въ женщину. Черезѣ семь лѣтъ онѣ увидалѣ другую пару змѣй въ такомѣ-же положеніи; на этотѣ разѣ онѣ убилѣ самца и снова превратилсѣ въ мужчину. Юпитерѣ и Юнона однажды спорили между собой, кѣмѣ лучше быть — мужчиной или женщиной? За рѣшеніемѣ вопроса они обратилсѣ къ Тирезію, испытавшему и то, и другое состояніе. Фивіецѣ отдалѣ предпочтеніе мужскому полу, но, чтобы не слишкомѣ сильно прогнѣвить гордую богиню, прибавилѣ, что женщина надѣлена большею чувствительностью, чѣмѣ мужчина. За это Юпитерѣ наградилѣ его даромѣ читать въ будущемѣ, но обиженная Юнона лишила его зрѣніа (Овидій, Метам. I, III).

3) Аронтѣ — знаменитый въ свое время проричатель, жившій въ горахѣ близѣ Каррары.

4) Манто, дочь Тирезіа и мать Окнуса или Біанора, была основательницей города Мантуи.

Namque sepulcrum
Incipit apparere Bianoris.

.
Qui muros matrisque dedit tibi, Mantua, nomen.
(Виргилій, Эп. кн. X).

5) Городомѣ Вакха назывались Фивы, въ Беотии.

6) Данте этимѣ описаніемѣ хочеть сказать, что въ этомѣ мѣстѣ, называемомѣ «Grade della Fame» и находящемся въ пяти миляхѣ отѣ Гарганьо, епископы изъ Трента, Врешіа и Вероны пользовались не только духовною, но и свѣтскою властью, такѣ какѣ названное мѣсто находилосѣ на границѣ ихѣ епархій, не принадлежа ни кѣ одной изъ нихѣ, но гдѣ судебная власть находилась у нихѣ въ рукахѣ.

7) Альберто Казалоди былѣ правителемѣ Мантуи. Нѣкто Пинамонтѣ де Бонакорси присовѣтоваль ему изгнать изъ управляемаго имѣ города нѣсколькихѣ знатныхѣ и вліятельныхѣ гражданѣ. Казалоди на свое несчастіе послѣдовалѣ этому коварному совѣту, вслѣдствіе чего осталсѣ совсѣмѣ безѣ приверженцевѣ и лишилсѣ власти, перешедшей затѣмѣ въ руки Пинамонтѣ.

⁸⁾ См. Энеида, книга II.

Suspensi Eurypulum scitatum oracula Phoebi Mittimus.

⁹⁾ Виргилій на томъ-же основаніи называетъ Энеиду трагедіей, на которомъ Данте свою поэму назвалъ комедіей.

¹⁰⁾ Многіе комментаторы увѣряютъ, что Микаэле Скоттъ былъ испанецъ, но другіе имѣютъ несравненно болѣе основаній утверждать, что рѣчь идетъ о шотландцѣ Скоттѣ, состоявшемъ астрологомъ при императорѣ Фридрихѣ II. Астрологъ этотъ предсказалъ императору, что тотъ умретъ во Флоренціи, и онъ дѣйствительно умеръ въ мѣстечкѣ Фіоренцуолѣ (Малой Флоренціи).

¹¹⁾ Гвидо Бонати, кудесникъ изъ города Форли, написалъ сочиненіе объ астрологіи; комментаторъ Даніелло увѣряетъ, будто видѣлъ эту книгу собственными глазами. Графъ Гвидо Монтэфельтро жестоко поплатился за то, что повѣрилъ этому всевѣдущему волхву.

¹²⁾ Ранѣе, чѣмъ заняться магіей, Асденте былъ въ Пармѣ сапожникомъ. Не долго думая, сапожникъ этотъ, несмотря на свое полное невѣжество, сдѣлался прорицателемъ. Онъ-то предсказалъ Фридриху II, что тотъ вынужденъ будетъ прекратить осаду Пармы, что и произошло на самомъ дѣлѣ. Далѣе Данте говоритъ о колдуньяхъ огуломъ, не называя по имени ни одной изъ нихъ.

¹³⁾ Звѣзда эта—луна. Простонародіе, современное Данте, воображало, будто на дискѣ мѣсяца они видятъ Каина съ взваленной ему на спину вязанкой колючаго хвороста. Этимъ оно объясняло себѣ пятна, видимыя на лунѣ.

¹⁴⁾ Сабиліи—небольшой городокъ, на западномъ берегу Адриатическаго моря.

¹⁵⁾ Предполагается, что Данте совершилъ свое сошествіе въ адъ въ ночь съ 4 на 5 апрѣля 1300 года. По исчисленіямъ астрономовъ, въ эту ночь дѣйствительно было полнолуніе.

На своихъ высокихъ и костлявыхъ плечахъ онъ несъ грѣшника, крѣпко держа его за ноги... (стр. 125).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Пятая яма восьмого круга, служащая мѣстомъ наказанія какъ для тѣхъ, кто изъ угожденія коронованнымъ и высокопоставленнымъ лицамъ кривилъ душою въ дѣлахъ правосудія, такъ и вообще для всѣхъ обманщиковъ и нарушителей данного слова. Виноватые погружены въ кипящую смолу; дѣлая толпа демоновъ при помощи вилъ обратно толкаютъ въ смолу тѣхъ, кто пытается выплыть наружу. По этому поводу—описание венеціанскаго арсенала. Демоны, замѣтивъ приближающихся Данте и Виргилія, готовы съ ожесточеніемъ броситься на поэтовъ, но Виргилій укрощаетъ ихъ ярость. Главный начальникъ чернаго отряда сообщаетъ пришельцамъ, что находящійся далѣе самородный мостъ сломанъ и что переправа черезъ него поэтому невозможна. Онъ указываетъ какъ слѣдуетъ обойти это мѣсто, и назначаетъ конвой изъ демоновъ, обязанныхъ сопровождать обоихъ путниковъ.

Такъ, переходя съ одного моста на другой и бесѣдуя о предметахъ, о которыхъ моя поэма не имѣетъ нужды пѣть, мы промчались впередъ и достигли середины пятой ямы, когда

Мы остановились, чтобы посмотрѣть на другую яму Малобольдже и другіе напрасные стоны; она мнѣ показалась чрезвычайно темной.

Какъ въ венеціанскомъ арсеналѣ зимой кипить тягучая смола, предназначенная для просмоленія испорченныхъ судовъ,

На которыхъ нельзя плавать, и въ то время, какъ одни сооружаютъ новыя судна, а другіе смолятъ бока того, которое не разъ уже путешествовало;

Когда молотокъ стучитъ отъ носовой части до кормы, когда одинъ обдѣлываетъ весла, а другой вѣетъ канаты изъ пеньки; когда одинъ устанавливаетъ фокъ-мачту, а другой работаетъ надъ бизаномъ,

Также, не посредствомъ огня, но по божественной волѣ кипѣло внизу густое вещество, сочившееся по стѣнамъ ямы, со всѣхъ сторонъ.

Я видѣлъ эту смолу, но видѣлъ на ея поверхности только клокотаніе расплавленнаго вещества; оно вздувалось, а потомъ опадало.

Въ то время, какъ я внимательно смотрѣлъ внизъ, мой проводникъ, увидя меня съ моста, гдѣ я находился, сказалъ: «берегись! берегись!»

Тогда я обернулся, какъ человѣкъ, который спѣшить увидать то, чего онъ долженъ бояться, и которымъ овладѣваетъ внезапный страхъ

И который, глядя, все-таки бѣжитъ. И я увидѣлъ позади насъ чернаго діавола, бѣгущаго по мосту.

О, какъ его видъ былъ ужасенъ! Какъ онъ мнѣ казался угрожающимъ своими жестами, съ распущенными крыльями, быстро передвигая ногами!

На своихъ высокихъ и костлявыхъ плечахъ онъ несъ грѣшника, крѣпко держа его за ноги.

Съ нашего моста онъ кричалъ: «эй, Малебранке! ¹⁾ вотъ одинъ изъ старѣйшихъ обитателей Святой Зиты ²⁾, бросьте его въ яму;

«Я возвращаюсь въ ту землю, которая наполнена ими; тамъ все мошенники, за исключеніемъ Бонтуро ³⁾; тамъ за деньги изъ *нѣтъ* сдѣлаютъ да».

Онъ бросилъ грѣшника внизъ и пустился бѣжать, снова бѣжать по скалѣ, и никогда еще спущенный съ цѣпи пещъ не преслѣдовалъ съ такимъ жаромъ вора.

Несчастный погрузился въ смолу и сейчасъ-же всплылъ со скрюченной спиной, но демоны, защищаемые мостомъ, воскликнули: «здѣсь нѣтъ Святого Изображенія ⁴⁾),

«Здѣсь не такъ плаваютъ, какъ въ Серкіо ⁵⁾); если ты не хочешь попробовать нашихъ когтей, то не приподымайся надъ поверхностью смолы».

Потомъ онъ подхватилъ его сотнею виль, говоря: «ты долженъ плясать подъ защитой, а если можешь торговать совѣстью, то дѣлай это тайно».

Такъ повара приказываютъ своимъ подручнымъ погружать въ котель своими желѣзными прутьями варящееся мясо, чтобы оно не всплывало на поверхность кипятка.

Добрый учитель сказалъ мнѣ: «для того, чтобы другіе не видѣли тебя, спрячься за скалу, которая бы тебѣ служила убѣжищемъ.

«И какихъ бы оскорбленій мнѣ ни наносили, не бойся ничего, потому что я все это знаю: я уже былъ въ подобной передрагѣ» ⁶⁾).

Потомъ онъ прошелъ черезъ мостъ; но когда подошелъ къ шестой ямѣ, онъ долженъ былъ вооружиться еще большимъ мужествомъ.

Съ бѣшенствомъ и грозой, съ которыми псы бросаются на бѣднаго нищаго, который останавливается и просить милостыню,

Выскочили демоны изъ-подъ арки моста и направили на него всѣ свои вилы; но онъ воскликнулъ: «не смѣйте бунтовать!

«Прежде, чѣмъ тронуть меня, пусть одинъ изъ васъ подойдетъ и выслушаетъ меня; а потомъ пускай подцѣпляетъ своей вилой, если посмѣетъ».

Всѣ крикнули: «стунай, Малакода!» ⁷⁾ Сейчасъ-же одинъ изъ нихъ выступилъ, а другіе остановились поодаль, — и онъ подошелъ, говоря: «что тебѣ нужно?»

«Думаешь-ли ты, Малакода, — сказалъ учитель — чтобы я рѣшился придти сюда, зная вашу лютость,

«Безъ приказаній свыше и безъ благопріятныхъ обстоятельствъ? Не мѣшай мнѣ продолжать путь, ибо на небѣ хотятъ, чтобы я кое-кому показалъ эту ужасную дорогу».

Заносчивость демона сразу была побѣждена; онъ бросилъ свою вилу и сказалъ другимъ: «увы! не преслѣдуйте его!»

Тогда мой спутникъ сказалъ мнѣ: «о, ты, скрывающійся за выступомъ скалы, подойди ко мнѣ безъ всякой боязни».

Я поднялся и подбѣжалъ къ нему, но демоны обступили меня со всѣхъ сторонъ, такъ что я боялся, что они измѣнять данному слову.

Такъ именно я видѣлъ, какъ дрожали вонны, которые послѣ сдачи вышли изъ Капроны, видя себя окруженными столькими врагами ⁸⁾.

Я всѣмъ тѣломъ прижался къ моему спутнику и не спускалъ глазъ съ ихъ лицъ, не внушавшихъ никакого довѣрія.

Они опустили свои вилы и говорили между собою: «хочешь, я поподчую его вилой?» И они отвѣчали: «да, хватимъ его немного!»

Но тотъ демонъ, который разговаривалъ съ моимъ спутникомъ, обратился къ нимъ и сказалъ: «смирно, Скармильоне!» ⁹⁾

Потомъ онъ сказалъ намъ: «по этой скалѣ вамъ нельзя идти дальше, потому что шестая арка обрушилась и лежитъ на днѣ ¹⁰⁾.

«Но если хотите идти дальше, то пройдите черезъ эту пещеру; за нею вы увидите другой мостъ, по которому можете пройти.

«Вчера исполнились безъ пяти часовъ ровно тысяча двѣсти шестьдесятъ шесть лѣтъ, какъ обрушился этотъ мостъ ¹¹⁾.

«Я отправляю одного изъ моихъ въ ту сторону посмотрѣть, не высовываютъ-ли грѣшники головъ изъ кипящей смолы; идите съ ними, они вамъ вреда не сдѣлаютъ.

«Ступай впередъ, Аликино, и ты, Калькабрина, началъ онъ перечислять, и ты, Каньянцо; Барбаричіа будетъ начальствовать.

«Пусть также отправляются Либкокко и Драгиньяццо, Чпріатто клыкастый и Графіакане, и Фарфарелло, и безумный Рубиканте ¹²).

«Идите по берегу смоляного потока, а эти пусть будутъ въ безопасности до другого моста, который еще виситъ надъ бездною».

«О, учитель, что я вижу?—сказаль я;—если тебѣ извѣстна дорога, пойдемъ по ней одни, безъ этихъ провожатыхъ, мнѣ они не нужны.

«Если ты также остороженъ, какъ всегда, то взгляни, какъ они скрежещуть зубами и какъ они угрожаютъ намъ взглядами».

Но онъ сказаль мнѣ: «не бойся ничего; пусть себѣ скрежещуть зубами. Ихъ ожесточеніе направлено противъ несчастныхъ, горящихъ въ смолѣ».

Они повернули налѣво, но прежде каждый изъ нихъ засунулъ свой языкъ между зубами, какъ бы условливаясь съ своимъ начальникомъ въ чѣмъ-то.

А этотъ изъ своей з сдѣлалъ трубу.

Тогда Графіакане, ближе других находившійся къ грѣшнику, захватилъ его
вилами за слипшіеся отъ смолы волосы... (стр.131)

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЙ ПѢСНѢ.

1) Малевранке—общее имя, которое Данте даетъ всѣмъ демонамъ въ пятой ямѣ адскаго круга. Оно составлено изъ двухъ итальянскихъ словъ, означающихъ въ буквальномъ переводѣ «проклятые когти».

2) Городъ Святой Зиты, т. е. городъ Лукка, гдѣ особенно чтима Св. Зита. Коментаторъ Франческо Бути предполагаетъ, что въ этомъ мѣстѣ Данте намекаетъ на Мартини Ботаи, одного изъ луккскихъ судей, славившагося своимъ лицепріятіемъ и непомернымъ корыстолюбіемъ.

3) Насмѣшка противъ того Бонто Вонтуро, изъ рода Дати, который считался самымъ продажнымъ человѣкомъ во всей Луккѣ.

4) По увѣреніямъ жителей Лукки, въ одной изъ церквей (San-Martino) хранится икона Иисуса Христа, написанная Никодимомъ, однимъ изъ учениковъ Спасителя.

5) Серкіо—рѣка, протекающая по луккской провинціи.

6) Пусть читатель вспомнить, что Virgilій говоритъ въ IX пѣснѣ.

7) Малакода, въ буквальномъ переводѣ, — «проклятый хвостъ».

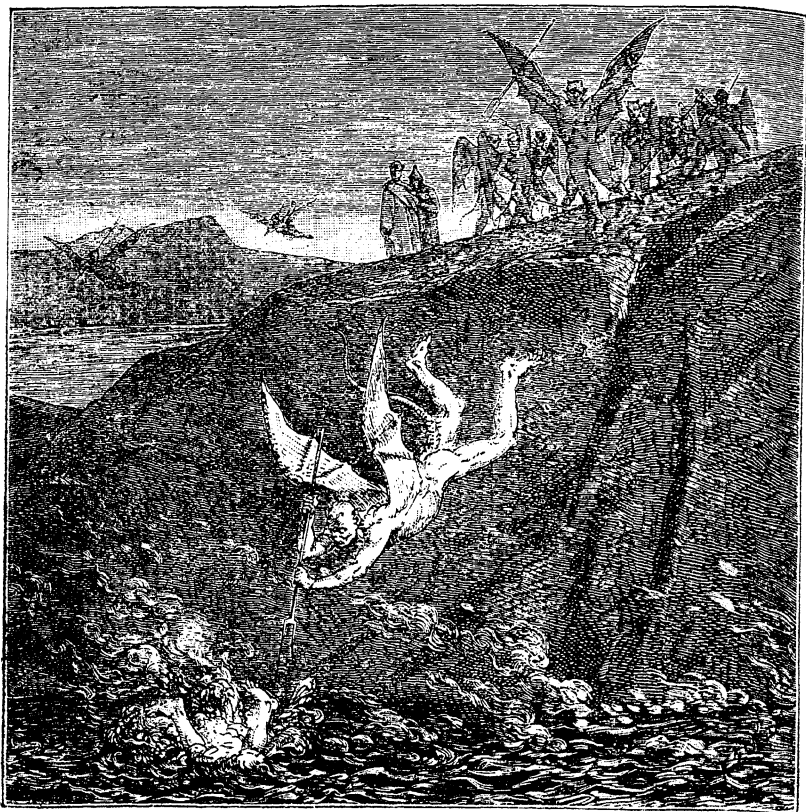
8) Капрона—название укрѣпленнаго замка, стоявшаго почти на самомъ берегу рѣки Арно и принадлежавшаго пизанцамъ. Войска Лукки завладѣли этимъ замкомъ и залерлись въ немъ, но пизанцы осадили его снова и заставили капитулировать находящійся въ немъ гарнизонъ. Пока, не надѣявшись на мирный договоръ, сдавшійся и безоружныя войска, возвращаясь въ отечество, проходили мимо лагеря непріятели, побѣдители оскорбили побѣжденных и намѣревались даже перерѣзать ихъ всѣхъ, но ихъ отъ этого удержалъ графъ Гвидо, благодаря которому побѣжденные могли благополучно вернуться въ отечество.

9) Имя демона, означающее: «вырывающій волосы».

10) Шестой мостъ дѣйствительно обрушился, но, какъ читатель увидитъ, никакого другого моста не оказалось. Малакода, ради злой шутки, обманулъ обоихъ спутниковъ.

11) Тѣ 1266 лѣтъ, о которыхъ говоритъ Малакода, еще разъ доказываютъ, что Данте свое воображаемое сошествіе въ адъ относитъ къ 1300 году и какъ будто приписываетъ разрушеніе моста землетрясенію, происшедшему въ самый моментъ смерти Христа. Спаситель умеръ 34 лѣтъ. Если прибавить число 34 къ 1266, то получится ровно 1300.

12) Аликино—заставляющій склоняться другихъ (*qui alios inclinat*), Каянццо—злая собака, Барбариччіа — щетинистая борода, Либикокко—страстное желаніе, Драгиньяццо—ядъ дракона, Чириатто Саннато—кабаній клыкъ, Калькабрина — топчущій росу, т. е. божественную благодать, Графіакане—кусающая собака, Фарфарелло—шарлатанъ, Рубиканте—воспламененный.

Рубинянте, постарайся погрузить свои когти въ его спину... (стр. 132).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Продолженіе пятой ямы. Комическій эпизодъ: одинъ изъ грѣшниковъ, родомъ изъ Наварры, нечаянно высовываетъ голову изъ смоляного озера; демоны готовы подхватить его вилами и растерзать на части, но грѣшникъ отдѣлывается отъ нихъ посредствомъ хитрости. Онъ исчезаетъ въ горящихъ волнахъ. Демоны гоняются за нимъ, но не могутъ его поймать. Они сталкиваются другъ съ другомъ, дерутся между собою и, наконецъ, сами сваливаются въ горящую смолу.

Мнѣ уже случилось видѣть всадниковъ, съ важностью выѣзжавшихъ изъ лагеря въ открытое поле, начинающихъ битву и затѣмъ обратившихся въ бѣгство;

Видѣлъ я также, какъ фуражиры опустошали вашу страну, аретинцы, видѣлъ, какъ благородные рыцари на турнирахъ вступали въ бой другъ съ другомъ,

То при звукахъ трубъ, то при звукахъ колоколовъ, при раскатахъ барабана, съ таинственными знаками, которые осажденные въ замкахъ войска подавали своимъ союзникамъ ¹⁾).

Но никогда еще мнѣ не случалось видѣть ни всадниковъ, ни пѣхотинцевъ, ни судовъ, сообщающихся съ землей знаками, которые бы двигались при звукахъ столь страшнаго гобоя ²⁾).

Мы шли въ сопровожденіи десяти демоновъ. Какое ужасное общество! Но въ церкви встрѣчаешься съ людьми благочестивыми, а въ кабакахъ — съ пьяницами.

Однако мои взоры были попрежнему обращены на смолу, чтобы хорошенько разсмотрѣть всѣ подробности ямы и тѣхъ, которые такъ мучились.

Подобно дельфинамъ, когда они, изгибая хребты, выскакиваютъ изъ воды и предостерегаютъ моряковъ о томъ, что пора спасать судно,

Такъ, по временамъ, ради минутнаго облегченія, нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ высовывали на поверхность свои спины и тотчасъ же, съ быстротою молніи, снова погружались въ жидкость;

И какъ на берегу воды какого-нибудь рва лягушки выставляютъ наружу голову, пряча остальную часть тѣла въ водѣ.

Такъ сидѣли со всѣхъ сторонъ грѣшники; но какъ только подходилъ къ нимъ Барбариччіа, они сейчасъ-же погружались опять въ кипящую смолу.

Я увидѣлъ, и отъ этого воспоминанія сердце мое и теперь еще трепещетъ, одного изъ нихъ опоздавашаго, какъ бываетъ, что и лягушка запаздываетъ кинуться въ воду.

И вотъ Грифіакане, ближе другихъ находившійся къ грѣшнику, захватилъ его вилами за слипшіеся отъ смолы волосы и вытащилъ его, какъ вытаскиваютъ изъ воды рыбу.

Я уже зналъ имена всѣхъ этихъ демоновъ, потому что замѣтилъ ихъ, когда ихъ выбирали, и слышалъ, какъ они другъ друга называли.

«Рубиканте, постарайся погрузить свои когти въ его спину и разорви его въ клочки!» кричали всѣ вмѣстѣ демоны.

Тогда я сказалъ: «учитель, не можешь-ли ты узнать, кто тотъ несчастный, который попался теперь во власть своихъ враговъ?»

Мой спутникъ подошелъ къ нему и спросилъ его, откуда онъ родомъ. Тотъ отвѣчалъ: «я родился въ королевствѣ Наварскомъ³⁾».

«Моя мать опредѣлила меня на службу къ знатному человѣку; она родила меня отъ развратника, который разстроилъ ея здоровье и растратилъ ея состояніе.

«Потомъ я былъ своимъ человѣкомъ у добраго короля Тибальда и сталъ прибѣгать къ мошенничествамъ, которыя теперь и искупаю въ этомъ котлѣ».

И Чириатто, у котораго изъ рта, какъ у кабана, торчали два клыка, далъ ему почувствовать, какъ они рвутъ тѣло.

Въ когти злыхъ кошекъ попали мыши; но Барбариччіа остановилъ демона и сказалъ: «пообождите здѣсь, пока я вздерну его на вилы».

Потомъ онъ обратился къ моему спутнику: «пораспроси его — сказалъ онъ — если хочешь узнать отъ него что-нибудь еще, пока его не растерзали».

Тогда мой спутникъ сказалъ: «такъ скажи мнѣ—среди другихъ грѣшниковъ есть-ли люди латинской расы?» Онъ отвѣчалъ: «я только что видѣлъ одного,

«Который былъ къ ней близокъ. Ахъ, отчего я теперь не съ нимъ! Я бы не боялся ни дьявольскихъ когтей, ни вилъ».

Либикокко воскликнулъ: «будетъ тебѣ болтать», и вцѣпилъ когтями въ его предплечіе и вырвалъ у несчастнаго кусокъ мяса.

Драгиньяццо хотѣлъ тоже схватить его за ногу, но ихъ декуріонъ бросилъ на нихъ грозный взглядъ.

Когда они нѣсколько успокоились, мой спутникъ снова обратился къ грѣшнику, разсматривающему еще свою рану:

«Кто тотъ, котораго ты оставилъ, когда попалъ сюда?» Тотъ отвѣчалъ: «это былъ братъ Гомита,

«Управитель Галлуры, сосудъ нечестія, онъ въ своихъ рукахъ имѣлъ враговъ своего господина, и сдѣлалъ такъ, что всѣ они были въ восторгѣ отъ него ⁴⁾).

«Онъ взялъ съ нихъ золото и отпустилъ ихъ на свободу, какъ самъ сказалъ; и въ другихъ своихъ должностяхъ онъ былъ не простымъ обманщикомъ, а царемъ воровъ.

«Съ нимъ часто бесѣдуетъ донъ Микаэле Занке изъ Логодоро, и ихъ языки никогда не устаютъ говорить о Сардиніи ⁵⁾).

«Увы! Посмотри на того, который скрежещетъ зубами. Я бы сказалъ тебѣ еще кое-что, но боюсь, что они приготовляются почесать мою шкуру».

И наибольшій обратился къ Фарфарелло, который сверкалъ глазами, желая его ударить, и воскликнулъ: «убирайся прочь, скверная птица!

«Если ты хочешь видѣть и слышать тосканцевъ и ломбардцевъ,—сказалъ снова испуганный грѣшникъ—то я призову ихъ,

«Но пусть Малевранке отойдутъ въ сторону, чтобы товарищи мои не боялись ихъ злобы, а я, сидя въ этомъ мѣстѣ.

«Одинъ вызову семерыхъ, свистнувъ, какъ это у насъ въ обычаѣ, когда одинъ изъ насъ высовываетъ голову на поверхность».

При этихъ словахъ, Каньяццо поднялъ рыло и, покачавъ головой, сказалъ: «обратите вниманіе на хитрость, которую онъ придумалъ, чтобы юркнуть въ глубину!»

Тогда тѣнь, изобрѣтательная на всякія хитрости, отвѣчала: «да, конечно, я хитеръ, когда подвергаю своихъ товарищей такой страшной опасности».

Аликино не сдержался и, противорѣча другимъ, сказалъ: «если

ты попробуешь ускользнуть, я буду преслѣдовать тебя сзади во всю прыть,

«И однимъ взмахомъ крыльевъ спущусь къ смолѣ. Мы тебѣ оставляемъ скалу, какъ защиту, и посмотримъ, можешь ли ты справиться съ нами».

«О, ты, который меня читаешь, приготовься къ новой неожиданности». Всѣ демоны отвернули голову въ другую сторону, и первый изъ нихъ былъ тотъ, который обнаружилъ недоверіе.

Наварецъ ловко воспользовался минутой; онъ укрѣпился ногами въ землю и, быстро прыгнувъ, спасся отъ ожидавшей его кары.

Демоны были въ негодованіи, но больше всѣхъ тотъ, кто первый дался обману. Вотъ почему онъ кинулся впередъ, крича: «я изловлю тебя!»

Но старанія его оказались тщетными: его крылья не могли сравняться съ крыльями страха; одинъ погрузился въ смолу, а другой, остановившись на поверхности, повисъ въ воздухѣ.

Такъ, когда соколъ приближается, дикая утка мгновенно ныряетъ, и соколъ возвращается, пристыженный и усталый.

Калькабрина, взбѣшенный обманомъ, полетѣлъ за демономъ; обрадованный тѣмъ, что тѣнь скрылась, онъ хотѣлъ наброситься на демона.

И когда издоимецъ исчезъ, онъ обратилъ свои когти противъ своего товарища и вонзилъ ихъ въ его тѣло надъ поверхностью кипящей смолы.

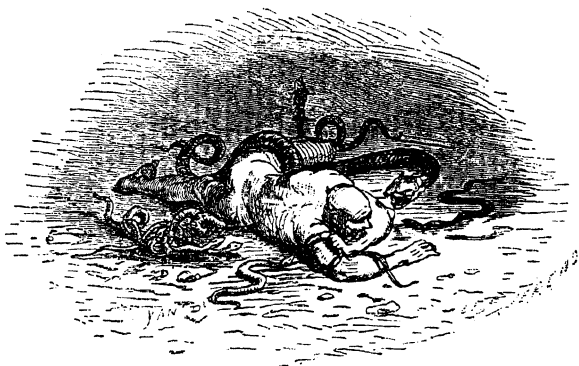
Но тотъ, какъ настоящій ястребъ, пустилъ также въ ходъ свои когти, и оба свалились въ кипящую смолу.

Жаръ мгновенно успокоилъ ихъ, но вынырнуть они не могли, потому что ихъ крылья были облѣплены смолой.

Барбаричча, огорченный этой ссорой, какъ и всѣ другіе демоны, приказалъ четыремъ отправиться на другой берегъ бездны съ ихъ вилами.

Они быстро спустились къ указанному мѣсту и протянули свои вилы демонамъ, попавшимъ въ смолу, на половину уже сжареннымъ.

Мы ихъ оставимъ на волю судьбы.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ПѢСНѢ.

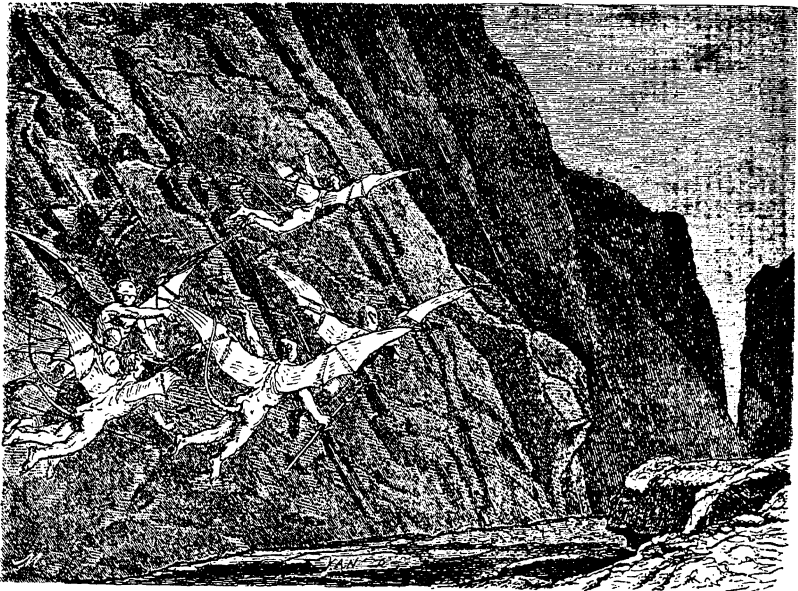
¹⁾ Однимъ изъ позднѣйшихъ комментаторовъ Данте, де-Ромонисомъ, былъ возбужденъ вопросъ, существовало-ли во времена великаго поэта нѣчто въ родѣ телеграфовъ, конечно, не электрическихъ? На это можно отвѣчать утвердительно. Изъ замковъ, стоящихъ на высотахъ, подавались посредствомъ огней сигналы, сообщавшіе кому слѣдуетъ о томъ, что происходило въ этихъ замкахъ. Переводчикъ Данте, Арто де-Монтаръ, еще въ 1807 году, самъ описываетъ, какъ подавались такіе сигналы.

²⁾ Слова, которыми Данте заканчивалъ предъидущую пѣсню, нельзя считать проскользнувшими случайно. Поэтъ и въ этой главѣ повторяетъ, что сказано было въ двадцать первой.

³⁾ Въ эту минуту съ Виргилиемъ разговариваетъ Джамполо, сынъ знатной наварской дѣвушки; вышедшей замужъ за человѣка не только низкаго происхожденія, но и порочнаго, который очень скоро разстроилъ ея здоровье и состояніе. Сына своего она опредѣлила ко двору короля Тибальда, который осыпалъ милостями этого недостойнаго слугу, торговавшаго должностями и правосудіемъ и вообще причинившаго своему благодѣтелю много неприятностей.

⁴⁾ Гомита, сардинскій монахъ, вкрался въ довѣріе къ Нино Висконти, правителю сардинскаго города Галлуры. Пользуясь довѣріемъ Висконти, Гомита, при всякомъ удобномъ случаѣ, ради денегъ, измѣнялъ его интересамъ.

⁵⁾ Донъ Микаэле Занке, сенешаль города Логодоро, былъ извѣстенъ своимъ взяточничествомъ. Не довольствуясь этимъ, онъ обольстилъ Аделизю, вдову логодорскаго государя, такъ что мздоимецъ долго царилъ надъ этою частью Сардиніи.

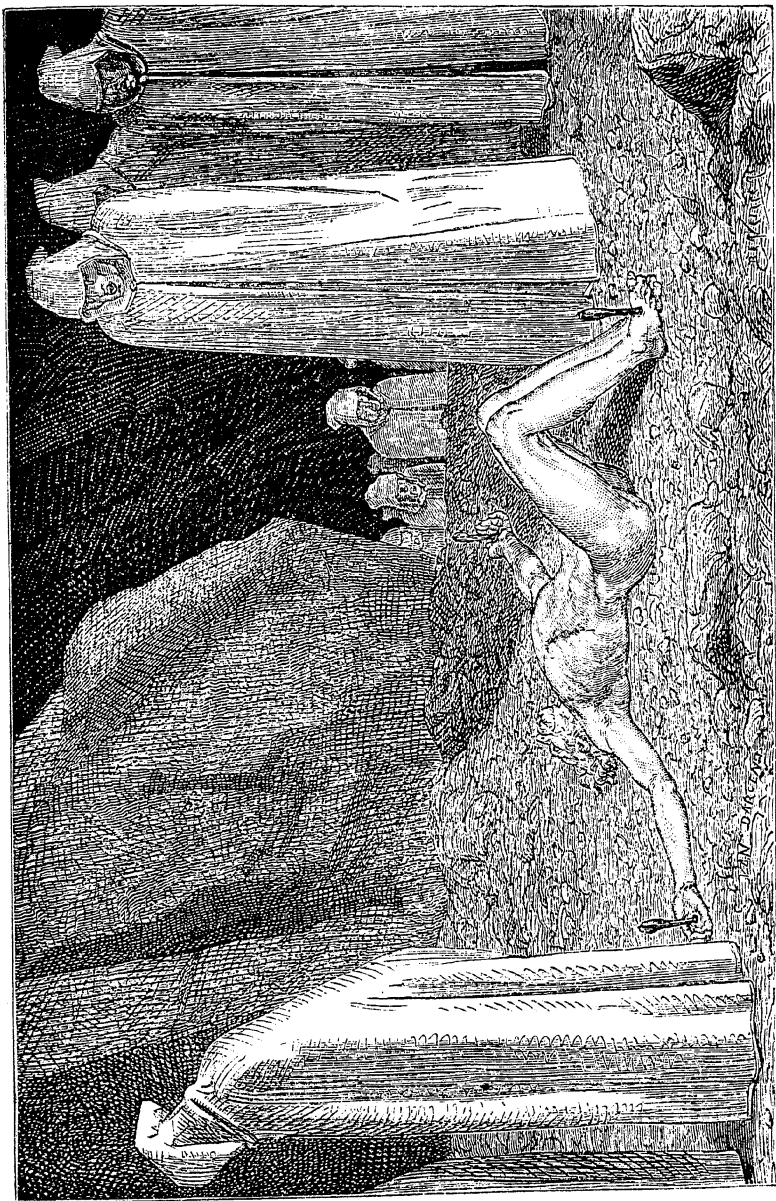

Едва онъ успѣлъ проговорить эти слова, какъ я увидѣлъ, что демоны, распу-
стивъ крылья, летать за нами... (стр. 137).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Освободившись отъ конвоя, Данте проникаетъ въ шестой кругъ, гдѣ пребы-
ваютъ лицемѣры и пустосваты. Движенія осужденныхъ тѣней очень мед-
ленны. Всѣ онѣ съ головы до ногъ закутаны въ широкія и длинныя мантии,
сіяющія издали блестящею позолотою, но тяжесть которыхъ невыносима.
Данте обращается съ вопросами сначала къ одной изъ этихъ тѣней, а потомъ
къ другой. Оказывается, что обѣ онѣ на землѣ принадлежали къ монастыр-
ствующей братіи и именно къ ордену «Fratī godenti». Далѣе онъ видитъ
распятую на крестѣ и лежащую на землѣ тѣнь, которую другія тѣни попи-
раютъ ногами. Это Кайафа, іудейскій первосвященникъ. Въмѣсто того, чтобы,
подобно другимъ, быть осужденнымъ носить свинцовую мантию, онъ подверг-
нутъ той же казни, на которую самъ онъ осудилъ Христа. Всѣ члены санхе-
дина, участвовавшіе въ произнесеніи безбожнаго приговора, осуждены на
ту-же пытку.

Одни, молча, безъ конвоя, мы шли одинъ за другимъ, какъ ходять
по дорогамъ братія Минориты.

У самых ног своих я увидалъ распятаго челоуѣка, пригвожденнаго тремя колами... (стр. 138).

По поводу только-что видѣнной борьбы я припомнилъ басню Езопа, въ которой онъ говоритъ о лягушкѣ и крысѣ.

Объ частицы *то* и *issa* такое, казалось мнѣ, имѣли отношеніе между собой, какое имѣли съ баснею начало и конецъ этой драки ¹).

А такъ какъ изъ одной мысли рождаются другія, то та, которая возникла изъ первой, удвоила мой первый страхъ.

Я думалъ такъ: «эти демоны были обмануты по нашей причинѣ такъ зло и жестоко, что они должны очень сильно страдать.

«Если злоба увеличитъ ихъ злую волю, они расправятся съ нами такъ же жестоко, какъ борзая собака расправляется съ зайцемъ, схвативъ его за горло».

Отъ страха у меня волосы становились дыбомъ; я внимательно посмотрѣлъ назадъ и сказалъ: «учитель, если ты насъ не спрячешь

«Тебя и меня сейчасъ-же, я боюсь этихъ Малевранке; они уже идутъ за нами по пятамъ, и я представляю ихъ себѣ такъ же живо, какъ еслибы уже слышалъ ихъ».

Онъ мнѣ отвѣтилъ: «еслибы я былъ стекломъ со свинцомъ, положеннымъ съ одной стороны, я бы не такъ скоро привлекалъ твой образъ ко мнѣ, какъ быстро проникаю внутрь твоей души.

«На этотъ разъ твоя мысль встрѣтилась съ моею подъ тою-же формою и съ тѣми-же чертами, такъ что я обратился за совѣтомъ, какъ къ тебѣ, такъ и къ себѣ.

«Если откосъ, который мы видимъ направо, достаточно отлогъ и позволить намъ спуститься въ другую яму, то мы избѣгнемъ погони, которой ты страшншься».

Едва онъ успѣлъ проговорить эти слова, какъ я увидѣлъ приближавшихся демоновъ съ распушенными крыльями, уже близко отъ насъ, съ желаніемъ поймать насъ.

Торопливо мой спутникъ взялъ меня на руки, какъ мать, разбуженная шумомъ и видя пламя вокругъ,

Взять своего сына на руки и бѣжить и не останавливается, больше озабоченная имъ, чѣмъ собою, и одѣтая въ одну лишь рубашку, —

Онъ спустился съ верхушки вдоль крутого утеса, замыкающаго собою одну сторону равнины.

Вода, текущая въ каналѣ, приводящая въ движеніе колесо мельницы, не такъ быстро устремляется къ колесу,

Какъ спустился внизъ съ откоса учитель, неся меня на своей груди, какъ сына, а не какъ товарища.

Едва лишь наши ноги коснулись земли, какъ демоны показались на вершинѣ утеса, надъ нашими головами; но я уже не боялся ихъ.

Ибо премудрое Провидѣніе, сдѣлавшее ихъ сторожами пятой ямы, не дозволяетъ имъ выходить оттуда.

Тамъ мы нашли блестящія тѣни, медленно двигавшіяся и плачущія, удрученныя, очевидно, горемъ и страданіемъ.

Онѣ одѣты были въ широкія мантии со спускавшимися на глаза капюшонами, напоминавшими собой капюшоны, которые носятъ кельнскіе монахи²⁾.

Съ виѣшней стороны эти капюшоны позолочены, такъ что они казались очень блестящими; но изнутри они подбиты свинцомъ и такъ тяжелы, что мантии Фридриха, по сравненію, показались бы соломенными³⁾.

О, мантии вѣчно давящія! Мы снова повернули налѣво и пошли съ ними рядомъ, слушая ихъ стоны.

Но эти несчастныя души шли такъ медленно подъ тяжестью своихъ мантий, что мы съ каждымъ шагомъ мѣняли спутниковъ.

И я сказалъ своему руководителю: «пойщи такую тѣнь, имя и доля которой мнѣ были бы извѣстны; и идя, внимательно смотри вокругъ себя».

И одинъ изъ нихъ, который узналъ тосканскую рѣчь, воскликнулъ сзади меня: «замедлите ваши шаги, вы, которые такъ быстро разсѣкаете мрачный воздухъ»;

«Можетъ быть ты и узнаешь отъ меня, что хочешь знать». Тогда мой спутникъ обратился и сказалъ: «подожди его и принорови свои шаги къ его медленной походкѣ».

Я остановился и увидѣлъ двухъ грѣшниковъ, по лицу которыхъ я замѣтилъ большое желаніе присоединиться къ намъ; но ихъ шаги замедлялись вслѣдствіе тяжести ноши и узкой дороги.

Когда они подошли ко мнѣ, они искоса посмотрѣли на меня, не говоря ни слова; потомъ, повернувшись одинъ къ другому, сказали:

«Этотъ, судя по движенію горла, живой; а если они умерли, то по какому преимуществу они освобождены отъ тяжелой мантии?»

Потомъ сказали мнѣ: «а, тосканецъ, ты дошелъ до печальнаго собранія лицемѣровъ; скажи намъ, кто ты?»

Я отвѣтилъ имъ: «я родился и возросъ на берегахъ прекрасной рѣки Арно, въ большомъ городѣ⁴⁾, и здѣсь ношу ту тѣлесную оболочку, которую всегда носилъ».

«Но вы, со щекъ которыхъ струится такое страшное страданіе, кто вы? И какая тяжесть такъ блеститъ на васъ?»

И одинъ изъ нихъ мнѣ отвѣтилъ: «эти желѣзные мантии такъ тяжелы, что онѣ придавливаютъ насъ такъ же, какъ тяжесть придавливаетъ вѣсы».

«Братьями Годенти⁵⁾ мы были, и болонцы. Мое имя было Каталано, а его — Лодеринго⁶⁾. Твоимъ городомъ мы были избраны управителями,

«Слѣдуя обычаю выбирать во власть человѣка безъ убѣжденій, ради спокойствія; и мы сохранили его, какъ это можно видѣть около Гардинго».

Тогда я сказалъ: «о, братія, ваши прес...» Но я ничего больше не сказалъ, потому что мои взоры встрѣтили человѣка, пригвожденнаго ко кресту тремя колами⁷⁾.

Какъ только онъ меня увидѣлъ, онъ сталъ корчиться, вздыхая въ свою бороду, и братъ Каталано, замѣтивъ это,

Сказаль мнѣ: «этотъ пригвожденный, на котораго ты смотришь, увѣрилъ фарисеевъ, чтобы одинъ человѣкъ подвергся мученіямъ за народъ.

«Теперь онъ лежитъ голый поперекъ дороги, какъ ты видишь, и онъ долженъ чувствовать, какъ тяжелъ всякій изъ тѣхъ, которые здѣсь проходятъ.

«Тестъ обреченъ на ту же казнь въ этой ямѣ, какъ и всѣ члены санhedрина, которые были для евреевъ сѣменемъ ихъ несчастій».

Я замѣтилъ тогда Виргилія, который съ удивленіемъ разсматриваль того, который былъ такъ позорно растянутъ на крестѣ въ вѣчномъ изгнаніи⁸⁾).

Потомъ обратился къ брату съ такими словами: «будь такъ добръ, скажи намъ, если тебѣ это дозволено, есть-ли на правой сторонѣ какой-либо выходъ,

«Черезъ который мы бы могли выйти оба, не заставляя черныхъ ангеловъ выводить насъ изъ этой бездны?»

Тотъ отвѣчалъ: «гораздо ближе, чѣмъ ты думаешь, возвышается скала, которая начинается у великой стѣны и которая проходитъ черезъ всѣ мрачныя равнины;

«Но она разрушена въ этомъ мѣстѣ и дальше не продолжается. Но вы можете пройти по развалинамъ, лежащимъ на склонѣ и покрывающимъ дно».

Мой спутникъ склонилъ голову и потомъ сказалъ: «какъ обманулъ насъ тотъ, который поддѣпляеть на вилѣ грѣшниковъ!»

А братъ сказалъ: «въ Болоньи я слышалъ перечисленіе всѣхъ пороковъ демоновъ, и между другими пороками ихъ обвиняли въ томъ, что они обманщики и отцы лжи⁹⁾».

Тогда мой спутникъ пошелъ быстрыми шагами, съ лицомъ, искаженнымъ отъ гнѣва. Я оставилъ грѣшниковъ, одѣтыхъ въ тяжелыя мантии,

Слѣдуя по слѣдамъ его дорогихъ ногъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНѢ.

1) Слова: *mo* и *issa*—синонимы, означающіе «теперь» или «сейчасъ».

2) Въ средніе вѣка рассказывали, что въ Кельнѣ существовалъ настоятель монастыря такой тщеславный и нахальный, что онъ просилъ у папы позволенія носить его монахамъ красныя мантии, пояса, шпory и стремена изъ позолоченнаго серебра. Эта просьба такъ взбѣсила папу, что онъ приказалъ, чтобы аббатъ и его монахи впредь носили черныя, сквернаго покрова мантии и деревянные пояса и шпory.

3) Императоръ Фридрихъ не разъ приказывалъ надѣвать на провинившихся противъ него людей свинцовыя мантии и въ этомъ нарядѣ виноватыхъ бросали въ котлы, подъ которыми горѣли дрова.

4) Большой городъ, о которомъ здѣсь говорится,—Флоренція.

5) Нѣсколько человекъ, принадлежавшихъ къ итальянскому дворянству, испросили у папы Урбана IV дозволеніе основать монашескій орденъ во имя Святой Маріи, увѣряя, будто цѣль ордена будетъ состоять въ борьбѣ съ невѣрными и въ преслѣдованіи за нарушеніе законовъ правосудія. Но члены новаго ордена, вмѣсто того, чтобы исполнять данное папѣ обѣщаніе, предались разгульной жизни, проводя время въ обжорствѣ и въ иныхъ наслажденіяхъ, за что и были презваны народомъ «веселящимися братьями» (*Frați godenti*).

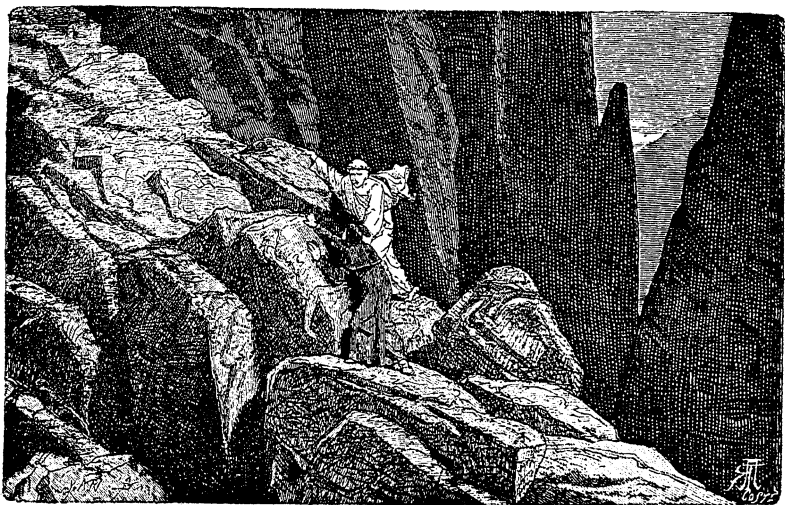
6) Въ 1266 году двое изъ этихъ веселящихся братьевъ, именно Каталано изъ рода Малевальти и Лодеринго изъ рода Андато, не принадлежавшіе ни къ гвельфамъ, ни къ гибеллинамъ, попали въ флорентійскіе управители. Достигнувъ власти, оба они тотчасъ предались гвельфамъ, изгнали гибеллиновъ изъ города и велѣли сжечь дворцы послѣднихъ, находившіеся въ кварталѣ Гардинго. Въ числѣ другихъ сожженъ былъ палаццо Фаринаты дельи Уберти, уже знакомаго читателю.

7) Этотъ распятый—Кайафа, бывшій первосвященникомъ въ томъ году, когда Іудеи судили Христа (См. Евангеліе отъ Іоанна, глава XI, 47, 49, 50). Тестъ Кайафы—фарисей Анна, въ домъ котораго былъ приведенъ Христосъ послѣ своего осужденія.

8) Ломбарди тѣмъ объясняетъ удивленіе Виргилія, что поэтъ во время перваго сошествія въ адъ не видѣлъ да и не могъ видѣть «Распятаго», такъ какъ Кайафа умеръ позже его.

9) *Diabolus... mendax est et pater mendacii.*

Когда мы добрались до разваливашагося моста, Виргилій обратился ко мнѣ...
(стр. 143).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Выйдя съ большимъ трудомъ изъ шестой ямы, оба поэта проникаютъ въ седьмую. Тѣни осужденныхъ, въ обнаженномъ видѣ, бѣгаютъ по землѣ, кишашей ядовитыми змѣями и другими гадами, преслѣдующими виноватыхъ и обвиняющими ихъ своими безошадными кольцами. Данте видитъ, какъ одна изъ этихъ тѣней, ужаленная змѣею, падаетъ на землю и сгораетъ, но тотчасъ снова же возрождается изъ пепла. Тѣнь объясняетъ поэту, что на землѣ имя ея было Ванни Фуччи, и предсказываетъ, что партія черныхъ восторжествуетъ во Флоренціи и что эта побѣда поведетъ къ изгнанію какъ самого Данте, такъ и всей его партіи.

Въ той порѣ молодого года, когда солнце окунываетъ свои лучи въ урнѣ Водолея, и когда ночи перестаютъ отнимать часы у дня;

Когда изморозь полей подражаетъ своему бѣлому брату, но остается не такъ долго и умѣряетъ свою суровость;

Земледѣлецъ, не имѣя чѣмъ кормить свой скотъ, встаетъ, осматривается и, видя поле, покрытое бѣлою пеленой, хватается за голову, Потомъ возвращается въ свою хижину, предается горькимъ жало-

бамъ, какъ несчастный, который не знаетъ, что ему дѣлать; затѣмъ снова выходитъ и въ немъ возрождается надежда,

Когда онъ видитъ, что въ короткій промежутокъ времени лицо міра измѣнилось; тогда онъ хватаетъ свой пастушій посохъ и гонитъ свои стада на подножный кормъ, —

Такъ и мой учитель переполнилъ душу мою страхомъ, когда я увидѣлъ, что чело его омрачилось, но вскорѣ онъ излилъ бальзамъ на мою язву,

Ибо, когда мы подошли къ провалившемуся мосту, мой спутникъ обернулся ко мнѣ съ ласковымъ взоромъ, который я замѣтилъ у него еще у подножія утеса.

Посовѣтовавшись съ самимъ собой и хорошенько разсмотрѣвъ развалины, онъ открылъ свои объятія, схватилъ меня,

И, какъ человѣкъ занятый дѣломъ, всегда думающій о другой работѣ, когда окончить первую, — поднимаясь со мною на вершину

Скалы, онъ указывалъ на другую, говоря: «держись крѣпче за эту скалу, но убѣдись сначала, въ состояніи-ли она выдержать твою тяжесть».

Дорога была не изъ тѣхъ, по которымъ удобно было бы ходить людямъ, одѣтымъ въ свинцовыя мантии, если даже мы, Виргилій, легкій, какъ всякая тѣнь, и я, котораго онъ несъ, едва въ силахъ были подыматься съ выступа на выступъ.

И еслибы дорога не была короче съ этой стороны, чѣмъ съ другой, не знаю, что пришлось бы ему дѣлать; что же касается меня, то усталость навѣрно подкосила бы меня.

Но такъ какъ Малобольдже становится все круче, по мѣрѣ приближенія къ отверстию глубокаго колодца, положеніе каждой равнины

Требуетъ, чтобы одинъ берегъ былъ выше, а другой ниже. Наконецъ мы достигли того мѣста, гдѣ находится послѣдній свисшійся уступъ.

Дыханіе моей груди было такъ слабо, когда мы подошли туда, что подвигаться дальше я не могъ и долженъ былъ присѣсть.

«Теперь тебѣ приходится страхнуть съ себя всякую лѣнь, — сказать учитель: нѣжась на перьяхъ и пуху, до славы не дойдешь ¹).

«Тотъ, кто проживаетъ жизнь безъ славы, оставляетъ на землѣ слѣдъ, похожій на слѣдъ дыма въ воздухѣ и пѣны на водѣ.

«И такъ, встань, преодолѣй усталость духа, который торжествуетъ во всякой борьбѣ, если не дозволить взять надъ собою верхъ грузному тѣлу.

«Намъ придется восходить по болѣе длинной и крутой лѣстницѣ; не достаточно выйти отсюда. Если ты понимаешь меня, воспользуйся совѣтомъ».

Я поднялся съ мѣста, выказывая болѣе энергій, чѣмъ ея было на самомъ дѣлѣ, и говоря: «иди, я силенъ и смѣлъ».

Мы стали идти по скалѣ, узкой, крутой и гораздо болѣе затруднительной, чѣмъ та, которую мы оставили.

Идя, я разговаривалъ, не желая показаться слабодушнымъ; вдругъ голосъ, доносившійся изъ другой ямы, произнесъ отрывочныя слова.

Я не разобралъ этихъ словъ, хотя какъ разъ находился на вершинѣ моста, перекинутого черезъ развалину, но въ звукахъ этого голоса слышался необузданный гнѣвъ.

Я наклонился, но глаза живого человѣка не могли ничего рассмотреть на днѣ этого мрака; поэтому я сказалъ: «учитель, постарайся перейти

«На другую сторону и спустимся съ моста; отсюда я слышу, но не понимаю; я смотрю, но ничего не вижу».

«Я тебѣ отвѣчу—сказалъ онъ — то, что ты желаешь: когда желаніе справедливо, его слѣдуетъ исполнить безъ лишнихъ словъ».

Мы спустились по той сторонѣ моста, которая соединяетъ его съ самой ямой, и тогда я увидѣлъ всю яму.

И тамъ я увидѣлъ такое ужасающее скопленіе змѣй самыхъ различныхъ породъ, что воспоминаніе объ этомъ зрѣлищѣ и теперь еще оледеняетъ мою кровь.

Я увидѣлъ тамъ такое громадное скопленіе змѣй и гадовъ всевозможныхъ породъ, что меня охватилъ леденящій ужасъ... (стр. 144).

Пусть Ливія съ ея песками не величается своимн скорпіонами, гидрами, гадюками, рогатыми и не рогатыми змѣями,

Пусть вся Эѳіопія и вся страна, находящаяся пониже Краснаго моря, не восхваляется своей чумой и чудовищами, порождаемыми ею.

Среди этихъ отвратительныхъ змѣй въ ужасѣ бѣжали взадъ и впередъ голые грѣшники, безъ малѣйшей надежды отыскать какое-либо убѣжище или геліотропъ ²⁾);

Ихъ руки были связаны назадъ змѣями, окружавшими ихъ станъ, такъ что спереди ихъ хвосты и головы соединялись вмѣстѣ.

И вотъ, одинъ изъ этихъ несчастныхъ, бывший съ нашей стороны, былъ ужаленъ змѣей въ томъ мѣстѣ, гдѣ шея присоединяется къ плечамъ,

И въ такое же короткое время, какое требуется, чтобы начертить букву *O* или *I* ³⁾, грѣшникъ воспламенился, упалъ и сгорѣлъ до тла, оставивъ послѣ себя только пепель.

Но какъ только онъ сгорѣлъ на землѣ, частицы этого пепла сами собой стали сближаться другъ къ другу и возстановили тѣло такимъ, какимъ оно было прежде.

Такъ великіе мудрецы утверждаютъ, что фениксъ умираетъ и возрождается, когда его возрастъ приближается къ пяти вѣкамъ;

При жизни онъ не питается ни травами, ни пшеницею, ни амомомъ, ни слезами ладона; нарды и мирра образуютъ его послѣднее ложе ⁴⁾.

Какъ одержимый бѣсомъ или страшнымъ недугомъ ⁵⁾ падаетъ на землю, не сознавая, что съ нимъ дѣлается,

Но, по минованіи припадка, встаетъ, смотритъ вокругъ себя удивленный великимъ томленіемъ, которое онъ испыталъ, и вздыхаетъ,

Такъ вскочилъ и грѣшникъ, возродившійся изъ пепла на нашихъ глазахъ. О, правосудіе Божіе, какъ должно быть ты сурово, чтобы поражать такими ударами наказанія!

Мой спутникъ спросилъ его, кто онъ такой, и тотъ отвѣчалъ: «въ эту пропасть я недавно упалъ съ Тосканіи.

«Мнѣ правилась звѣриная жизнь, а не человѣческая, ибо я былъ

настоящимъ осломъ. Я — Ванни Фуччи ⁶⁾, животное, и Пистоя была достойнымъ меня логовищемъ».

Тогда я сказалъ своему спутнику: «скажи ему, чтобы онъ не шевелился, и спроси его, за какое преступленіе онъ осужденъ на такое страшное наказаніе; я видѣлъ его при жизни человѣкомъ раздражительнымъ».

Грѣшникъ, который услышалъ меня, не сталъ скрываться; онъ обратилъ вниманіе на меня и на лицѣ его появилось выраженіе стыда.

Потомъ онъ сказалъ: «то, что ты увидѣлъ меня въ этой позорной ямѣ, приноситъ мнѣ больше страданія, чѣмъ то, что я испытывалъ, разставаясь съ жизнью.

«Я не въ силахъ отказать тебѣ въ твоей просьбѣ. Я попалъ сюда за то, что укралъ изъ ризницы священные предметы,

«И въ этомъ преступленіи я обвинилъ другого. Но чтобы ты не слишкомъ радовался моему несчастію, если ты когда-либо выйдешь изъ этихъ мѣстъ,

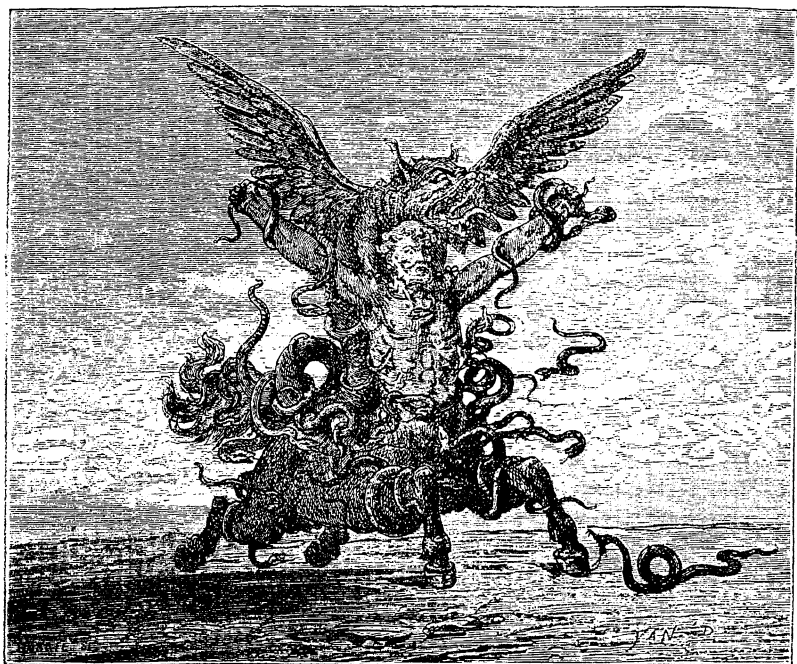
«Открой уши этому извѣстію и слушай: Пистоя ⁷⁾ сначала очищаетъ себя отъ Черныхъ, потомъ Флоренція перемѣняетъ своихъ гражданъ и свои нравы.

«Марсъ изъ долины Магры подымаетъ испаренія, которыя, образуя черныя тучи, разразятся страшною грозой

«На поляхъ Пичены ⁸⁾, и тамъ, разразясь окончательно, уничтожатъ всѣхъ Бѣлыхъ.

«Я это говорю, потому что хочу тебя опечалить» ⁹⁾.

На плечахъ его находился драконъ... (стр. 149).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Продолженіе. Воръ, окончивъ свою рѣчь, убѣгаетъ, раздражаясь богохульствами. Изрыгающій пламя кентавръ преслѣдуетъ его. Громадная пресмыкающаяся тварь охватываетъ одного изъ нихъ и такъ крѣпко обвиваетъ его своими кольцами, что и тѣнь, и гадъ сливаются во-едино. Другая змѣя жалитъ другую тѣнь, и тутъ происходитъ превращеніе новаго рода: тѣнь становится змѣею, а змѣя—человѣческой тѣнью.

Оканчивая эту рѣчь, воръ поднялъ кверху обѣ руки, показалъ мнѣ фигу и прокричалъ: «вотъ тебѣ, Грозный Судья!»

Но вдругъ змѣя—и съ этой минуты я сталъ любить этихъ животныхъ—обвилась вокругъ его шеи, какъ бы говоря этимъ: «я не хочу, чтобы ты больше говорилъ!»

Другая прилипла къ его рукамъ и, обвивая ихъ спереди своими

узлами, такъ сильно связала ихъ, что грѣшникъ не имѣлъ возможности сдѣлать ни одного движенія.

О, Пистоя, Пистоя! Почему не рѣшишься ты превратиться въ пепель и исчезнуть съ поверхности міра, если твои сыны дѣлаютъ во злѣ такіе успѣхи?!

Во всѣхъ пройденныхъ мною темныхъ кругахъ ада я до сихъ поръ не видѣлъ тѣни, болѣе дерзкой передъ Богомъ, чѣмъ эта. — Даже та, которая пала подъ стѣнами Эивъ ¹⁾; не можетъ съ нею сравняться.

И онъ убѣждалъ, не сказавъ болѣе ни слова. Тогда я увидѣлъ бѣшеннаго кентавра, который бѣжалъ, крича: «гдѣ онъ? гдѣ онъ, этотъ наглець?»

Не думаю, чтобы даже въ Мареммахъ ²⁾ нашлось столько змѣй, сколько ихъ было на его лошадиной части до того мѣста, гдѣ начинается человѣческая форма;

На его плечахъ, на затылкѣ, находился драконъ съ распростертыми крыльями, изрыгавшій пламя, если кто подходилъ къ нему.

Мой учитель сказалъ: «это чудовище — Какусъ, который въ окрестностяхъ Авентинской горы нерѣдко создавалъ озеро изъ крови.

«Онъ отдаленъ отъ своихъ братьевъ, потому что, при помощи обмана, увелъ великое стадо, пасшееся по сосѣдству съ нимъ.

«Но его подозрительныя дѣла кончились, благодаря палицѣ Геркулеса, который нанесъ ему сто ударовъ, изъ которыхъ онъ почувствовалъ не болѣе десяти ³⁾».

Пока онъ такъ говорилъ, кентавръ исчезъ. Тогда подошли подъ мость три тѣни, и мы ихъ замѣтили; мой спутникъ и я,

Когда онѣ крикнули: «кто вы?» перестали говорить и обратили на нихъ вниманіе.

Онѣ мнѣ были незнакомы; но случилось, — какъ это часто случается, — что одинъ изъ нихъ назвалъ по имени другого,

Говоря: «куда дѣвался Чанфа?» ⁴⁾. Тогда я, чтобы обратить на него вниманіе моего спутника, приложилъ палецъ къ губамъ.

Теперь, читатель, если тебѣ трудно будетъ повѣрить тому, что я тебѣ скажу, то это будетъ неудивительно, ибо даже я, который это видѣлъ, я едва вѣрю.

Во то время, какъ я разсматривалъ этихъ грѣшниковъ, змѣя, ходившая на шести лапахъ, бросилась на одного изъ нихъ.

Средними лапами она охватила животъ, передними опутала его руки, потомъ ужалила его въ обѣ щеки.

Протянувъ заднія ноги къ лядвямъ, она пропустила хвостъ между ногъ и крѣпко обвилась имъ вокругъ чреслъ.

Никогда еще плющъ не обвивалъ такъ крѣпко дерево, какъ это ужасное животное; ея члены корчилились на его тѣлѣ.

Потомъ оба эти существа сливались одно съ другимъ, какъ еслибы были сдѣланы изъ горячаго воска, и смѣшали свои цвѣта такъ, что ни тотъ, ни другой не казались тѣми, чѣмъ были въ дѣйствительности.

Такъ жаръ огня вызываетъ на горящей бумагѣ бурый цвѣтъ, который не совсѣмъ еще черенъ, но который потерялъ уже свою бѣлизну.

Двое другихъ смотрѣли и съ ужасомъ кричали: «о, Аньело, какъ ты измѣняешься; ты уже и не змѣя, и не человѣкъ! ⁵⁾».

Но уже обѣ головы сливались въ одну, и въ эту минуту мы увидѣли ихъ черты, слившіяся въ одну фигуру, въ которой исчезли оба существа.

Изъ четырехъ рукъ остались только двѣ; ноги, животъ, туловище приняли такія формы, какихъ никогда не видывалъ глазъ человѣческій.

Первоначальная форма совершенно исчезла; странный образъ, казалось, заключалъ въ себѣ два существа, но не былъ однимъ, и такимъ онъ сталъ медленно двигаться.

Какъ ящерица въ знойные лѣтніе дни, когда она переходитъ отъ одного куста къ другому, кажется молніею, если перебѣгаетъ черезъ дорогу,

Такъ внезапно, направляясь къ животу двухъ другихъ грѣшниковъ, появилась маленькая, охваченная пламенемъ змѣйка, изсѣра-черная, точно перечное зерно.

Она ужалила одного изъ нихъ въ ту часть тѣла, которая до нашего рожденія служить намъ первымъ проводникомъ пищи; потомъ упала, растянувшись передъ нимъ.

Раненый смотрѣлъ на нее, не произнося ни одного слова; неподвижно стоя, онъ зѣвалъ, какъ если бы его внезапно охватилъ сонъ или лихорадка.

Онъ и змѣйка продолжали смотрѣть другъ на дружку. Изъ раны одного и изъ пасти другого выдѣлялся дымъ, и этотъ дымъ сливался въ одинъ столбъ.

Пусть Луканъ лучше замолчитъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ рассказываетъ страданія Сабелла и Назидія ⁶⁾), и пусть послушаетъ, что я говорю.

Пусть Овидій не говоритъ больше о Кадмѣ и Аретузѣ ⁷⁾); если въ своихъ стихахъ онъ превратилъ одного въ змѣю, а другую въ родникъ, я не завидую ему.

Онъ никогда не превращалъ два существа одно въ другое, такъ чтобы обѣ формы были готовы обмѣняться веществомъ, изъ котораго состоятъ.

Между человѣкомъ и змѣей установилось точно взаимное соглашеніе, такъ что змѣя расчленила свой хвостъ въ вилу, а раненый сблизилъ свои ноги.

Его ноги и лядвіи тоже такъ сблизились, что вскорѣ между ними не оказалось ни малѣйшей разницы.

Расчлененный хвостъ все болѣе и болѣе принималъ форму, которая исчезала у человѣка; у змѣи кожа становилась мягкой, между тѣмъ какъ у человѣка она покрывалась чешуей.

Я видѣлъ, какъ руки человѣка стали уходить подъ мышки, и двѣ маленькія лапы змѣи начали удлинняться, по мѣрѣ того, какъ руки грѣшника уменьшались.

Заднія лапы змѣи перевились между собой и образовали ту часть тѣла, которую человѣкъ скрываетъ, а у человѣка эти части превратились въ двѣ заднія лапы.

Въ то время, какъ дымъ покрываетъ одного и другую новымъ цвѣтомъ и даетъ змѣѣ волосы, которые отнимаетъ у человѣка,

Одна приподнимается, а другой упалъ на землю, но по прежнему не переставая другъ на дружку бросать взоры, подъ влияніемъ которыхъ оба мѣнялись.

Тотъ, который стоялъ теперь на ногахъ, приблизилъ свои щеки къ вискамъ, и изъ мясстаго излишка, образовавшагося тамъ, возникли уши у похудѣвшихъ щекъ.

То, что не удалилось позади и было въ излишкѣ, образовало носъ и придало губамъ обыкновенные размѣры.

Тотъ, который теперь ползаль, вытянулъ свой ротъ, а уши втянулъ въ голову, какъ улитка втягиваетъ въ раковину свои рога.

Языкъ человѣка, который прежде состоялъ изъ одного куска и имѣлъ способность издавать членораздѣльные звуки, раздвоился; виллообразное жало зѣби срослось, и дымъ исчезъ.

Душа, сдѣлавшись звѣремъ, со свистомъ поползла по равнинѣ, а другая заговорила и плюнула на своего товарища.

Потомъ, обративъ къ ней свои новыя плечи, сказала: «я хочу, чтобы Бузо ⁸⁾ ползаль здѣсь такъ же, какъ я ползаль».

Такъ я видѣлъ въ седьмой ямѣ, какъ формы превращались попеременно; пусть новизна предмета извинитъ меня, если мое перо недостаточно краснорѣчиво.

Хотя мое утомленное зрѣніе помутилось, а духъ взволновался, эти тѣни не могли скрыться такъ быстро, чтобы я не узналъ

Пучко Шанкато ⁹⁾; это былъ единственный изъ трехъ грѣшниковъ, пришедшихъ сначала, въ которомъ не произошло превращенія.

Другой былъ тотъ, о которомъ ты плачешь, Гавилла ¹⁰⁾.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЙ ПѢСНѢ.

1) Капанео (см. пѣснь XIV).

2) Мареммы—часть тосканскихъ владѣній не подалеку отъ Піомбино. Эта полоса земли когда-то была гнилымъ болотомъ, издававшимъ въ лѣтнюю пору смрадныя и вредныя для здоровья испаренія. Теперь болото осушено, но прежнее свое названіе оно сохранило.

3) Какусъ, превращенный Данте въ кентавра, по мифологіи, былъ великаномъ, на половину человѣкомъ, на половину сатиромъ. Разсказъ о немъ заимствованъ Данте у Виргилія:

Semperque recenti
Coede tepebat, foribusque affixa superbis
Ora virum tristi pendebant pallida tabo
(Эн. I, VII).

4) Чанфа—флорентіецъ изъ знатнаго рода Донати, съ которымъ Данте по женѣ состоялъ въ родствѣ. За какое преступленіе поэтъ отвелъ ему мѣсто въ аду среди воровъ и грабителей—опредѣлить точно нельзя. Есть предположеніе, что онъ при жизни не совсѣмъ честно относился къ общественной казнѣ.

5) Флорентіецъ—Аньело Брунелески.

6) Воины, сопутствовавшіе Катону и укушенные змѣями при переходѣ черезъ Ливійскую пустыню.

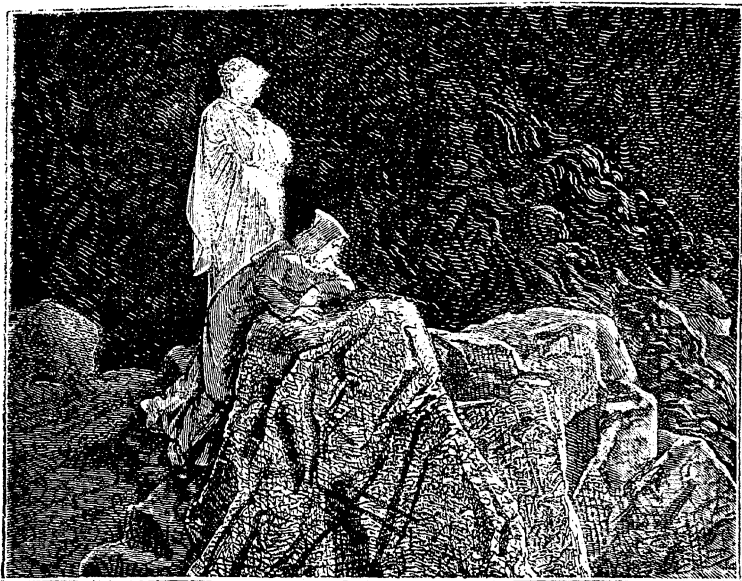
7) См. Овидія, «Превращенія», кн. V.

8) Буозо—знатный флорентіецъ.

9) Тоже знатный флорентіецъ, не менѣе извѣстный, чѣмъ другіе.

10) Двое другихъ, съ которыми происходитъ превращеніе, во-первыхъ—Буозо, а во-вторыхъ—Франческо Гверчіо Кавальканти, убитый подъ мѣстечкомъ Гавилла, въ долинѣ Арно. Жителямъ Гавиллы пришлось искупить его смерть множествомъ человѣческихъ жертвъ. Онъ-то и появляется сначала въ видѣ змѣйки, превращающейся въ человѣка вмѣсто Буозо дельи Аббати.

Такъ двигались огни въ глубинѣ ямы... (стр. 155).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Восьмая долина восьмого круга или долина злыхъ совѣтниковъ. Они пребываютъ въ пламени. Улиссъ рассказываетъ поэту свою странническую жизнь и свою смерть.

Радуйся, Флоренція! Ты такъ велика, что твои крылья распространяются на море и на сушу, и даже въ аду звучитъ твое имя.

Между ворами я нашелъ пять твоихъ гражданъ, которыхъ я стыжусь и которые тебѣ не дѣлаютъ большой чести ¹⁾.

Но если утренніе сны не лгутъ, то векорѣ ты узнаешь, чего тебѣ желаетъ Прато и другіе.

И если бы несчастіе уже поразило тебя, то это было бы все-таки недостаточно скоро. Такъ пусть же оно приходитъ, если оно уже должно прійти; чѣмъ старее я буду, тѣмъ тяжелѣе оно будетъ для меня.

Мы вышли, и мой проводникъ поднялся на тѣ-же скалы, которыя уже служили намъ ступенями для спуска, и увелъ меня за собой.

И пробираясь по пустынной дорогѣ между обломками и выступами скалъ, мы не могли сдѣлать ни одного шага безъ помощи рукъ.

Тогда я опечалился и теперь еще погружаюсь въ печаль, когда обращаю мою мысль къ тому, что я видѣлъ, и воздерживаю мое сердце,

Чтобы оно не теряло своего руководителя—добродѣтель; и если благопріятная звѣзда или болѣе высокое вліяніе оказали мнѣ добро, то я не хочу завидовать самому себѣ.

Подобно тому, какъ поселянинъ, отдыхающій на холмѣ, въ то время, когда тотъ, кто освѣщаетъ міръ, менѣе прячетъ отъ насъ ликъ свой,

Въ тотъ часъ, когда муха уступаетъ мѣсто комару,—видитъ ты-сячи свѣтящихся червяковъ въ долинѣ, гдѣ онъ воздѣлываетъ виноградники или обрабатываетъ поля,

Столькими-же огнями сверкала восьмая бездна, какъ я могъ ее видѣть, когда попалъ на мѣсто, откуда открывается глубина.

Какъ тотъ, кто былъ отомщенъ медвѣдами ²⁾, видѣлъ улетающую колесницу Илиі, когда кони вознеслись къ небу

Такъ высоко, что глазъ, не будучи въ состояніи слѣдить за ними, замѣчалъ только легкое пламя, поднимающееся кверху, какъ облако,

Такъ двигались огни въ глубинѣ ямы, и каждое пламя, не покаяваясь своей добычи, скрывало по грѣшнику.

Чтобы посмотрѣть на это зрѣлище, я всталъ на край моста и еслибъ не держался за утесъ, то непременно упалъ бы въ пропасть и безъ толчка.

И мой учитель, замѣтивъ, съ какимъ вниманіемъ я смотрѣлъ, сказалъ: «въ этихъ огняхъ находятся души, и каждая душа одѣвается въ пламя, которое ее пожираетъ».

«Учитель, отвѣчалъ я, твои слова еще болѣе убѣдили меня въ

томъ, что я вижу, но я и прежде догадывался объ этомъ и хотѣлъ тебя спросить,

Какая душа заключена въ томъ пламени, приближающемся къ намъ, которое такъ раздѣлено у вершины своей, какъ пламя костра, куда были брошены Этеокль и его братъ ³).

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «тутъ испытываютъ муки Улиссъ и Діомедъ; они вмѣстѣ появляются на встрѣчу божественной мести, какъ вмѣстѣ подвигались къ грѣху.

«Въ этомъ пламени оплакиваютъ ловушку деревяннаго коня, которая открыла дверь благородному сѣмени римлянъ.

«Тамъ оплакиваютъ обманъ, на который Деидамія, хотя уже мертвая, жалуется на Ахилла ⁴), и тамъ испытываютъ муки за похищеніе Палладіума ⁵)».

«Учитель, — сказалъ я — если они могутъ говорить изъ этого пламени, то прошу тебя, — и да будетъ моя просьба стоить тысячи подобныхъ ей, —

«Позволь мнѣ подождать тутъ, пока не приблизится сюда двурогое пламя; посмотри, какъ мое желаніе наклоняетъ меня къ нему».

И онъ сказалъ мнѣ: «твоя просьба достойна высшей похвалы, а потому я соглашаюсь на нее, но удержу свой языкъ...

«Оставь меня говорить, потому что я уже понялъ, чего ты хочешь; но такъ какъ эти грѣшники были греки, то, можетъ быть, они пренебрегутъ твоимъ языкомъ».

Какъ только пламя приблизилось къ намъ и мой проводникъ выбралъ благопріятное мѣсто и время, я услышалъ его обращеніе въ слѣдующей формѣ:

«О, вы, сидящіе оба въ одномъ пламени, если я заслужилъ ваше уваженіе въ теченіе моей жизни, если я заслужилъ отъ васъ какое-либо уваженіе, большое или малое,

«Когда, будучи въ свѣтѣ, я писалъ свои возвышенные стихи, не удивляйтесь; но пусть одинъ изъ васъ скажетъ, гдѣ онъ погибъ и умеръ».

Наиболѣе высокій рогъ древняго пламени началъ съ шумомъ колебаться, какъ колеблется пламя, утомляемое вѣтромъ;

Потомъ, наклонная свою верхушку то въ одну сторону, то въ другую, точно языкъ, который сейчасъ заговорить, онъ выбросилъ наружу звукъ и заговорилъ такъ:

«Когда я покинулъ Цирцею, которая болѣе года удерживала меня въ Гаэтѣ, прежде, чѣмъ Эней такъ назвалъ это мѣсто⁶⁾,

ни вѣжность моего сына, ни благочестіе моего престарѣлаго отца, ни святая любовь, которая должна была осчастливить Пенелопу,

«Ничто не могло побѣдить во мнѣ стремленія, заставлявшаго меня узнать міръ, добродѣтель и пороки людей;

«И я пустился въ открытое море на одномъ лишь кораблѣ и съ немногими спутниками, которые не покинули меня.

«Я видѣлъ и олицъ, и другой берегъ Италіи и Марокко, и островъ Сардинію, и другіе острова, омываемые этимъ моремъ.

«Я и мои спутники, мы были уже стары и дряхлы, когда мы прибыли въ тотъ узкій каналъ, гдѣ Геркулесъ положилъ свои два знака,

«Чтобы предупредить человѣка не переступить черезъ нихъ. Я оставилъ Севилью направо, какъ прежде оставилъ Сеуту налѣво.

«Тогда я сказалъ: «о, братія, вы, которые, несмотря на сотни тысячъ опасностей, добрались до запада,

«Ради той малости времени, которая остается еще вамъ жить, не отказывайтесь узнать тотъ міръ безъ обитателей, который находится за солнцемъ.

«Подумайте о вашемъ происхожденіи: вы не созданы, чтобы жить, какъ животныя, но чтобъ искать добродѣтель и науку».

Этой небольшой рѣчью я такъ сильно возбудилъ моихъ спутниковъ, что потомъ я едва могъ ихъ сдерживать.

И повернувъ нашу корму, мы изъ нашихъ веселъ сдѣлали крылья для нашего безумнаго полета, постоянно направляясь налѣво.

Ночь выдала уже всё звѣзды другого полюса, а нашъ находился такъ низко, что едва выступалъ надъ уровнемъ моря.

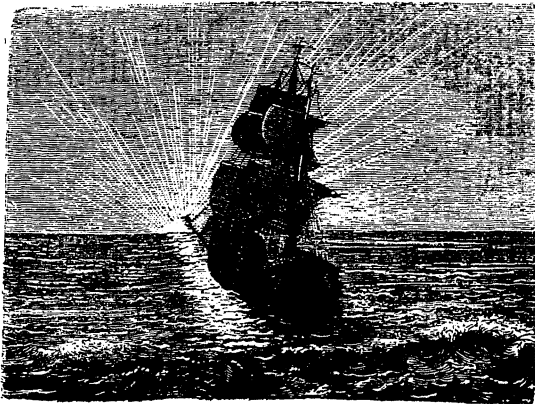
Пять разъ свѣтъ луны вспыхивалъ и потухалъ на новомъ горизонтѣ, съ тѣхъ поръ, какъ мы прошли роковую границу,

Какъ вдругъ появилась гора ⁷⁾, отуманенная разстояніемъ, и показалась мнѣ самой высокой горой, когда либо видѣнной мною.

Мы возрадовались, но скоро наша радость превратилась въ печаль, такъ какъ изъ этой новой земли поднялся ураганъ и ударилъ въ носъ нашего корабля.

Три раза онъ его повернулъ со всей водой; потомъ, на четвертый, онъ поднялъ корму къверху, а носъ опустилъ внизъ, — какъ было угодно другому ⁸⁾,

Пока, наконецъ, море не закрыло насъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ПѢСНѢ.

¹⁾ Вотъ имена этихъ пяти флорентійцевъ: Чанфа Донати, Анъело Брунелески, Буозо дельи Аббати, Пуччо Шьянгато и Франческо Гверчио Кавальканти.

²⁾ То-есть пророкъ Ілія.

³⁾ Намекъ на двустипшіе Стація въ поэмѣ «Ойвайда».

*Tremuero cogi et novus adversa busto
Pellitur: exundant diviso vertice flame.*

Этеокль и его братъ, Полиникъ (сыновья Эдипа и Іокасты), смертельно ненавидѣли другъ друга; послѣ катастрофы Эдипа, оба брата рѣшили царствовать въ Фивахъ, каждый въ теченіе одного года. Первымъ вступилъ на престолъ Этеокль; но когда годъ истекъ, Этеокль не захотѣлъ уступить трона Полинику. Тогда Полиникъ, при помощи Адраста, аргосскаго царя, своего тестя, явился съ войскомъ и осадилъ Фивы. Братья, встрѣтившись на полѣ битвы, умертвили другъ друга; но и сама ихъ смерть не могла потушить ихъ взаимную ненависть; по преданію, когда ихъ тѣла были положены на костеръ, то пламя, поднявшись, раздѣлилось на два огненные языка, которые, колыхаясь, точно боролись между собой.

⁴⁾ Деидамія — дочь Ликомеда, скирскаго царя, была любима Ахилломъ, тогда скрывавшимся при скирскомъ дворѣ и передѣтымъ въ женское платье; она была мать Неоптолема.

⁵⁾ Палладіумъ — статуя Паллады (или Минервы), чрезвычайно цѣнимая троянцами; она считалась упавшей съ неба. Въ Троѣ она находилась въ храмѣ, исключительно для нея построенномъ; троянцы вѣрили, что съ этой статуей связана судьба самой Трои. Улиссъ и Діомедъ однажды ночью проникли тайкомъ въ Ілліонъ и похитили статую, и только тогда Троя могла быть взята. Слѣдуя римской традиціи, Улиссъ и Діомедъ похитили не настоящій, а фальшивый Палладіумъ; настоящій же былъ привезенъ, послѣ взятія Трои, Энеемъ въ Италію и хранился въ Римѣ.

⁶⁾ По имени своей кормилицы Гаэты. У Виргилія:

*Tu quoque littoribus, Aeneia nutrix,
Aeternam moricus famam, Caieta, dedisti.*

⁷⁾ По мнѣнію лучшихъ старинныхъ комментаторовъ, этой горой Данте обозначаетъ Чистилище; подъ нею находится земной рай. Новѣйшіе комментаторы думаютъ, что эта гора есть платоновская Атлантика, или Америка. Такимъ образомъ, весь рассказъ Улисса есть предсказаніе открытія Америки.

⁸⁾ То-есть, Богу.

Францискъ пришелъ за мною, когда я умеръ, но одинъ изъ горныхъ херувимовъ сказалъ ему... (стр. 163).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Графъ Гвидо да Монтефельтро; онъ спрашиваетъ, что новаго въ Романьи; поэтъ отвѣчаетъ ему и взаимно этого спрашиваетъ, кто онъ? Онъ объясняетъ ему это и рассказываетъ, что находится въ аду за мошеннической совѣтъ, который онъ, доверяясь только исповѣди, далъ папѣ Бонифацію VIII.

Пламя уже выпрямилось, сдѣлалось неподвижнымъ и безмолвнымъ и уже начало удаляться, отпущенное сладостнымъ поэтомъ,

Какъ вдругъ другое, подвигавшееся за нимъ, заставило насъ обратить наши взоры къ его верхушкѣ, вслѣдствіе неяснаго шума, исходившаго изъ него.

Подобно тому, какъ сицилійскій быкъ, который испустилъ ревъ (и это было по всей справедливости) того, ¹), чье острие его изготовило,

Мычаль голосомъ жертвы и хотя онъ былъ сдѣланъ изъ бронзы, казался пораженнымъ печалью,

Такъ и теперь печальные слова, не находя ни выхода, ни свѣта, превращались въ шумъ, подобный шуму огня.

Но какъ только они нашли выходъ черезъ верхушку, придавая ей это движеніе, которое было сообщено ей языкомъ,

Мы услышали такія слова: «о, ты, къ которому я обращаю мой голосъ и который только-что говорилъ по-ломбардски, говоря: «теперь ты можешь уйти, мнѣ нечего больше тебя спрашивать».

«Хотя я, можетъ быть, и прихожу нѣсколько поздно, не откажись поговорить со мною; ты видишь, что я остался, хотя и продолжаю сгорать ²).

«Если ты упалъ въ это мѣсто безъ свѣта изъ сладостной Латинской земли, гдѣ я совершилъ всѣ свои преступленія,

«Скажи мнѣ: война или миръ теперь у жителей Романья, такъ какъ я родился въ горахъ, находящихся между Урбино и цѣпью, откуда вытекаетъ Тибръ?»

Я еще продолжалъ слушать со вниманіемъ и склонивъ книзу голову, когда мой проводникъ, прикоснувшись ко мнѣ, сказалъ: «поговори съ нимъ, онъ — латинянинъ».

И я, имѣя уже готовый отвѣтъ, я сейчасъ-же началъ говорить: «о, духъ, скрывающійся въ пламени,

«Твоя Романья никогда не была и не будетъ безъ войны въ сердцѣ своихъ тирановъ; но открытой войны я тамъ не оставилъ.

«Ровенна такая-же, какою была и много лѣтъ тому назадъ; орелъ Поленты распространяется надъ ней и до сихъ поръ покрываетъ Червью своими крылами ³).

«Земля, перенесшая долгое испытаніе и создавшая кровавый холмъ изъ французовъ, находится въ когтяхъ зеленого льва ⁴).

«Старый и молодой псы Веррокіо, которые такъ жестоко обращались съ Монтанья, терзаютъ зубами свою всегдашнюю добычу ⁵).

«Города Ламоне и Сантерно управляются львенкомъ изъ бѣлаго гнѣзда, который переходитъ отъ одной партіи къ другой и лѣтомъ, и зимой ⁶⁾».

«А тотъ городъ, котораго стѣны омываетъ Савіо ⁷⁾ подобно тому, какъ онъ находится между долиной и горой, живетъ между тираніей и свободой.

«И такъ, прошу тебя, скажи намъ, кто ты; не будь болѣе жестоко тѣхъ, кто былъ жестокъ къ тебѣ, и да живетъ твое имя долго на свѣтѣ».

Послѣ того, какъ пламя, по обыкновенію, немного потускнѣло, оно покачало то въ одну, то въ другую сторону свою острую верхушку и затѣмъ испустило такой шепотъ:

«Если бы я вѣрилъ, что мой отвѣтъ обращается къ тому, кто когда нибудь вернется на землю, это пламя сейчасъ-же перестало-бы колебаться.

«Но такъ какъ, если справедливо то, чтò говорить, никогда щедривой человѣкъ не возвращался изъ этой бездны, то, не боясь позора, я тебѣ отвѣчу:

«Сначала я былъ воиномъ, а потомъ французскимъ монахомъ, увѣренный, что достаточно веревочнаго пояса ⁸⁾ для покаянія и, конечно, моя надежда не была бы обманута,

«Еслибы великій первосвященникъ ⁹⁾, которому я желаю несчастія, не вернулъ меня къ моимъ старымъ грѣхамъ, — я хочу, чтобы ты зналъ, какъ и какимъ образомъ это случилось.

«Пока я оживлялъ ту форму изъ плоти и костей, которую дала мнѣ моя мать, мои дѣла были не дѣла льва, а лисицы.

«Я зналъ всѣ хитрости, всѣ темные пути и въ такомъ совершенствѣ овладѣлъ искусствомъ обмана, что мое имя стало извѣстно до самыхъ краевъ земли.

«Но когда я увидѣлъ, что приблизился къ тому возрасту, въ которомъ каждый долженъ опускать паруса и убирать снасти,

«То чтò мнѣ нравилось прежде, теперь перестало мнѣ нравиться,

и я обратился къ Богу, раскаиваясь въ моихъ грѣхахъ и сознаваясь въ нихъ. Увы! Несчастный я человѣкъ! Это-бы спасло меня!

«Повелитель новыхъ фарисеевъ ¹⁰⁾ воевалъ тогда около Латрака ¹¹⁾, не съ сарацинами и не съ іудеями,

«Ибо каждый изъ его враговъ былъ христіаниномъ, и никто изъ нихъ не ходилъ завоевывать городъ Акру, или торговать въ земляхъ Судана.

«Этотъ первосвященникъ презрѣлъ своей высокой обязанностію и своимъ священническимъ саномъ; онъ не замѣтилъ на мнѣ веревочнаго пояса, отъ котораго нѣкогда худѣли тѣ, которые его носили;

«И подобно Константину въ горахъ Соракта, умолявшему Сильвестра вылечить его отъ проказы, такъ и онъ попросилъ меня

«Вылечить его отъ его горделивой лихорадки; онъ просилъ у меня совѣта, но я молчалъ, потому что его слова казались мнѣ словами пьянаго человѣка.

«Потомъ онъ прибавилъ: «изгони сомнѣніе изъ твоего сердца; я впередъ отпускаю тебѣ твои грѣхи; научи меня, какъ опрокинуть Палестрину ¹²⁾).

«Ты знаешь, я могу открыть и закрыть небо, потому что имѣю два ключа, которыми не умѣлъ пользоваться мой предшественникъ».

«Эти важные доводы убѣдили меня и, думая, что самое худшее молчать, я ему сказалъ: «святой отецъ, если ужъ ты отпускаешь мнѣ

«Грѣхъ, который я сейчасъ совершу, то слушай: обѣщай многое, но мало исполняй, и ты восторжествуешь на своемъ высокомъ престолѣ».

«Францискъ ¹³⁾ пришелъ за мной, когда я умеръ, но одинъ изъ горныхъ херувимовъ сказалъ ему: не уноси его, не обижай меня.

«Онъ долженъ идти туда съ моими осужденными, потому что далъ коварный совѣтъ, и съ тѣхъ поръ я держалъ его за волосы.

«Ибо не можетъ быть прощенъ тотъ, кто не раскаивается, и нельзя раскаиваться и желать въ одно и то-же время, такъ какъ этому препятствуетъ противорѣчіе.

«Увы! какъ я былъ несчастенъ, какой трепеть обуялъ меня, когда онъ схватилъ меня, говоря: «можетъ быть, ты не зналъ, что я знаю логику?»»

«Онъ повлекъ меня къ Мпносу, который восемь разъ обмоталъ своей хвостъ вокругъ своихъ жесткихъ бедеръ и, съ бѣшенствомъ укусивъ его, воскликнулъ:

«Онъ изъ тѣхъ грѣшниковъ, которыми овладѣваетъ огонь». Вотъ почему ты меня видишь въ этой безднѣ и почему я стенаю въ этомъ облаченіи».

Когда онъ окончилъ говорить, страдальческое пламя удалилось, извивая и колебля свою острую верхушку.

Мой проводникъ и я прошли по скалѣ до слѣдующаго хода, брошеннаго надъ бездною, гдѣ мучаются

Тѣ, кто грѣшилъ, заводя смуты.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ПѢСНѢ.

1) Аѳинянинъ Перить былъ первымъ заключеннымъ въ бронзовомъ быкѣ, сдѣланномъ имъ для Фалариса, сицилійскаго тирана.

2) Этотъ духъ, говорящій въ пламени,—графъ Гвидо да Монтефельтре.

3) Орломъ Поленты Данте называетъ Гвидо да Полента, на гербѣ котораго былъ изображенъ на золотомъ и лазоревомъ полѣ серебряный орелъ.

4) Зеленый левъ, который былъ изображенъ на гербѣ Синибальдо Орделаффа. Городъ Форли съ большимъ урономъ для себя отразилъ французское войско, которое осаждало его по приказанію Мартина IV.

5) Старымъ псомъ Данте называетъ Малатесту-отца, владѣвшаго Римини, молодымъ псомъ—Малатесту-сына, или Малатестино, овладѣвшаго замкомъ Веррокіо; Монтанья — предводитель партіи гибеллиновъ въ Римини, который умертвилъ Малатеста-сына.

6) Городъ Фаенца, около Ламоне, и городъ Иммола, около Сантерно, находились подъ управленіемъ Манпардо Пагани, на гербѣ котораго изображенъ на серебряномъ полѣ лазоревый левъ.

7) Чезепа.

8) Подъ конецъ своей жизни Гвидо да Монтефельтре вступилъ въ орденъ францисканцевъ въ монастырь въ Ассизѣ, гдѣ и умеръ.

9) Бонифацій VIII.

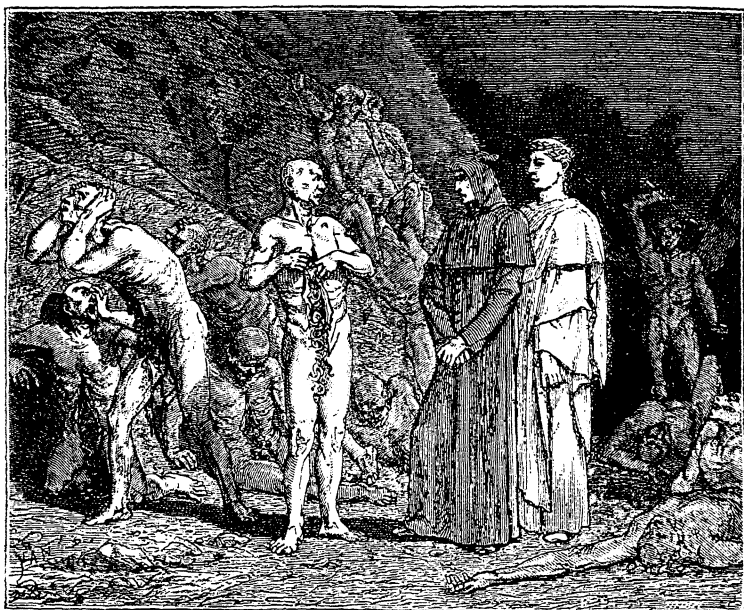
10) Тотъ-же Бонифацій VIII.

11) Сѣ Колонною.

12) Палестрина принадлежала Колоннамъ.

13) Св. Францискъ приходилъ за Гвидо, который былъ францисканскимъ монахомъ.

Я увидѣлъ разсѣченныхъ отъ подбородка до самаго низа живота... (стр. 167).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Девятая долина восьмого круга, или долина производителей безпорядковъ, расколовъ и ересей. Ихъ постоянно рубить демонъ своимъ мечомъ. Тутъ Данте встрѣчаетъ Магомета, Али, Пьетро да Медичина, Моска и Вертрана де Борна.

Кто, даже если-бы не былъ стѣсненъ рифмой и могъ возвращаться къ своему разсказу нѣсколько разъ, — можетъ описать кровь и страшныя раны, которыя я теперь увидѣлъ?

Конечно, ни одинъ языкъ не будетъ для этого пригоденъ, потому что наша рѣчь и нашъ умъ слишкомъ узки, чтобы понять все это.

Если бы можно было собрать всѣхъ тѣхъ, которымъ было суждено пролить свою кровь въ равнинахъ Пульи

Рукою римлянъ и этой длинной войной, гдѣ была собрана такая богатая жатва цѣпей, какъ объ этомъ пишетъ Титъ Ливій, который не ошибается, и всѣхъ тѣхъ, которые испытывали страданія отъ ранъ,

Полученныхъ ими, когда они вооружились противъ Роберта Гискара ¹⁾, и тѣхъ, которыхъ кости еще и теперъ свалены въ кучу,

Какъ въ Чепперано, гдѣ каждый апуліець былъ лгуномъ ²⁾, такъ и въ Тальякоццо, гдѣ старый Алларъ побѣдилъ безъ оружія ³⁾;

Если-бы всѣ эти мертвые разложили свои изувѣченные члены, то и тогда это зрѣлище не было бы похоже на страшный видъ девятой ямы.

Никогда бочка безъ дна или безъ клепки не бывастъ такъ расколота,

Какъ грѣшникъ, котораго я увидѣлъ разсѣченнымъ отъ подбородка до самаго низа живота:

Между ногъ висѣли его внутренности, легкія были обнажены, такъ же какъ и отвратительный мѣшокъ, въ которомъ образуются отброски изъ того, чѣмъ мы питаемся.

Въ то время, какъ я внимательно на него смотрѣлъ, онъ, взглянувъ на меня и раскрывъ грудь, сказалъ: «посмотри, какъ я себя расщепляю!

«Посмотри, въ какіе клочки разорванъ Магометъ! Передо мной идетъ Али, лицо котораго разрублено отъ подбородка до черепа ⁴⁾).

«И всѣ тѣ, которыхъ ты тутъ видишь, при жизни были сѣятелями раздоровъ и раскола; вотъ почему онъ такъ разрубленъ.

«Тамъ, позади, стоитъ діаволь, который такъ жестоко бьетъ насъ, заставляя каждаго изъ этой толпы проходить подъ остріемъ своей шпаги,

«Когда мы окончимъ этотъ печальный путь, потому что наши раны закрываются прежде, чѣмъ мы дойдемъ до него.

«Но кто ты, остановившійся на этой скалѣ, чтобы отсрочить, можетъ быть, наказаніе, которое ты заслужилъ по своему собственному сознанію?»

«Смерть не приняла его еще въ свои объятія и не грѣхи привлекли его къ мѣсту мученій,—отвѣчалъ ему мой учитель;—онъ приведенъ сюда, чтобы узнать всѣ мученія.

«Я, который уже умеръ, я долженъ вести его по аду изъ круга въ кругъ, и это такъ же вѣрно, какъ и то, что я съ тобою говорю».

При этихъ словахъ болѣе ста духовъ остановились въ ямѣ, чтобы посмотрѣть на меня, и удивленіе заставило ихъ забыть на время ихъ мученія.

«Ты, который, можетъ быть, вскорѣ увидишь солнце, скажи Фра-Дольчино, чтобы онъ, если захочетъ послѣдовать сюда за мной,

«Запасся провіантомъ, потому что безъ голода и снѣга наварцу трудно будетъ его побѣдить»⁵⁾.

Поднявъ ногу, чтобы отправиться въ путь, Магометъ сказалъ мнѣ эти слова, затѣмъ вытянулся и ушелъ.

Другой, съ продыравленнымъ горломъ и носомъ, разрѣзаннымъ до бровей, и съ однимъ только ухомъ,

Остановившись, смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, какъ и другіе духи; первый открылъ свою глотку, которая снаружи была въ крови,

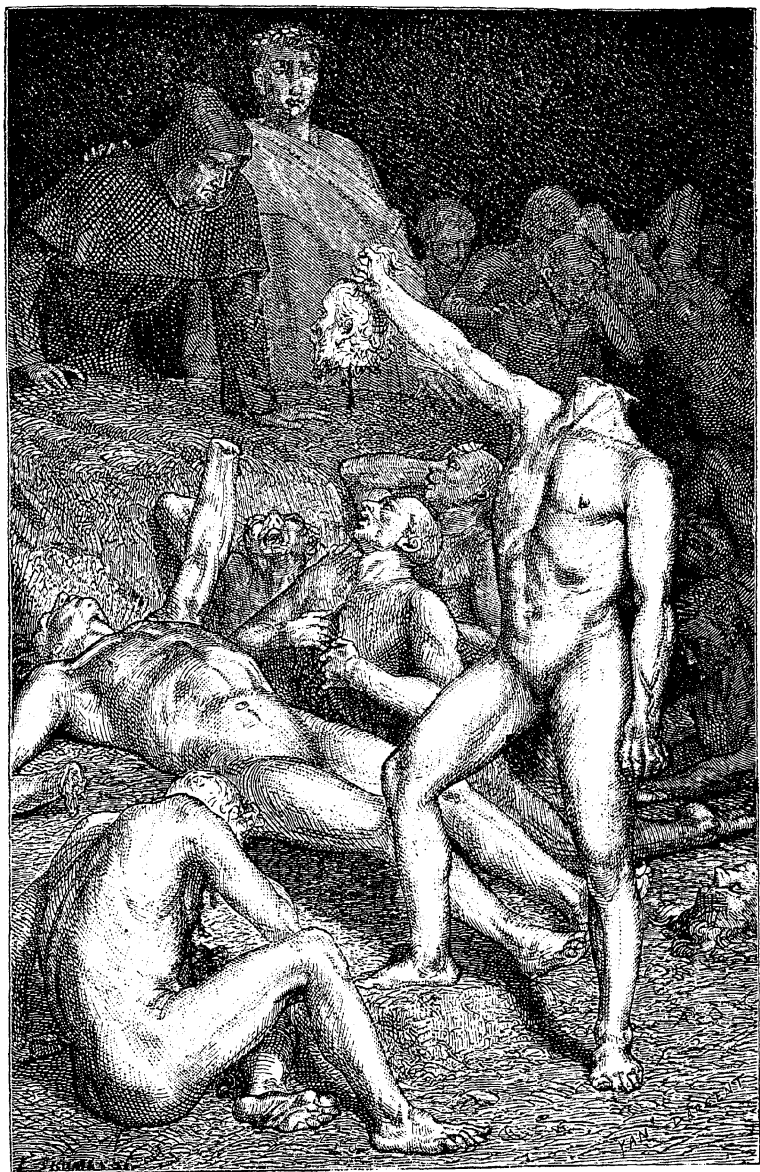
И сказалъ: «ты, котораго не привели сюда порокъ и грѣхъ, и котораго я видѣлъ тамъ, на верху, на землѣ Латинской, если только не обманываетъ меня слишкомъ большое сходство,

«Вспомни Пьера да Медичина⁶⁾, если ты когда-нибудь снова увидишь тихую долину, которая спускается отъ Верчелли до Маркабо,

«И увѣдоми двухъ лучшихъ гражданъ Фано, мессира Анжолетто, а также Гвидо, что если предчувствія въ здѣшнемъ мѣстѣ не напрасны,

«То они будутъ выброшены съ корабля и потоплены около Католики, вслѣдствіе измѣны гнуснаго тирана⁷⁾».

«Между островами Кипромъ и Маіоркой Нептунъ никогда еще не видѣлъ такого великаго преступленія, совершеннаго пиратами или Арголикомъ.

Свою отрезанную голову онъ держалъ за волосы, точно фонарь... (стр. 170).

«Этотъ измѣнникъ, у котораго одинъ только глазъ, управляющій страной, которую ни одинъ изъ моихъ товарищей не захотѣлъ бы знать,

«Заставитъ ихъ прійти къ нему для переговоровъ и сдѣлаетъ такъ, что для успокоенія вѣтровъ Фокары имъ не нужно будетъ ни обѣтовъ, ни молитвъ»⁸⁾).

И я сказалъ ему: «покажи и скажи мнѣ, если ты хочешь, чтобы я принесъ на землю извѣстiе твое, кто тотъ, для котораго видъ этой страны былъ такъ горекъ».

Тогда онъ положилъ руку на челюсть одного изъ своихъ товарищей и, открывъ ему ротъ, воскликнулъ: «вотъ онъ, но онъ не можетъ говорить».

Это былъ тотъ самый, который, бывъ изгнаннымъ изъ Рима, потушилъ сомнѣнiе въ сердцѣ Цезаря, утверждая, что тотъ, кто готовъ, всегда⁹⁾ теряетъ, выжидая.

О, какимъ жалкимъ показался мнѣ Курiонъ со своимъ отрѣзаннымъ языкомъ, который прежде былъ такъ искусенъ въ рѣчахъ!

Другой, у котораго были отрѣзаны обѣ руки, поднималъ остатки своихъ рукъ въ мрачномъ воздухѣ съ такимъ усиленiемъ, что все его лицо налилось кровью,

И сказалъ: «ты вспомнишь также и Москву!¹⁰⁾ Увы! это я сказалъ слова: сдѣланная вещь имѣетъ конецъ—и изъ этихъ словъ произошли всѣ несчастiя Тосканiи...»

«И смерть всего твоего рода!»—прибавилъ я. И онъ, нагромождая страданiя на страданiя, удалился, какъ человѣкъ, обезумѣвшiй отъ несчастiй.

А я остался наблюдать толпу и увидѣлъ то, что не рѣшился бы никогда рассказать безъ свидѣтелей, если бы не успокоила меня совѣсть, эта добрая спутница, которая покрываетъ щитомъ человѣка, который чувствуетъ себя чистымъ.

Я, конечно, видѣлъ, да и теперь еще, кажется, вижу туловище безъ головы, идущее, какъ шли и другiе изъ этого гнуснаго стада.

Свою отрѣзанную голову онъ держалъ за волосы, точно фонарь. Она посмотрѣла на насъ и сказала: «увы!»

Онъ самъ изъ себя дѣлалъ себѣ фонарь; и было два въ одномъ, и одинъ въ двухъ. Какъ это могло быть—знаеть только тотъ, кто такъ караетъ!

Когда онъ подошелъ къ подножію моста, онъ высоко поднялъ руку съ головой, чтобы приблизить къ намъ слова:

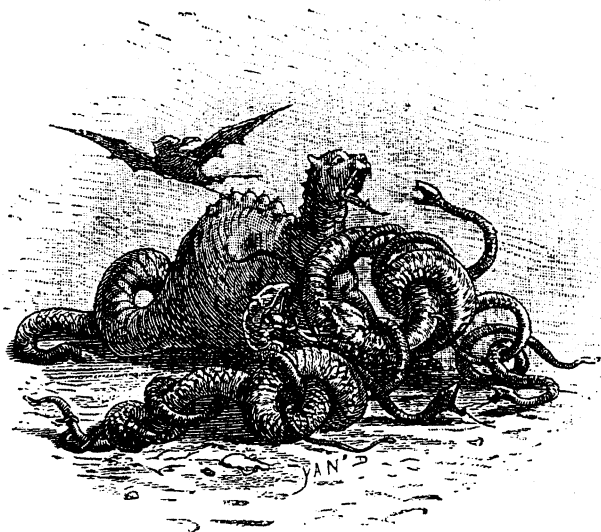
«Посмотри на мое страшное-страданіе, ты, который, продолжая дышать, приходишь посмотрѣть на мертвыхъ; посмотри, есть-ли страданіе ужаснѣе моего.

«А чтобы ты принесъ извѣстіе обо мнѣ, знай, что я — Бертранъ де-Борнь, тотъ, который давалъ такіе дурные совѣты королю Іоанну ¹⁴).

«Я возстановилъ отца и сына, другъ противъ друга. Акитофель не возстановлялъ болѣе коварнымъ образомъ Авессалома противъ Давида.

«И такъ-какъ я разлучилъ такихъ близкихъ людей, то увы! и ношу мой мозгъ, отдѣленный отъ своего начала, которое находится въ этомъ туловищѣ.

«Такъ во мнѣ ты видишь залогъ возмездія».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ПѢСНѢ.

1) Робертъ Гискаръ, братъ Ричарда, герцога Нормандскаго, овладѣвшаго Пульей и Калабріей; онъ умеръ въ 1085 г.

2) Жители оставили на полѣ битвы своего предводителя Менфруа, боровшагося съ Карломъ Анжуйскимъ.

3) Старый Алларъ былъ французскій рыцарь, возвращавшійся изъ Святой земли; герцогъ Анжуйскій былъ ему обязанъ побѣдой, которую одержалъ надъ Конрадиномъ.

4) Али, двоюродный братъ Магомета.

5) Фра-Дольчино проповѣдывалъ въ 1305 г. въ Наварскихъ горахъ общность женъ и имущества. У него было болѣе трехъ тысячъ послѣдователей. Преслѣдуемый войскомъ епископа Беневентскаго, онъ былъ схваченъ, вмѣстѣ съ его женой Маргаритой, и вмѣстѣ съ нею погибъ на кострѣ въ городѣ Наваррѣ. Они съ геройствомъ встрѣтили смерть.

6) Медична такъ назывался отъ мѣстности въ Болоньи, Медичина. Это былъ интриганъ, сѣявшій раздоры между народомъ и болонскимъ дворянствомъ, владѣтелями Равенны и Римини.

7) Малатеста, тиранъ Римини.

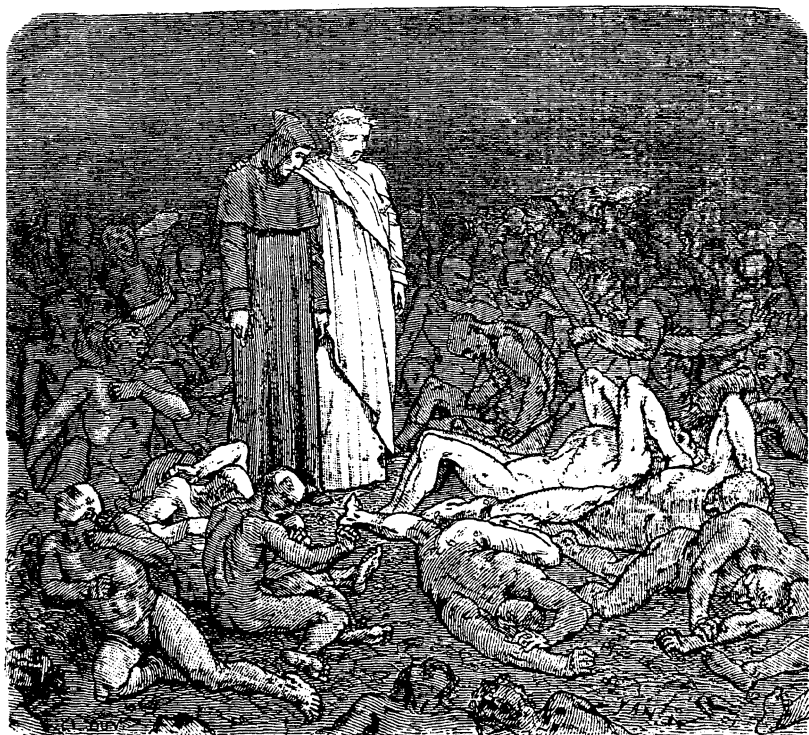
8) То-есть, имъ нечего бояться вѣтра, дующаго съ горъ Фокары.

9) Куріонъ, изгнанный изъ сената, какъ другъ Цезаря, посовѣтовалъ ему перейти черезъ Рубиконъ.

10) Буондельмонте обѣщалъ жениться на дѣвушкѣ изъ дома Амидеи, но женился на Донато. Это возбудило гнѣвъ рода Амидеи; къ нимъ присоединились Уберти и Ламберти, съ цѣлью наказать Буондельмонте. Старшіе совѣтовали благоразуміе, но Моска, въ бѣшенствѣ, посовѣтовалъ немедля убить Буондельмонте, которому нанесъ нѣсколько ударовъ кинжаломъ. Эта трагедія была причиною всѣхъ дальнѣйшихъ раздоровъ во Флорентійской республикѣ.

11) Бертранъ де Борнъ, знаменитый трубадуръ, наставникъ Іоанна Безземельнаго, сына Генриха II, короля англійскаго, поссорилъ сына съ отцомъ.

Изъ нея исходилъ отвратительный запахъ, похожій на тотъ, который издають гниющіе члены... (стр. 174).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Достигнувъ моста, господствующаго надъ десятой и послѣдней ямой, поэты слышатъ стоны обманщиковъ, покрытыхъ смердящими язвами и отвратительными болячками; сходя съ моста или со скалы, чтобы лучше можно было видѣть этихъ грѣшниковъ, поэты находятъ между ними алхимиковъ, среди которыхъ идутъ Гриффино и Капоккю изъ Сиенны.

Эта безчисленная толпа и эти многоразличныя язвы такъ поразили мои глаза, что они готовы были заплакать.

Но Виргилій сказалъ мнѣ: «что ты смотришь? почему твой взоръ прикованъ къ этимъ печальнымъ, искаженнымъ тѣнямъ?»

«Въ тебѣ этого не было видно въ другихъ ямахъ; если ты надѣнешься сосчитать число этихъ душъ, то обрати вниманіе на то, что долина имѣетъ двадцать двѣ мили въ окружности.

«А между тѣмъ луна находится уже подъ нашими ногами; время, данное намъ, коротко, а ты увидишь еще много такого, чего ты и не предполагаешь видѣть».

«Если бы ты былъ внимателенъ — отвѣчалъ я — къ тому, по чему я такъ смотрю, то, можетъ быть, ты бы мнѣ позволялъ остаться еще здѣсь».

Мой путеводитель уже удалялся, и я слѣдовалъ за нимъ, отвѣчая ему; потомъ я продолжалъ: «въ этой ямѣ,

«Въ которую такъ жадно погружается мой взоръ, мнѣ кажется, что духъ моего рода оплакиваетъ вину, которую тамъ искупаютъ съ такимъ трудомъ».

Тогда учитель сказалъ: «Пусть твоя мысль впредь не обращается къ нему; думай о другихъ, а духъ твоего рода пусть остается тамъ, гдѣ онъ есть,

«Потому что я видѣлъ его у подножія моста, показывающаго на тебя пальцемъ и угрожающаго тебѣ, и я слышалъ, какъ его порицалъ Джери дель Белло ¹⁾).

«Тогда ты былъ такъ занятъ тѣмъ, кто былъ владѣльцемъ Готфора, что посмотрѣлъ въ его сторону лишь тогда, когда онъ ушелъ ²⁾).

«О, проводникъ мой! — сказалъ я — его насильственная смерть, не отомщенная еще тѣми, которые раздѣлили съ нимъ оскорбленіе,

«Можетъ быть возмутила его; вотъ почему, я думаю, онъ удалился, не поговоривъ со мной, и состраданіе, которое я къ нему чувствую, только увеличилось вслѣдствіе этого».

Такъ мы говорили до того мѣста, съ котораго можно было бы видѣть всю глубину другой долины, если бы было больше свѣта.

Когда мы подошли къ послѣдней части Малемольджа, и когда ея обитатели предстали предъ нашими взорами,

Стенанія пронзили мнѣ душу своими желѣзными стрѣлами, и я закрылъ уши руками.

Если бы въ мѣсяцъ между июлемъ и сентябремъ больницы Вальдикианы ³⁾ и больные Мареммъ ⁴⁾ и Сардиніи

Были собраны въ одной ямѣ, то тамъ было бы столько-же страданій, сколько я теперь увидѣлъ.

Изъ нея исходилъ отвратительный запахъ, похожій на тотъ, который издають гніющіе члены.

Мы спустились до края этой длинной скалы, по лѣвую руку, и тогда мой взоръ могъ лучше проникнуть

Въ глубину той бездны, гдѣ непогрѣшимая справедливость, слуга Всевышняго, караетъ обманщиковъ, которыхъ здѣсь заключаетъ.

Не думаю, чтобы можно было видѣть больше страданій среди большого населенія Эгины, когда воздухъ былъ до такой степени насыщенъ заразой,

Что животныя, до самаго малаго червяка, погибли, и когда древніе народы, по свидѣтельству поэтовъ,

Возродились изъ сѣмени муравьевъ, чѣмъ доставили печальное зрѣлище въ этой темной долинѣ, этихъ тѣней, томившихся кучами ⁵⁾.

Одинъ лежалъ на животѣ, другой на спинѣ своего сосѣда, третій ползъ по этой печальной дорогѣ.

Мы шли шагъ за шагомъ молча, разсматривая и слушая этихъ больныхъ, которые не могли приползать своего тѣла.

Я увидѣлъ двухъ сидящихъ, прислонившихся другъ къ другу спиной, какъ подставляютъ одну сковородку къ другой, чтобы ихъ согрѣть; они были съ ногъ до головы покрыты струпьями.

И никогда еще конюхъ, ожидаемый своимъ господиномъ или тѣмъ, кто бодрствуетъ ночью по принужденію, не водилъ такъ быстро скребой,

Какъ каждый изъ этихъ осужденныхъ раздиралъ себя ногтями, чтобы успокоить зудъ, противъ котораго не было никакого лекарства.

И ихъ ногти отдирали стружья, какъ ножъ сдираетъ чешую зеленобрюшка или другой рыбы, у которой чешуя больше, чѣмъ у другихъ.

«О, ты, раздражающій себя ногтями, — обратился мой проводникъ къ одному изъ нихъ, превращающему каждую минуту свои руки въ щипцы, —

«Скажи мнѣ, нѣтъ-ли среди васъ латинянь, и пусть твои ногти будутъ вѣчно способны на эту работу!»

«Оба мы латиняне, которыхъ ты видишь столь обезображенными, — отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, рыдая; но кто ты самъ, разспрашивающій насъ?»

И проводникъ мой отвѣтилъ: «я тотъ, который спускается съ этимъ живымъ со скалы на скалу, потому что долженъ показать ему адъ».

Тогда они перестали опираться другъ на друга, и каждый изъ нихъ обернулся ко мнѣ, какъ и другіе духи, слышавшіе эти слова.

И мой добрый наставникъ, прижавшись ко мнѣ, сказалъ: «спрашивай у нихъ все, что хочешь». И, вслѣдствіе этого позволенія, я началъ такъ:

— «Да не изгладится память о васъ въ первомъ мірѣ изъ людскихъ умовъ, и да живетъ она подъ многими солнцами.

«Скажите мнѣ, кто вы и изъ какой страны; да не помѣшаетъ вамъ себя узнать даже это отвратительное и постыдное мученіе».

«Я былъ родомъ изъ Ареццо — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ — и Альберо изъ Сіенны велѣлъ бросить мени въ огонь, но не эта причина моей смерти привела меня сюда.

«Правда, разговаривая съ нимъ, я ему сказалъ какъ-то шутя: «я могу подняться на воздухъ и летѣть», а онъ, обладавшій большимъ любопытствомъ и малымъ умомъ,

«Захотѣлъ, чтобы я научилъ его этому искусству, и потому, что я не былъ Дедаломъ, онъ заставилъ того, который считалъ его сыномъ, сбросить меня»).

«Но за то, что я въ мірѣ пользовался алхиміей, я былъ осужденъ страдать въ послѣднемъ изъ десяти круговъ Миносомъ, которому не позволено ошибаться».

И я сказалъ поэту: «быль-ли когда-либо народъ болѣе тщеславенъ, чѣмъ сіенцы? Конечно, нѣтъ! даже французы—и тѣ не такъ тщеславны».

И другой прокаженный, услышавшій мои слова, отвѣтилъ мнѣ: «исключи изъ нихъ Стрикку, который сѣумѣлъ умѣрять свои издержки ⁷⁾,

«И Николо, который первый сдѣлалъ богатое открытіе употребленія гвоздики въ саду, гдѣ принимается ея сѣмя;

«Исключи веселую толпу, вмѣстѣ съ которой Каччіа изъ Ашіано прокутилъ свои лѣса и свои виноградники, а Аббальто обнаружилъ свой здравый смыслъ.

«Но если ты хочешь знать, кто такъ поддерживаетъ тебя противъ сіенцевъ, обрати на меня свой взоръ, чтобы мое лицо тебѣ отвѣчало,

«И ты увидишь во мнѣ тѣнь Капоккіо. Я поддѣлывалъ металлы, съ помощью алхиміи, и ты долженъ вспомнить, если только твои черты меня не обманываютъ ⁸⁾,

«Что по природѣ я былъ хорошей обезьяной».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЙ ПѢСНѢ.

¹⁾ Джерри дель Белло, родственникъ Данте съ материнской стороны, былъ убитъ однимъ изъ рода Сакетти. Только спустя тридцать лѣтъ Чіоне дель Белло, его племянникъ, отомстилъ за эту смерть.

²⁾ Вертранъ де-Борнъ былъ управителемъ Готфора.

³⁾ Эта долина, берущая свое названіе отъ болота Кіана, находится между Аренцо, Кортоне, Кіузи и Монтепульчiano.

⁴⁾ Мареммы простираются отъ Пизы до Сіенны.

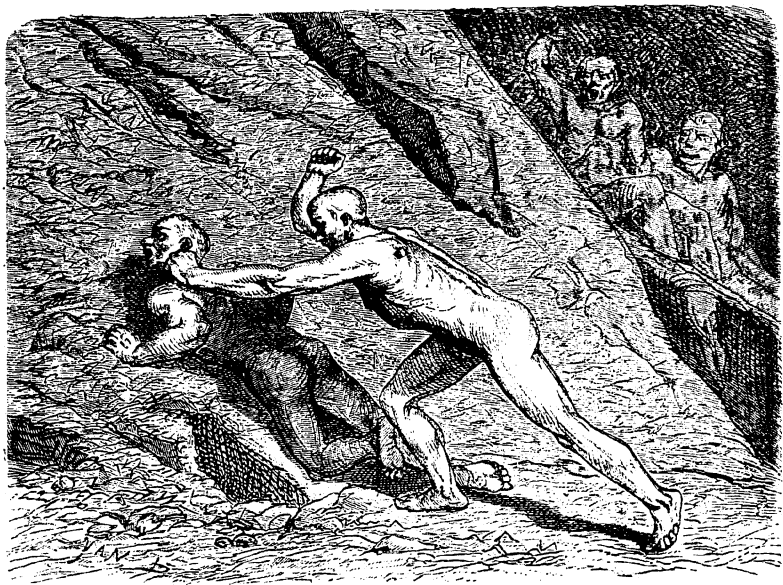
5) Во время царствованія Эака, сына Юпитера, вновь заселившаго островъ, превративъ муравьевъ въ людей. Отсюда и ихъ названіе: Мирмидоны.

6) Грифолино изъ Арепцо былъ осужденъ на сожженіе, какъ колдунъ, епископомъ сіенскимъ.

7) Насмѣшка надъ Стриккою, который разорилъ себя неслыханной роскошью, и надъ многими другими сіенскими расточителями.

8) Капоккіо изъ Сіенны изучалъ вмѣстѣ съ Данте физику и естественную исторію и былъ весьма ученъ. Въ этомъ мѣстѣ Калоккіо издѣвается надъ безумною роскошью многихъ сіенцевъ.

Одинъ изъ нихъ подбѣжалъ къ Каночю и схватилъ его за шею...

ПѢСНЯ ТРИДЦАТАЯ.

Другіе обманщики, находящіеся въ десятой ямѣ.—Во-первыхъ, принимавшіе лицо и видъ другихъ людей; они преслѣдуютъ и кусаютъ другъ друга.—Во-вторыхъ, фальшивомонетчики; они страдаютъ водянкой и мучимы ничѣмъ неутолимой жаждой.—Въ третьихъ, клеветники; ихъ истоощаетъ горячка. — Адамъ и грекъ Синопъ.

Въ тѣ времена, когда Юнона, ревновавшая къ Семелѣ, была разгнѣвана противъ рода еиванцевъ, какъ она доказала это много разъ,

Атамантъ сталъ такъ безуменъ, что, уводя свою жену, ведущую за руки его двухъ сыновей,

Воскликнулъ: «натянемъ сѣть, чтобы я могъ схватить и львицу, и львенковъ»; затѣмъ онъ распростеръ свои ужасные когти,

Взялъ одного изъ своихъ сыновей, называвшагося Лearchомъ, по-

вернулъ его надъ своей головой и разбилъ его о скалу; а его жена, схвативъ другого сына, утонула.

И когда судьба повергла въ прахъ величіе троянцевъ, имѣвшихъ смѣлость на все рѣшиться, и когда царь и царство погибли вмѣстѣ,

Гекуба, печальная, несчастная и плѣненная, выдавшая гибель Поликсены, нашедшая тѣло своего Полидора, лежавшее на берегу

Моря, потерявъ разумъ, залаяла какъ собака, — до такой степени страданіе истерзало ея разумокъ!

Но ни ярость еиванцевъ, ни жестокость троянцевъ не обнаружили столько жестокости противъ людей и даже животныхъ,

Насколько обнаружили двѣ блѣдныя нагія тѣни, которыя бѣжали, кусаясь подобно свиньѣ, вырвавшейся изъ своего хлѣва.

Одна изъ нихъ подбѣжала къ Калоккію, схватила его за шею и, увлекая за собой, заставила его взрыть землю своимъ животомъ.

Аретинъ ¹⁾ съ дрожью сказалъ мнѣ: «этотъ бѣшеный — Джіанни Скиччи ²⁾ и такимъ образомъ онъ убѣгаетъ, раздирая другихъ».

«О, — сказалъ я ему, — если другая тѣнь не разорветъ тебя зубами, то не сожалѣй, когда скажешь мнѣ, кто она такая, прежде чѣмъ она исчезнетъ».

И онъ мнѣ отвѣчалъ: «это древняя душа той преступной Мирры, которая сдѣлалась любовницей своего отца, противъ закона честной любви».

«Ради того, чтобы грѣшить такимъ образомъ со своимъ отцомъ, она скрывалась въ формахъ другой, подобно тому, какъ та, другая тѣнь, убѣгающая тамъ вѣскольکو дальше,

«Чтобы достать лучшую кобылу всего завода, согласилась взять имя Буозо Донати и сдѣлала завѣщаніе во всей законной формѣ».

Послѣ того, какъ эти двое бѣшенныхъ, на которыхъ я остановилъ мой взоръ, прошли, я обернулся, чтобы посмотреть на другихъ несчастныхъ.

Я увидѣлъ одного, который имѣлъ бы форму лютни, если бы только его пахъ былъ разрѣзанъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ тѣло раздѣляется на двѣ части, подобно виламъ.

Тяжелая водянка, которая, измѣняя теченіе жидкостей, дѣлаетъ члены такими непропорціональными, что лицо соотвѣтствуетъ животу,

Заставляя его открывать ротъ, какъ открываетъ ротъ чахоточный, раздираемый жаждой, приподнимаетъ одну губу и опускаетъ другую на подбородокъ.

«О, вы, избавленные отъ всякой муки въ этомъ несчастномъ мірѣ (не знаю, почему), — сказалъ онъ намъ — смотрите и обратите вниманіе

«На страданія Адама³). При жизни я имѣлъ все, чего хотѣлъ имѣть, а теперь, увы! я желаю одной лишь капли воды.

«Маленькіе ручейки, которые съ зеленыхъ холмовъ Казентиво текутъ до Арно, прорывая себѣ каналы въ холодной и сырой землѣ,

«Всегда находятся передъ моими глазами — и не напрасно, потому что ихъ видъ сушитъ меня еще больше, чѣмъ болѣзнь, уродующая мое лицо.

«Суровое правосудіе, меня наказывающее, пользуется мѣстами, гдѣ я грѣшилъ, чтобы вырвать изъ груди моей больше вздоховъ.

«Тамъ находится Ромена, гдѣ я дѣлалъ фальшивую монету съ изображеніемъ въ одномъ углу святого Іоанна Крестителя, почему я и оставилъ мое тѣло сожженнымъ на землѣ.

«Но если бы я увидѣлъ здѣсь преступную душу Гвидо⁴) и душу Александра, и душу ихъ брата, я бы не промѣнялъ этого зрѣлища на фонтанъ Бранды⁵).

«Одна изъ нихъ уже здѣсь, въ аду, если только бѣшенныя тѣни, стремящіяся по безднѣ, говорятъ правду; къ чему мнѣ это можетъ служить, когда мои члены связаны?

«Если бы, по крайней мѣрѣ, я былъ настолько легокъ, чтобы могъ въ сто лѣтъ подвинуться на одну линію, то я бы уже отправился въ путь,

«Чтобы найти эту тѣнь въ этой гнусной толпѣ, хотя долина имѣетъ одиннадцать миль въ окружности и, по крайней мѣрѣ, полмили въ ширину.

«Если я въ этой толпѣ, то обязанъ этимъ имѣ; они заставляли меня чеканить флорины, имѣвшіе три карата лигатуры».

И я ему сказалъ: «кто эти двое несчастныхъ, которые дымятся, подобно мокрой рукѣ зимой, и которые лежатъ, прижавшись другъ къ другу, по правую твою сторону?»

— «Я ихъ тутъ засталъ, и они не шевельнулись — отвѣчалъ онъ — съ тѣхъ поръ, какъ я брошенъ былъ въ эту яму, и я не думаю, чтобы они когда-либо могли сдѣлать хоть одно движеніе.

«Одна изъ нихъ — лукавая женщина, обвинявшая Иосифа, а другая тѣнь — лукавый Синопъ, этотъ троянскій грекъ: злокачественная лихорадка вызываетъ въ нихъ эти зловонныя испаренія».

И одинъ изъ нихъ, который, можетъ быть, вознегодовалъ на то, что его такъ позорно называли, ударилъ кулакомъ вздутый бокъ больного водянкой;

И онъ зазвучалъ точно барабанъ. Тогда Адамъ ударилъ его въ лицо рукой, которая была не менѣ сильная,

Говоря ему: — «хотя изъ-за моихъ отяжелѣвшихъ членовъ я не могу двигаться, моя рука достаточно еще легка для такого дѣла».

И Синопъ отвѣчалъ: «когда ты шелъ на костеръ, она была не такъ проворна; но она была у тебя такъ же проворна, а можетъ быть даже и болѣе, когда ты чеканилъ монету».

А больной водянкой прибавилъ: «ты говоришь правду; но твое свидѣтельство не было такъ правдиво, когда въ Троѣ отъ тебя требовали, чтобы ты сказалъ правду».

«Если мои слова были лживы, то ты поддѣлывалъ монету, — отвѣчалъ Синопъ; здѣсь я нахожусь за одну лишь вину, а ты — за большее число преступленій, чѣмъ какой-нибудь другой демонъ».

«Вспомни, лжесвидѣтель, о деревянной лошади — отвѣчалъ тотъ,

у котораго былъ вздутый животъ, и будь наказанъ тѣмъ уже, что весь свѣтъ это знаетъ».

«А ты—отвѣчалъ грекъ—будь наказанъ жаждой, корчащей твой языкъ, и гнилой водой, поднимающей твой животъ, точно заборъ передъ твоими глазами».

Тогда фальшивый монетчикъ сказалъ: «какъ всегда, твои уста раскрываются только для хулы, потому что если я страдаю жаждой и если жидкость вздуваетъ мое тѣло,

«То тебя пожираетъ лихорадка и твоя голова вся въ жару, и чтобы ты могъ лизнуть зеркало Нарциса, тебя не нужно было бы долго приглашать».

Я весь былъ погруженъ въ слушаніе этого разговора, когда мой учитель сказалъ: «берегись, немного еще нужно, чтобы я разсердился на тебя».

Когда я услышалъ, что мой руководитель говорилъ со мной такъ гнѣвно, я обернулся къ нему такой пристыженный, что и до сихъ поръ еще это чувство живетъ въ моей памяти.

И какъ человѣкъ, думающій о своемъ несчастіи, и, думая, надѣется что только мечтаетъ, такъ, какъ онъ желаетъ того, чего не было,—

Такимъ былъ и я, не будучи въ состояніи что-либо сказать, хотя и хотѣлъ извиниться, и дѣйствительно я извинился, не сознавая этого.

«Болѣе ужасныя преступленія, чѣмъ твои, искупаются меньшимъ количествомъ стыда,—сказалъ учитель, и потому оставь свою печаль.

«И помни, что я по-прежнему нахожусь около тебя, если тебѣ случайно придется еще быть свидѣтелемъ гнѣсной ссоры.

Ибо слушать такія вещи есть уже низкое желаніе».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРИДЦАТОЙ ПѢСНѢ.

1) Аретинъ, т. е. Гриффолинъ, который былъ родомъ изъ Ареццо.

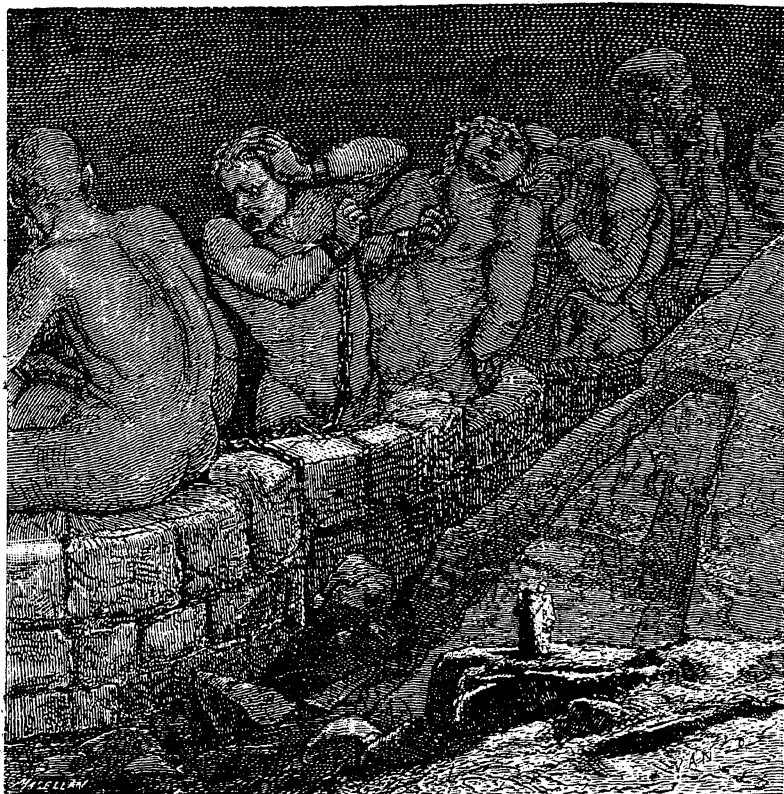
2) Этотъ Джіанни Скиччи принадлежалъ къ роду Кавальканти изъ Флоренціи; онъ съ необыкновенной ловкостью подражалъ всѣмъ. Когда у его друга Симона Донати умеръ близкій родственникъ Буозо Донати, которому тотъ не могъ наследовать, потому что у Буозо были болѣе близкіе родственники,—Симонъ Донати на нѣсколько дней скрылъ трупъ этого Буозо, говоря, что онъ боленъ, и положилъ въ кровать своего друга Джіанни Скиччи, который, принявъ фizioномію Буозо, сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу этого Симона, съ которымъ онъ предварительно условился, что Симонъ дастъ ему самую лучшую лошадь своего завода, по имени «Donna della Torma».

3) Адамъ—ловкій фальшивый монетчикъ изъ Брешии, который, стоворившись съ графомъ Ромена, поддѣлывалъ флорины, которые имѣютъ изображеніе святого Іоанна Крестителя, покровителя Флоренціи.

4) Гвидо и Александръ—графы Ромена изъ Казентино, о которыхъ говорится въ предшествующемъ примѣчаніи.

5) Бранда—фонтанъ въ Сиеннѣ.

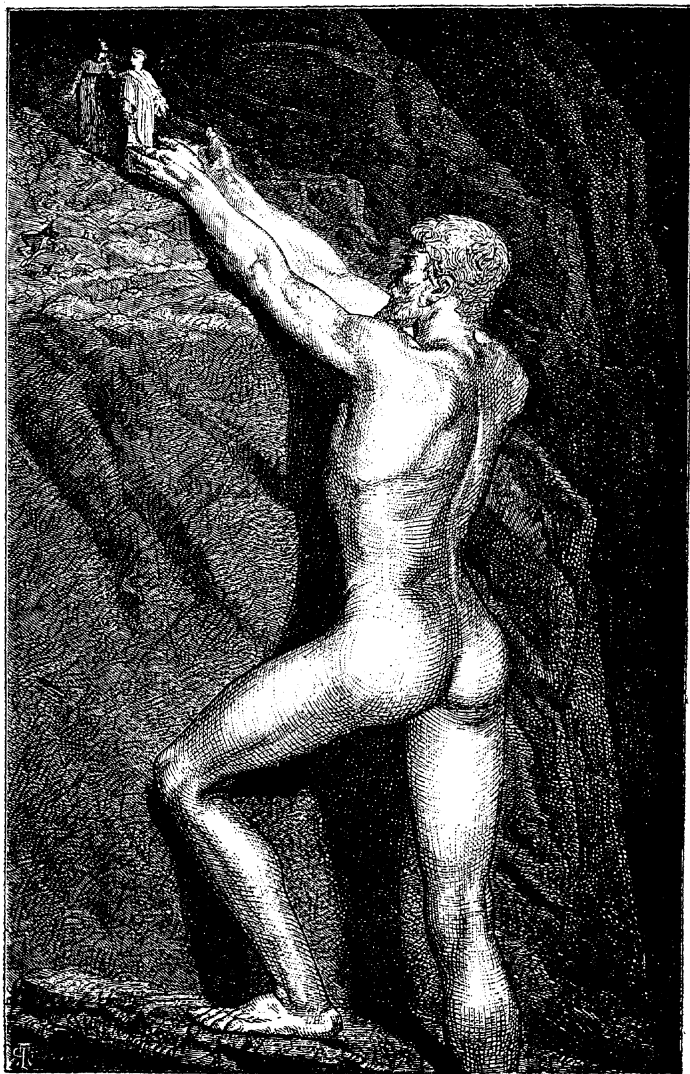

Такъ, подобно башнямъ, возвышались до половинны тѣла страшные гиганты...
(стр. 186).

ПѢСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Данте спускается въ девятый и послѣдній кругъ или кругъ измѣнниковъ. — Этотъ кругъ раздѣляется на четыре меньшихъ круга, гдѣ мучаются четыре рода измѣнниковъ. — Поэты встрѣчаютъ тамъ Нимврода, Эфіалта, Антея и другихъ гигантовъ, окружающихъ адскій кругъ. — Антей, взявъ поэтовъ на руки, переноситъ ихъ на самое дно девятого круга.

Тотъ-же самый языкъ, который меня сначала оскорбилъ и покрылъ румянцемъ моя щеки, принесъ мнѣ вслѣдъ за этимъ лекарство.

Тотъ торопливо протянулъ обѣ руки, ужасное объятіе которыхъ было извѣ-
стно Геркулессу... (стр. 188).

Такъ, я слышалъ, что копье Ахилла и его отца могло и наносить и въ то-же время излечивать раны.

Мы оставили несчастную долину, проходя молча по краю, окружающему ее.

Тамъ не наступалъ еще мракъ ночи, но не было уже дня, такъ что мой взоръ немного видѣлъ, что было передо мной. Но вдругъ я услышалъ такой сильный звукъ рога,

Что онъ могъ бы заглушить громъ, и этотъ звукъ привлекалъ меня къ тому мѣсту, откуда онъ исходилъ; я направилъ туда свои взоры.

Послѣ несчастнаго пораженія, когда Карлъ Великій потерялъ всѣ плоды святаго предпріятія, Роландъ не испускалъ изъ своего рога такихъ ужасныхъ звуковъ ⁴⁾).

Съ лицомъ, обращеннымъ въ ту сторону, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ мнѣ показалось, что я вижу много высокихъ башенъ. Поэтому я сказалъ: «учитель, скажи мнѣ, что это за городъ?»

И онъ мнѣ отвѣтилъ: «твое воображеніе обманываетъ тебя, потому что ты слишкомъ много хочешь видѣть въ этомъ мракѣ.

«Когда мы приблизимся, ты увидишь, какъ чувство бываетъ обманываемо разстояніемъ. А потому поторопимся».

Потомъ онъ взялъ меня ласково за руки и сказалъ: «Прежде, чѣмъ мы пойдемъ дальше, узнай, чтобы этотъ предметъ не показался тебѣ слишкомъ страннымъ,

«Что это не башни, а гиганты, погруженные въ колодець до пупа; они окаймляютъ его отверстіе».

Подобно тому, какъ, разсѣвая туманъ, глазъ мало-по-малу начинаетъ различать предметы, до тѣхъ поръ скрытые испареніями, наполненными воздухомъ;

Такъ, по мѣрѣ того, какъ я проникалъ сквозь этотъ густой и мрачный воздухъ, все больше и больше приближаясь къ краю ямы, моя ошибка улетучивалась и мой страхъ увеличивался,

Ибо, подобно тому, какъ Монтераджіоне ²⁾ увѣнчиваетъ башнями окружность своихъ стѣнъ, такъ и на краю, окружавшемъ колодець,

Возвышались до половины тѣла страшные гиганты, которымъ и теперь еще Юпитеръ угрожаетъ, когда расточаетъ свои громы.

И я видѣлъ уже лицо одного изъ нихъ, плечи, грудь, большую часть живота и обѣ руки, висѣвшія по бокамъ.

Конечно, природа хорошо сдѣлала, когда перестала создавать подобныхъ животныхъ, чтобы отнять у Марса этихъ ужасныхъ палачей;

И если она создаетъ, не раскаиваясь, слоновъ и китовъ, то тѣ, которые сохраняютъ рассудокъ, должны сознаться, что она справедлива и мудра,

Потому что, если къ разсужденію ума присоединяются злоба и сила, то для человѣка нѣтъ никакого возможнаго сопротивленія.

Лицо гиганта показалось мнѣ длиннымъ и толстымъ, какъ сосновая шишка Св. Петра въ Римѣ, ³⁾ и этому соотвѣтствовали другія кости,

Такъ что съ берега, отъ его пояса по серединѣ тѣла и до самыхъ ногъ, можно было видѣть достаточно, чтобы

Трое фризозъ не могли похвастаться, что достанутъ до его волосъ, потому что я видѣлъ три большія пальмы отъ края колодца до того мѣста, въ которомъ человѣкъ застегиваетъ свой плащъ.

«*Varhe lmai ames bialmi*» ⁴⁾—принялся кричать ужасный роть, который не могъ пѣть болѣе нѣжныхъ псалмовъ.

И мой проводникъ, обратясь къ нему, сказалъ: «безумная душа, возьми твой рогъ и облегчи себя имъ, если гнѣвъ или какая-нибудь другая страсть тебя мучить.

Поищи на своей шеѣ и ты найдешь ремень, на которомъ онъ виситъ; смущенная душа, посмотри, какъ онъ бороздитъ всю твою грудь».

Потомъ онъ сказалъ мнѣ: «этотъ самъ себя обвиняетъ; это—Нимвродъ, котораго безумное предпріятіе заставило весь міръ употреблять многіе языки ⁵⁾.

Оставимъ его и не будемъ говорить по-пустому, потому что для него всякій языкъ—то-же самое, что и его собственный, котораго никто не понимаетъ».

Поэтому мы сдѣлали болѣе длинный обходъ налѣво и на разстояніи выстрѣла изъ арбалета нашли другого гиганта, еще болѣе страшнаго и болѣе громаднаго роста.

Кто былъ тотъ, кто его такъ связалъ,—я не умѣю сказать, но его лѣвая рука была привязана къ груди, а правая—къ спинѣ

Цѣпью, обвивавшей его, начиная съ шеи и до самаго низу, и пять разъ охватывавшей ту часть тѣла, которая была видна.

«Этотъ гордецъ захотѣлъ показать силу своего могущества противъ верховнаго Юпитера—сказалъ мнѣ мной проводникъ —и вотъ награда, которой онъ заслужилъ.

«Его имя Эфіалтъ; онъ совершилъ свои великія дѣянія въ то время, когда гиганты наводили страхъ на боговъ. Рукой, которою онъ такъ страшно потрясалъ, онъ никогда уже больше не двинетъ».

И я ему сказалъ: «если это мнѣ позволено, я бы хотѣлъ собственными глазами увидать громаднаго Бриарея».

«Тогда онъ отвѣчалъ: «ты увидишь недалеко отсюда Антея, который свободенъ и можетъ говорить, и который перенесетъ насъ въ самую глубь ада.

Тотъ, кого ты хочешь видѣть,—гораздо дальше; онъ связанъ и похожъ на этого, но его видъ гораздо страшнѣе».

Никогда еще самое ужасное землетрясеніе не поколебало башни съ такой силой, съ какой Эфіалтъ сталъ вдругъ ворочаться.

Тогда я боялся смерти больше, чѣмъ когда-либо; одинъ страхъ могъ меня убить, если бы я только не замѣтилъ, что гигантъ связанъ.

Тогда мы пошли впередъ и подошли къ Антею, который на пять локтей, не считая головы, возвышался надъ колодцемъ.

«О, ты, который въ счастливую долину, гдѣ Сципіонъ унаслѣдовалъ вѣчную славу, когда Аннибалъ со своимъ войскомъ обратился въ бѣгство ⁶⁾,

Принесъ въ добычу тысячу львовъ ⁷⁾, ты, который еще заставляешь вѣрить, что если бы ты сражался съ твоими братьями,

«То сыны земли были бы побѣдителями ⁸⁾, не откажи перенести насъ въ глубину бездны, гдѣ ледъ дѣлаетъ затвердѣлымъ Коцитъ.

«Не посылай меня ни къ Титю, ни къ Тифею. Сопровождающій меня можетъ дать то, чего здѣсь желаютъ; и такъ, наклонись и не принимайся корчить свою морду.

«Онъ можетъ возвѣстить о тебѣ міру, потому что онъ живетъ, и его ожидаетъ еще долгая жизнь, если милость не призоветъ его прежде времени».

Такъ сказалъ учитель, а тотъ торопливо протянулъ обѣ руки, ужасное объятые которыхъ было извѣстно Геркулесу, и взялъ моего проводника.

Когда *Виргилій* увидѣлъ себя схваченнымъ, онъ сказалъ мнѣ: «Приблизься, чтобы я могъ тебя взять», и гигантъ изъ насъ обоихъ сдѣлалъ одну ношу.

Подобно тому, какъ *Гаризенда* ⁹⁾, тѣмъ, которые на нее смотрятъ съ той стороны, къ которой она наклоняется, и когда облако виситъ надъ нею, кажется, что готова опрокинуться,

Такимъ показался мнѣ и Антей, въ то время, когда я остано-
вился, чтобы посмотрѣть, какъ онъ наклонится. Было мгновение,
когда я предпочелъ бы пойти по другой дорогѣ.

Но онъ поставилъ насъ бережно на самое дно пропасти, гдѣ
мучаются Люциферъ и Іуда. Онъ не оставался въ такомъ положеніи
И выпрямился, какъ мачта корабля.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЙ ПѢСНѢ.

¹⁾ Существуетъ преданіе, что послѣ битвы подъ Ронсево рогаъ Роланда
былъ слышенъ на восемь миль вокругъ.

²⁾ Монтераджіоне—замокъ между Страджіей и Сиенной.

³⁾ Сосновая шишка (Pigna), о которой упоминаетъ въ этомъ мѣстѣ
Данте, имѣетъ одиннадцать футовъ въ длину; она сдѣлана изъ бронзы и
первоначально украшала мавзолей Адриана; во времена Данте она находи-
лась на фасадѣ старой церкви Св. Петра, а теперь находится въ нишѣ
Браменте, въ Ватиканскомъ саду. По бокамъ ея поставлены два бронзо-
выхъ павлина.

⁴⁾ Значеніе этихъ словъ неизвѣстно.

⁵⁾ Нимвродъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые сооружали Вавилонскую
башню: «Gigantes autem erant super terram in diebus illis» (Книга
Бытія, гл. VI).

⁶⁾ Въ сраженіи подъ Цама.

⁷⁾ «Ferunt epulas habuisse leones» (Phars., I, IV).

⁸⁾ Coeloque pepercit

Quod non Phlegraeis Anteuum sustulit arvis (Phars. I, IV).

⁹⁾ Гаризенда—названіе наклонной башни въ Болоньи; теперь она назы-
вается Torre Mozza.

Тогда я схватилъ его за волосы... (стр. 193).

ПѢСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Первый кругъ, въ которомъ находится Каинъ, братоубійца.—Измѣнники своимъ роднымъ погружены въ замерзшее озеро.—Альберто Камниччионъ де'Пацци.—Второй кругъ или кругъ Антенора и измѣнниковъ родины.— Уголино и архіепископъ Руджіери.

Если бы я имѣлъ въ своей власти суровыя и грозныя рѣны, какія соотвѣтствовали бы проклятой пропасти, на которой покоятся всѣ остальные утесы,

Я бы полнѣе изливалъ сокъ моей мысли, но, не обладая ими, я не безъ боязни возвышаю свой голосъ,

Ибо это не дѣло забавы описать всѣ глубины вселенной и не дѣло ребенка, который лепечетъ: папа и мама.

Но, да помогутъ мнѣ въ этомъ тѣ женщины ¹⁾, которыя помогали Анфіону воздвигнуть стѣны Фивъ,—чтобы мои слова могли выразить то, что я видѣлъ.

О, человѣческое племя, болѣе проклятое, чѣмъ всѣ другія племена, стонущее въ этомъ мѣстѣ, о которомъ такъ тяжело говорить, не лучше-ли было бы для тебя состоять изъ козъ или овецъ на землѣ!

Какъ только мы очутились въ самой глубинѣ темнаго колодца, подъ ногами гиганта, но гораздо ниже ихъ, и когда я еще смотрѣлъ на высокія стѣны,—

Я услышалъ слова, обращенныя ко мнѣ: «обращай вниманіе на свои шаги; постарайся не раздавить своей ступней головы твоихъ несчастныхъ, подвергнутыхъ мученіямъ, братьевъ!»

При этихъ словахъ я обернулся и увидѣлъ передъ собой озеро, покрытое льдомъ, вслѣдствіе чего оно болѣе походило на стекло, чѣмъ на воду.

Никогда болѣе толстый слой не покрывалъ зимою теченія Дуная въ Австріи, или Танаиса подъ ледянымъ небомъ,

Чѣмъ тотъ, который былъ виденъ въ этомъ мѣстѣ и который, если бы Таберникъ и Піетропана упали на него, не былъ бы раздавленъ ими ²⁾.

И, подобно тому, какъ лягушка принимается квакать, высунувъ морду изъ воды, въ то время, когда крестьянкѣ часто снится собираніе колосевъ,—

Такъ эти блѣдныя, мрачныя тѣни были погружены въ ледъ, до той части лица, на которой появляется краска стыда, и ихъ зубы стучали, какъ клювъ аиста.

Ихъ лица были обращены внизъ; ихъ уста свидѣтельствовали о холодѣ, который онѣ испытывали, а ихъ глаза—о страданіяхъ ихъ сердца.

Когда я, нѣсколько времени посмотрѣвъ на нихъ, опустилъ глаза къ своимъ ногамъ, то увидѣлъ двухъ грѣшниковъ, такъ тѣсно прижатыхъ другъ къ другу, что ихъ волосы смѣшивались вмѣстѣ.

«Скажите мнѣ—воскликнулъ я—вы, такъ тѣсно другъ къ другу прижатые, скажите мнѣ, кто вы?» И они вытянули назадъ свои шеи и посмотрѣли на меня;

Слезы, орошавшія ихъ глаза, выступали изъ-за вѣкъ, и холодъ мгновенно сгустилъ ихъ.

Никогда еще желѣзная скоба не сжимала такъ сильно двухъ досокъ. Вотъ почему два грѣшника, побѣжденные яростью, сдѣшались, какъ два козла.

Другой грѣшникъ, лишившійся отъ холода обонхъ ушей, сказалъ мнѣ, склонивъ лицо книзу: «почему ты такъ смотришь на насъ?»

«Если ты хочешь знать, кто эти два грѣшника, то знай, что долина, по которой протекаетъ Биценціо, повиновалась ихъ отцу Альберто и имъ³⁾».

«Они вышли изъ одного чрева; ты можешь пройти весь кругъ Каина, и ты все-таки не найдешь ни одной тѣни, которая болѣе заслуживала бы быть во льду⁴⁾»;

«Ни та тѣнь, грудь которой Артуръ насквозь пронзилъ однимъ ударомъ⁵⁾, ни Фоккачіа⁶⁾, ни та, которая

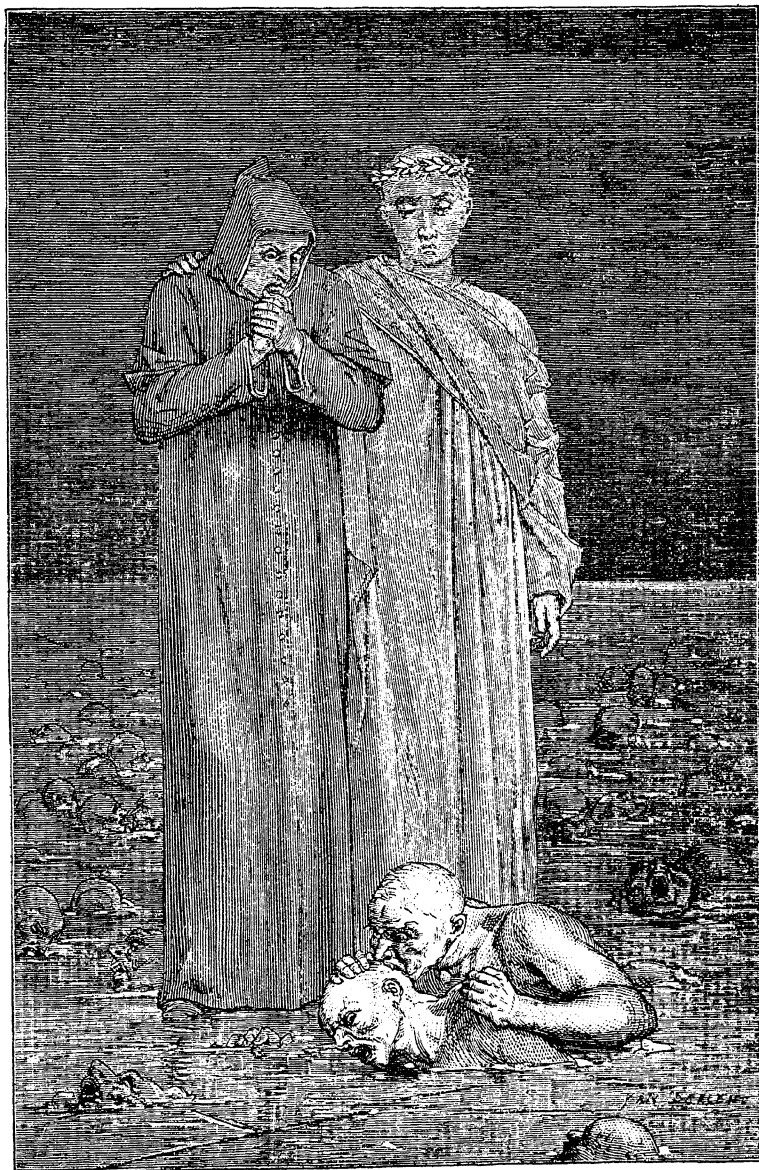
«Своей головой мѣшаетъ мнѣ смотрѣть дальше и которая была названа Сассоло Маккерони⁷⁾. Если ты тосканецъ, то долженъ ее знать»;

«А чтобы ты не заставлялъ меня больше говорить, узнай, что я—Каммичіоне де'Пацци и что я ожидаю Карлино, котораго преступленіе послужитъ мнѣ извиненіемъ⁸⁾».

Потомъ я замѣтилъ тысячу другихъ лицъ, сдѣлавшихся отъ холода фіолетовыми; поэтому воспоминанія объ этомъ замерзшемъ озерѣ вызываютъ у меня дрожь и всегда будутъ ее вызывать.

И въ то время, какъ мы приближались къ центру, къ которому стремится всякая тяжесть, я дрожалъ на этомъ вѣчномъ льдѣ.

Не знаю, была-ли то моя воля или случай, но, проходя между головами, я сильно толкнулъ одну изъ нихъ.

И подобно тому, какъ голодный набрасывается на хлѣбъ, такъ тотъ вонзиль
зубы въ голову... (стр. 194).

Грѣшникъ вскричалъ, рыдая: «почему ты топчешь меня? Если ты не пришелъ увеличить мечь Монте-Аперто, то зачѣмъ ты меня мучишь?»

И я сказалъ: «о, мой учитель, подожди меня здѣсь, пока я не разгону сомнѣній этой тѣни; потомъ торопи меня сколько хочешь».

Проводникъ мой остановился, и я сказалъ тому, кто продолжалъ еще страшно богохульствовать: «кто ты, бранящій такъ другихъ?»

«Да кто ты самъ—отвѣчалъ онъ,—вдушій по Антенорѣ⁹⁾ и такъ ужасно наступающій намъ на щеки, что если бы ты былъ живъ, то и тогда еще это было бы слишкомъ ужасно?»

«Я живу еще — былъ мой отвѣтъ — можетъ быть, тебѣ будетъ пріятна мысль, что я помѣщу твое имя въ мои стихи».

И онъ отвѣчалъ мнѣ: «я желаю какъ разъ обратнаго; отойди и не мучь меня больше, потому что ты плохо льстишь въ этой ямѣ».

Тогда я схватилъ его за волосы и сказалъ ему: «ты скажешь свое имя или у тебя не останется ни одного волоса на головѣ».

Но онъ мнѣ отвѣчалъ: «ты можешь вырвать у меня всѣ волосы, но я не скажу и не покажу, кто я такой, хотя бы ты и тысячу разъ накидывался на мою голову».

Я уже намоталъ себѣ на руку его волосы и вырвалъ уже больше одной пряди, какъ онъ залаялъ, обративъ свое лицо книзу,

Но вдругъ другой воскликнулъ: «что съ тобой, Бокка?¹⁰⁾ Развѣ тебѣ недостаточно скрежетовъ зубами безъ дая? Какой демонъ мучаетъ тебя?»

«Теперь — сказалъ я — я не хочу, чтобы ты говорилъ, проклятый измѣнникъ. Къ твоему позору, я принесу наверхъ вѣрныя извѣстія о тебѣ».

«Иди прочь — отвѣчалъ онъ — и рассказывай, что хочешь, но не забывай, если ты выйдешь изъ этого мѣста, того, чей языкъ былъ такъ быстръ».

«Онъ оплакиваетъ здѣсь деньги французовъ. Ты можешь сказать: я видѣлъ Бузо да Дуэра тамъ, гдѣ грѣшники находятся во льду».

«Если тебя спросят: кого ты еще видѣлъ въ этомъ мѣстѣ, то вотъ около тебя Беккеріа, которому Флоренція перерѣзала горло;

«Джіанни дель Сольданіеро, какъ мнѣ кажется, находитесь нѣсколько дальше вмѣстѣ съ Ганелонэ и Тебаделло, который ночью открылъ ворота Фаэнцы».

Мы отошли уже отъ этой тѣни, когда я увидѣлъ двухъ замерзшихъ въ этой ямѣ такимъ образомъ, что голова одного служила шапкой для другого.

И подобно тому, какъ голодный набрасывается на хлѣбъ, такъ тотъ, который былъ наверху, вонзилъ зубы въ то мѣсто головы другого, гдѣ мозгъ прикасается къ затылку.

Подобно тому, какъ Тидей грызъ въ ярости виски Меналиппа ⁴¹⁾, такъ точно грызъ онъ его черепъ и все, чтѣ въ немъ находилось.

«О, ты! своею яростью дикого звѣря показывающій такую ненависть къ тому, кого ты пожираешь, скажи мнѣ, чтѣ онъ тебѣ сдѣлалъ,—сказалъ я ему—ибо

Если ты справедливо на него негодуешь, то, зная, кто онъ такой и какое его было преступленіе, я буду въ состояніи отомстить за тебя въ мірѣ,

Если только языкъ, которымъ я говорю, не изсохнетъ».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ПѢСНѢ.

1) Музы.

2) Таберникъ—гора въ Эсклавоіи; Піетропана—гора въ Тосканѣ.

3) Рѣка Виценціо течетъ въ долинѣ Фальтерона, между Луккой и Флоренціей. Александръ и Наполеонъ, сыновья Альберто д'Альберти, умертвили другъ друга послѣ смерти ихъ отца.

4) Т. е. въ кругѣ Каина, гдѣ мучаются измѣнники своимъ близкимъ.

5) Мордрекъ, усѣвшисъ въ засадѣ съ цѣлю убить своего отца Артура, былъ предупрежденъ этимъ героемъ, который однимъ ударомъ пронзилъ ему грудь.

6) Фоккачіа Канчельери изъ Пистойи отрубилъ руку своему двоюродному брату, а потомъ убилъ своего дядю.

7) Сассоло Маккерони, изъ Флоренціи, точно также убилъ своего дядю, а по другимъ извѣстіямъ—своего племянника.

8) Каммичіоне де'Пацци умертвилъ Урбино, своего родственника. Карлино де Пацци изъ Арля, приверженецъ Вѣлыхъ или Гибеллиновъ, передалъ Чернымъ или гвельфамъ за извѣстную сумму денегъ замокъ ПIANO-ди-ТРЕ-ВИНЬЕ, находящійся въ долинѣ Арно.

9) Последняя яма Ада раздѣляется на четыре части: *Каина*—названа такъ отъ Каина, убившаго своего брата; *Антенора*—отъ Антенора, измѣнившаго своему отечеству; *Толомеа*—отъ Птоломея, измѣнившаго своему гостю, и *Джудекка*—отъ Іуды, измѣнившаго Богу.

10) Въ сраженіи при Монте-Аперто, гвельфъ Вокка, подкупленный гибеллинами, измѣнически отрубилъ руку Якопу Пацци, несшему знамя своей партіи. Гвельфы, поверженные въ страхъ паденіемъ ихъ знамени, бѣжали и потеряли такимъ образомъ сражаніе.

11) Тидей умертвилъ своего врага Меналипу, который ранилъ его въ Фивахъ, и въ бѣшенствѣ съѣлъ его мозгъ.

Я видѣлъ, какъ они умерли всѣ трое... (стр. 198).

ПѢСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Исторія графа Уголино.—Третій кругъ или Толомея, гдѣ находятся измѣнники своимъ гостямъ.—Вратъ Альбериго.

Грѣшникъ оторвалъ ротъ отъ своего ужаснаго кушанья и вытеръ его о волосы головы, которую грызъ сзади.

Потомъ началъ слѣдующими словами: «ты хочешь, чтобы я возобновилъ безнадежное страданіе, одно воспоминаніе о которомъ ждало мнѣ сердце прежде, чѣмъ я началъ говорить.

«Но если мои слова должны служить сѣменемъ, приносящимъ плоды позора измѣннику, котораго я грызу, то ты увидишь меня горящимъ и плачущимъ въ одно и то же время.

«Я не знаю, кто ты, и какимъ образомъ ты спустился сюда; но мнѣ кажется, что ты флорентинецъ, когда я слышу твое произношеніе.

«И такъ, ты долженъ знать, что я—графъ Уголино, а этотъ— архіепископъ Руджіери ¹⁾. Я тебѣ скажу, почему здѣсь я для него такой сосѣдь.

«Какимъ образомъ, подъ вліяніемъ его темныхъ навѣтовъ, когда я довѣрялъ ему, я былъ схваченъ и преданъ смерти,—безполезно говорить.

«Но чего ты не можешь знать — это какъ жестока была моя смерть. Слушай, и ты узнаешь, долженъ-ли я его ненавидѣть.

«Узкое окно той темницы, которая послѣ меня была названа башнею Голода и въ которую многіе еще будутъ заключены,

«Много разъ показывало мнѣ, черезъ свое отверстіе, совершавшую свой путь луну, когда мнѣ приснился ужасный сонъ, разорвавшій передо мной завѣсу будущаго.

«Руджіери мнѣ представился въ этомъ снѣ владыкой и господиномъ, гонящимъ волка и волчатъ къ горѣ, скрывающей Лукку отъ пизанцевъ ²⁾.

«Въ сопровожденіи худыхъ, обученныхъ, ловкихъ собакъ, графы Гуаланди, Сисмонди и Ланфранки неслись впереди нихъ.

«Послѣ нѣкотораго времени волкъ и волчата показались мнѣ истомленными, и мнѣ казалось, что я увидѣлъ, какъ острые зубы собакъ раздираютъ ихъ бока.

«Когда я проснулся передъ зарей, я услышалъ плачъ бывшихъ со мною сыновей, во снѣ просившихъ хлѣба.

«Ты долженъ быть очень жестокъ, если уже и теперь ты меня не сожалѣешь, думая о томъ, что предчувствовало мое сердце, и если ты не плачешь отъ этого, то отъ чего ты можешь плакать?

«Они уже проснулись и приближался часъ, когда намъ приносили пищу, и каждый трепеталъ, думая о своемъ снѣ.

«Какъ вдругъ я услышалъ, что подо мной забиваютъ дверь ужасной башни, и я пристально посмотрѣлъ на моихъ сыновей, не говоря имъ ни слова.

«Я не плакалъ; мое сердце окаменѣло. Они же плакали, и маленькій Анзельмуччіо спросилъ меня: «почему ты такъ смотришь, отецъ? Что съ тобою?»

«Однако, я не плакалъ и не отвѣчалъ весь этотъ день и всю слѣдующую ночь, до тѣхъ поръ, пока солнце снова не взошло надъ міромъ.

«Когда слабый лучъ скользнулъ въ печальную тюрьму и когда я узналъ мое собственное изображеніе на ихъ четырехъ лицахъ,

«То отъ мученій я укусилъ себѣ обѣ руки, и они, думая, что я сдѣлалъ это подъ вліяніемъ голода, вдругъ всѣ встали

«И сказали: «отецъ, мы будемъ менѣ страдать, если ты съѣшь одного изъ насъ; ты насъ облекъ въ это несчастное тѣло, ты и сними его».

«Тогда я успокоился, чтобы не опечаливать ихъ больше. Этотъ день и слѣдующій за нимъ мы оставались нѣмы. О, жестокая земля! Почему ты тогда не открылась и не поглотила насъ?»

«Когда мы дожили до четвертаго дня, Гаддо бросился къ моимъ ногамъ и сказалъ: «отецъ, отчего ты мнѣ не поможешь?»

«И онъ умеръ; и какъ ты меня видишь, я видѣлъ, какъ они умерли всѣ трое, одинъ за другимъ въ пятый и шестой день, и тогда

«Уже слѣной я началъ ошупью отыскивать ихъ. И звалъ ихъ въ теченіе трехъ дней, когда они были уже мертвы. Затѣмъ голодъ пересилилъ страданія».

Когда онъ окончилъ, то съ блуждающими глазами опять вонзилъ въ ужасный черепъ свои зубы, которые глодали кости съ яростью собаки.

О, Пиза! позоръ прекрасныхъ земель, гдѣ раздается *Si*, такъ какъ твои сосѣди медлятъ покорить тебя,

То пусть Капрая и Горгона ³⁾ сойдутъ со своихъ мѣстъ и какъ плотины закроютъ устья Арно, чтобы всѣ твои жители были потоплены въ твоихъ стѣнахъ.

Если графъ Уголино былъ обвиненъ въ предательствѣ твоихъ крѣпостей, то на его дѣтей не долженъ былъ быть возложенъ такой крестъ.

Ихъ малый возрастъ, о, новыя Оивы, дѣлалъ невинными Угучіоне и Бригагу и двухъ другихъ, которыхъ моя пѣснь называетъ выше.

Идя дальше, мы пришли туда, гдѣ ледъ еще жесточе сжимаетъ грѣшниковъ, которые вмѣсто того, чтобы имѣть лицо, наклоненное книзу, опрокинуты на спину.

Тамъ самыя слезы останавливаютъ плачъ, и страданіе, находя такое препятствіе въ глазахъ, толпится внутрь и увеличиваетъ мученія,

Потому что первыя слезы сгущаются и, точно хрустальное забрало, наполняютъ все углубленіе вѣкъ.

И хотя отъ холода мое лицо потеряло всякую чувствительность, мнѣ показалось, что я чувствую вѣтеръ, и я сказалъ: «учитель, что это движется? Развѣ тутъ не потушено всякое дуновеніе?»

Онъ мнѣ отвѣчалъ: «ты скоро это узнаешь; твой взоръ дастъ тебѣ отвѣтъ, когда ты увидишь причину, производящую этотъ вѣтеръ».

И одинъ изъ несчастныхъ, погруженныхъ въ ледъ, воскликнулъ намъ: «о, души столь жестокиа, что васъ присудили къ послѣдному кругу,

«Снимите съ меня эти тяжелыя покрывала, чтобы я могъ облегчить страданіе, наполняющее мое сердце, прежде чѣмъ мои слезы снова замерзнуть».

И я сказалъ ему: «если ты хочешь, чтобы я тебя облегчилъ, скажи мнѣ сперва, кто ты, и если я тебя отъ этого не освобожу, то пусть буду погруженъ въ глубину льда».

Тогда онъ мнѣ отвѣтилъ: «я отецъ Альбериго, я тотъ, котораго садъ производилъ дурные плоды, и здѣсь я получаю возмездіе за фиги» 4).

«О, сказалъ я, развѣ ты уже умеръ?» А онъ мнѣ: «какимъ образомъ мое тѣло находится на землѣ—я не могу понять.

«Эта Толомея имѣеть то свойство, что часто душа ниспадаетъ туда, прежде чѣмъ Антропосъ толкнетъ ее туда⁵⁾».

«И для того, чтобы ты съ большею охотой снялъ съ моихъ глазъ эти окаменѣвшія слезы, знай, что какъ только душа совершитъ измѣну, какъ это было со мной, ея тѣло похищается демономъ, который управляетъ имъ, пока не исполнится ея время.

«А душа въ это время низвергается въ эту ледяную цистерну и, можетъ быть, кажется живымъ тѣломъ этой тѣни, которая дрожитъ позади меня.

«Ты долженъ ее знать, если ты пришелъ сверху: это Бранка д'Орѳа, и много уже лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ находится въ этой безднѣ⁶⁾».

«Я думаю,—сказалъ я ему—что ты меня обманываешь, потому что Бранка д'Орѳа не умеръ, а ѣсть, пить, спать и носить одежды».

«Иа Малобранке,—отвѣчалъ онъ—которая ниже насъ, тамъ, гдѣ кипитъ вонючая смола, не поглотила еще Микеля Занке,

«Когда Бранка д'Орѳа оставилъ въ своемъ тѣлѣ дьявола вмѣсто себя, точно такъ же, какъ и одинъ изъ его родственниковъ, который совершилъ измѣну вмѣстѣ съ нимъ.

«Аг теперь протяни руку и открой мнѣ глаза». И я ему открылъ ихъ, и было вѣжливостью быть съ нимъ невѣжливымъ».

«О; гренуэзцы, люди странныхъ нравовъ, переполненные всѣми возможными пороками,—почему не изгнаны вы изъ этого міра?

«Съ однимъ изъ самыхъ порочныхъ умовъ всей Романьи я нашелъ одного изъ васъ, душа котораго, за все ея преступленія, купается уже въ Бодитѣ,

«А его тѣло кажется еще живущимъ на землѣ.

Онъ плагаль своими шестью глазами... (стр. 204).

Рр

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНЬ.

¹⁾ Въ 1288 году, Уголино, изъ рода графовъ Герардеска, былъ правителемъ Пизы. Завидуя его могуществу, архіепископъ Руджіери распустилъ противъ него слухъ о его измѣнѣ; потомъ, поддержанный Гуаланди, Симонди и Ланфранки, онъ прямо отправился во дворецъ графа Уголино, арестовалъ его вмѣстѣ съ двумя его сыновьями и двумя внуками и заключилъ ихъ въ башню, находившуюся на площади Дельи Анціани. Ключи темницы, которая была впоследствии названа башнею Голода, были брошены въ Арно.

²⁾ Гора Святого Джульяна.

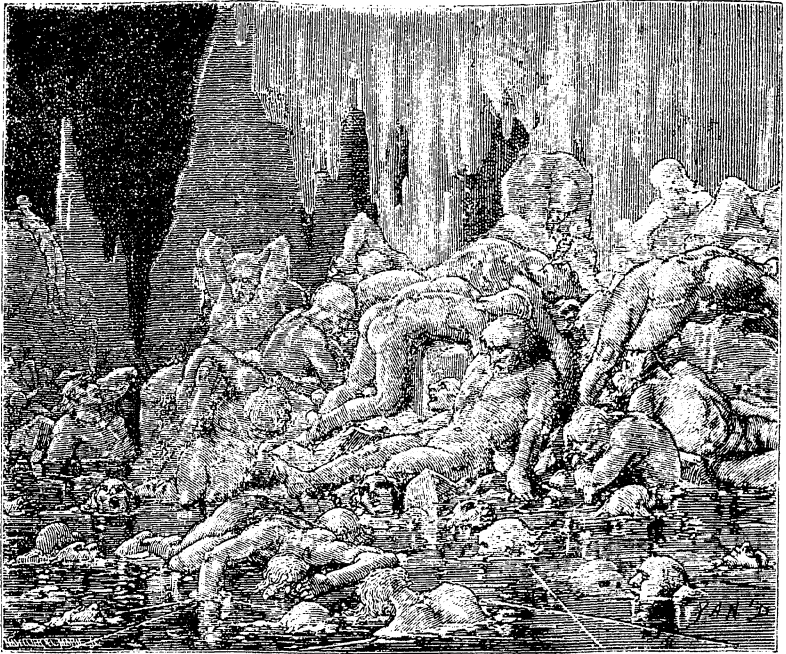
³⁾ Два острова въ устьѣ Арно.

⁴⁾ Отецъ Альбериго, монахъ ордена Годенти, поссорился со своими родными. Однажды, сдѣлавъ видъ, что хочетъ помириться съ ними, онъ пригласилъ ихъ на пиръ; потомъ, въ то самое время, какъ были поданы плоды, онъ приказалъ всѣхъ ихъ умертвить. Отсюда итальянская поговорка: «онъ попробовалъ плодовъ отца Альбериго».

⁵⁾ Птоломей измѣнилъ Помпею.

⁶⁾ Бранка д'Орія, генузецъ, убилъ своего зятя, Микеля Занке.

Я пришел туда, гдѣ души, погружены въ ледь...

ПѢСНЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Четвертый кругъ или Джудекка, гдѣ мучаются измѣнники своимъ благодѣтелямъ.— Тамъ находится прикованный Люциферъ.— Виргилій объясняетъ основаніе Ада.— Поэты выходятъ изъ мѣста плача и снова видятъ звѣзды.

«*Vexilla regis prodeunt inferni* ¹⁾), они приближаются къ намъ. А потому смотри впередъ,—сказалъ мнѣ учитель—если ты можешь ихъ различить».

Подобно тому, какъ когда густое облако заволакиваетъ небо или когда ночь спускается на наше полушаріе, вдали едва можно различить мельницу, которую вертитъ вѣтеръ,

— Такъ, я различалъ вдали нѣчто въ родѣ отдаленнаго зданія.

Тогда, чтобы защититься отъ вѣтра, я спрятался за своего проводника, потому что другого прибѣжища не было.

Я уже пришелъ туда (и со страхомъ я перекладываю это въ стихи), гдѣ тѣни, покрытыя льдомъ, походятъ на зародыши въ банкѣ.

Одни лежатъ, другіе стоятъ, кто на головѣ, кто на ногахъ; другіе, согнутые на подобіе лука, приближаютъ голову къ своимъ ногамъ.

Когда мы настолько подвинулись впередъ, что моему учителю было угодно показать существо, которое прежде было такъ прекрасно,

Онъ посторонился отъ меня и остановилъ меня словами: «вотъ Дитя ²⁾); вотъ мѣсто, гдѣ тебѣ необходимо вооружиться мужествомъ».

Какъ стоялъ я, весь подавленный и униженный, — не спрашивай меня объ этомъ, читатель: я не могу этого сказать, потому что всякое слово будетъ недостаточно.

Я не умеръ, но и жить не продолжалъ. Суди же самъ, если у тебя есть хоть немного ума, что было со мною, лишеннымъ жизни, и смерти?

Властелинъ царства страданій до половины груди возвышался изъ льда, и я скорѣе могу сравняться ростомъ съ великанами,

Чѣмъ великаны могутъ сравняться съ одною его рукой, — разсуди же, каково должно было быть все, соотвѣтственно этой части его тѣла.

Если прежде онъ былъ прекрасенъ, то какъ ужасенъ онъ теперь! И если уже осмѣлился поднять глаза на своего Создателя, то, конечно, отъ него должно происходить все страданіе.

О, какъ велико было мое изумленіе, когда я увидѣлъ три лица на его головѣ ³⁾. Одно было спереди, все красное;

Два другія возвышались съ каждаго плеча и соединялись съ первымъ лицомъ на верхушкѣ головы.

Правое лицо показалось мнѣ не то желтымъ, не то бѣлымъ; лѣвое было того цвѣта, какое бываетъ у тѣхъ, которые живутъ, гдѣ течетъ Ниль.

Надъ каждымъ изъ трехъ лицъ выдѣлялись два громадныя крыла, какія нужны для такой громадной птицы: никогда на морѣ не видѣлъ я подобныхъ парусовъ.

Они были безъ перьевъ, подобно крыльямъ летучей мыши, и, двигая ими, онъ производилъ три вѣтра,

Которые оледеняли весь Коцитъ; онъ плакалъ своими шестью глазами, и слезы скатывались на три подбородка, смѣшиваясь съ кровавой слюной.

Каждый ротъ терзалъ зубами грѣшника, подобно машинѣ, которая мнетъ ленъ. Такимъ образомъ онъ терзалъ одновременно трехъ.

Для того, который былъ спереди, зубы ничего не значили въ сравненіи съ ранами, дѣлаемыми когтями, и эти раны были таковы, что по временамъ его тѣло было совсѣмъ отдѣлено отъ кожи.

«Эта душа, — сказалъ учитель — которая тамъ наверху страдаетъ, есть Гуда Искаріотскій; его голова находится во рту Дитэ, а ноги извиваются наружу.

«Изъ двухъ другихъ, у которыхъ головы свѣшиваются внизъ, — тотъ, который виситъ изъ рта черного лица, есть Брутъ; посмотри, какъ онъ корчится, не говоря ни слова.

«А другой, кажущійся такимъ мускулистымъ, — Кассій. Но ночь уже поднимается, и теперь уже время уходить, потому что ты уже все видѣлъ»⁴⁾.

Я обхватилъ его за шею, какъ онъ приказалъ мнѣ; онъ выбралъ благоприятное время и мѣсто, и когда крылья были достаточно распушены,

Онъ схватилъ за волосатые бока Люцифера и отъ пряди до пряди спускался между густой шерстью и ледяной чешуей.

Какъ только мы приблизились къ тому мѣсту, гдѣ ноги переходятъ въ бедро, мой проводникъ съ усиліемъ и безпокойствомъ

Обернулъ голову къ тому мѣсту, гдѣ были ноги, и схватился за шерсть, какъ человѣкъ, который поднимается, такъ что мнѣ показалось, что мы возвращаемся въ адъ.

«Держись крѣпче, — сказалъ учитель, задыхаясь, какъ задыхается утомленный человѣкъ, — ибо по такимъ ступенямъ мы должны удаляться изъ этого мѣста страданій».

Затѣмъ онъ вышелъ черезъ разсѣлину къ скалѣ и посадилъ меня на край, потомъ поставилъ около меня свою осторожную ногу.

Я поднялъ глаза, и мнѣ показалось, что я вижу Люцифера такимъ, какимъ я его оставилъ, и увидѣлъ на верху его ноги.

Какъ тогда ломалъ я себѣ голову — предоставляю судить грубымъ смертнымъ, которые не понимаютъ, черезъ какую точку я прошелъ.

«Поднимись на ноги,—сказалъ учитель—путь длиненъ и труденъ, а солнце находится уже на трети своего пути».

Это не была аллея дворца,—та дорога, по которой мы шли, но настоящая пещера, съ неровной почвой и лишенная свѣта.

«Прежде, чѣмъ оставить эту пропасть, учитель, сказалъ я, когда поднялся на ноги,—поговори со мной немного,

«Чтобы вывести меня изъ заблужденія. Гдѣ ледъ? и какимъ образомъ Люциферъ погруженъ головой внизъ? И какъ въ такое короткое время солнце перешло отъ вечера къ утру?»

Тогда онъ мнѣ сказалъ: «ты воображалъ себя на той сторонѣ центра, тамъ, гдѣ я схватился за шерсть этого проклятаго червя, пересѣкающаго мѣръ.

«Ты былъ тамъ, пока я спускался; но когда я повернулся, то ты перешелъ черезъ эту точку, къ которой со всѣхъ сторонъ стремятся тяжести ⁵⁾).

«И теперь ты находишься подъ полушаріемъ, противоположнымъ тому полушарію, которое покрываетъ огромную пустыню, и гдѣ погибъ

«Человѣкъ, родившійся и жившій безъ грѣха ⁶⁾». Подъ ногами у тебя находится маленькій кругъ, противоположный кругу Иуды.

«Когда здѣсь утро, тамъ — вечеръ. И тотъ, чья шерсть послужила намъ лѣстницей, и теперь также погруженъ, какъ и прежде.

«Съ неба онъ упалъ съ этой стороны, и земля, которая до того находилась съ этой стороны, изъ страха закрылась покрываломъ изъ моря,

«И отошла на наше полушаріе, и, убѣгая отъ него, оставила пустое мѣсто и образовала гору, какъ ты самъ увидишь ⁷⁾).

«Тамъ есть мѣсто, удаленное отъ Вельзевула на все протяженіе его могилы; это мѣсто не видно, но его можно узнать по шуму,

«Производимому ручейкомъ, спускающимся изъ расщелины скалы, которую онъ прорываетъ, извиваясь; оно, это мѣсто, нѣсколько наклонно».

Проводникъ и я, мы вступили на эту скрытую тропинку, чтобы вернуться въ свѣтлый міръ и, не думая объ отдыхѣ,

Мы поднимались — онъ впереди, я за нимъ — до тѣхъ поръ, пока я не увидѣлъ тѣхъ прекрасныхъ вещей, которыя намъ показываетъ небо; Мы вышли черезъ круглое отверстіе и увидѣли звѣзды ⁸).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНѢ.

¹⁾ Знамена царя ада приближаются.

²⁾ Дитя—Люциферъ.

³⁾ Эти три лица изображаютъ европейцевъ, азіатовъ и африканцевъ.

⁴⁾ Врутъ и Кассій находятся въ кругѣ Іуды, богоубійцы, т. е. въ центрѣ Ада, какъ царубійцы и измѣнники. Необходимо помнитъ, что Данте былъ на сторонѣ императоровъ.

⁵⁾ Изъ этого мѣста совершенно очевидно, что Данте имѣлъ ясное представленіе о законѣ тяготѣнія.

⁶⁾ То-есть, Іисусъ Христосъ.

⁷⁾ Эта гора—Чистилище.

⁸⁾ Каждая изъ трехъ частей «Божественной Комедіи» оканчивается словомъ «звѣзды» (stelle). Въ «Адѣ»—4720 стиховъ.

